М. ЛОСКУТОВ

Тринадцатый караван

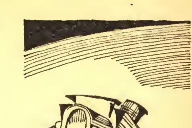
Д

. Зиминых позд-
равляю тебя с Но-
вым Годом и с Днём рож-
дения желаю тебе успехов в учёбе и
здоровья.

От Андрея [illegible]

[redacted] 86. г.

М. ЛОСКУТОВ



Тринадцатый караван

Повесть и рассказы

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"
1984

Р2
Л79

Книга М. Лоскутова «Тринадцатый караваи» ие роман и не повесть, как говорит о ней сам автор. Это, скорее, своеобразный путевой дневник, в котором автор рассказывает об одном из крупнейших мировых автопробегов, известном под названием «Каракумский автопробег».

Прочитав эту книгу, вы узнаете о том, как впервые была проложена автомобильная трасса через аральские пески в пустыню Каракумы — страну «первобытного солнца и необузданного ветра». Вы проделаете вместе с автором — участником этой экспедиции — путь от Москвы, с ее великолепным метро и прекрасными асфальтированными шоссе, до верблюжьих троп и песчаных барханов. Вы узнаете об одной из самых удивительных строек молодой Советской республики, о сооружении серного завода в центре пустыни Каракумы; о самоотверженных шоферах, проделавших героический путь по пустыне, где «нет светофоров, а есть ни на что не похожие барханы и саксауловые заросли».

«Те, кто любит читать о далеких странах,— писал автор,— может быть, полюбят и эту книгу». В ней горят костры на караванных тропах, ревут сигналы машин, работают ученые, растут растения, живут люди, в ней разбитый кузов автомашины, лежащей в Центральных Каракумах,— память о людях, покорявших пески. Они умирали и побеждали. Их дела просты, «но запоминаются, как запах бензина и пустыни».

В этой книге вы найдете, кроме «Тринадцатого каравана», и другие рассказы. «Оии вошли в нее,— говорит автор,— так же, как входят встречные дороги и тропинки, пересекавшие трассу нашего пути».

Рисунки Т. Лоскутовой

Л $\frac{4803000000—336}{М101(03)84}$ 325—84

МИХАИЛ ЛОСКУТОВ

В тридцатых годах наши писатели вновь открыли давно открытую Среднюю Азию. Открыли ее вновь потому, что приход Советской власти в кишлаки, оазисы и пустыни представлял собой удивительное и увлекательное явление.

Спекшийся от столетий быт стран Средней Азии дал глубокие трещины.

На руинах мечетей расцветают по весне робкие розовые цветы. Они маленькие, но цепкие и живучие. Новая жизнь так же цепко, как эти цветы, расцветала в выжженных тысячелетних странах и приобретала невиданные и передовые формы.

Писать об этом было трудно, но необходимо и заманчиво. Самые легкие на подъем и закаленные писатели двинулись в сыпучие пески Каракумов, на Памир, к пышным оазисам Ферганы и синим от изразцов твердыням Самарканда. Среди этих писателей были Николай Тихонов, Владимир Луговской, Василий Козин, Николай Никитин, Михаил Лоскутов и многие другие.

В это время я и познакомился с Лоскутовым.

В тридцатых годах мы особенно много ездили по стране, зимой же, возвратившись в Москву, жили очень веселым содружеством. Чуть не каждый день мы собирались у писателя Фраермана. Как я жалею сейчас, что не записывал тогда, хотя бы коротко, множество великолепных рассказов, услышанных на этих собраниях, множество интересных споров и смелых литературных планов! Каждый из нас считал святой обязанностью читать всем остальным свои новые вещи.

Очевидио, по примеру пушкинского «Арзамаса», Аркадий Гайдар прозвал эти встречи у Фраермана «Конотопами».

Раз в месяц устраивался «Большой Конотоп». На него собиралось человек двадцать писателей. Каждую иеделю бывал «Средиий Конотоп» и, наконец, каждый вечер — «Малый Конотоп». Его состав был почти неизменным. На нем бывали, кроме хозяина дома Фраермана, Аркадий Гайдар, Александр Роскин, Миша Лоскутов, Семен Гехт, редактор журнала «Наши достижения» Василий Бобрышев, Иван Халтурин, редактор журнала «Пионер» Боб Ивантер и я.

На «Конотопе» я, между прочим, услышал множество песенок и стихов, сочиненных Гайдаром. Ои их никогда не записывал. Теперь почти все эти шутливые стихи забыты. Я помню одно, где Гайдар в очень трогательных тоиах предавался размышлениям о своей будущей смерти:

Конотопскне женщины свяжут
На могнлу душнстый венок.
Конотопскне девушкн скажут:
«Отчего это вмер паренек?»

Стихи кончались жалобиым криком:

Ах, давайте машнну скорее!
Ах, везнте меня в «Конотоп»!

Миша Лоскутов появился в этом шумном собраиии писателей тихо и молчаливо. Это был очеиь спокойный, застенчивый, чуть иасмешливый человек.

Он обладал талантом немногословного и меткого юмора. Но прежде всего и больше всего он был талаитливым — и «чертовски талаитливым» — писателем.

У него было великолепиое свойство видеть в обыденных вещах те черты, что всегда ускользают от поверхностного или усталого взгляда. Его писательское зрение отличалось необыкиовенной зоркостью. Ои умел показать в одиой фра-

зе внутреннее содержание человека и всю сложность и своеобразие его отношения к миру.

Мысли его всегда были своими, нигде не взятыми напрокат, необычайно ясными и свежими. Они возникали из «подробностей быстротекущей жизни», они всегда были основаны на конкретности, на своем видении совершенно реальной действительности. Но вместе с тем они были полны ощущения поэтической сущности жизни даже в тех ее проявлениях, где, казалось, не было места поэзии.

Жизнь Лоскутова была как бы сплошной экспедицией в самые разнообразные области жизни. Но больше всего он любил Среднюю Азию. По натуре это был путешественник и тонкий наблюдатель. Если бы существовал на земле еще не открытый и не описанный континент, то Лоскутов первым бы ушел в его опасные и заманчивые дебри. Но ушел бы не с наивной восторженностью и порывом, а спокойно, с выдержкой и опытом подлинного путешественника — такого, как Пржевальский, Ливингстон или Обручев.

Потом, рассказывая об этом путешествии, он ничего бы не выдумывал, и, несмотря на это, его рассказы казались бы самой свободной и захватывающей сказкой.

Он умел в самом обычном, будничном открывать черты необыкновенного, и это свойство делало его подлинным художником.

Для него не было в жизни скучных вещей. Прочтите в его книге эпизод с грузовой машиной. Она стоит на обочине дороги, мотор у нее работает вхолостую, и кажется, что машина трясется от негодования. Шофер сидит рядом на траве и злыми глазами следит за машиной. Проезжие, думая, что у него неполадки с мотором, останавливаются и предлагают помочь. Но шофер мрачно отказывается и говорит:

«Ничего. Постоит, постоит и пойдет. Это она характер показывает».

Эта простая на первый взгляд и скупо написанная сцена полна большого и своеобразного содержания.

Прежде всего в ней совершенно ясно виден неудачник-шофер, мучающийся с этой машиной, как с упрямым и вздорным существом, шофер-труженик, безропотно покрывающий тысячи километров среднеазиатских пространств.

Кроме того, в этом эпизоде заключена мысль об отношении человека к машине именно как к живому существу, заслуживающему то любви, то гнева, то сожаления и требующему чисто отцовской заботы. Так относятся к машине настоящие рабочие.

Описать любую машину можно, лишь полюбив ее, как своего верного помощника, страдая и радуясь вместе с ней.

Много таких точных наблюдений разбросано в работах Лоскутова, в частности в его «Тринадцатом караване»,— наблюдений, вызывающих гораздо более глубокие мысли, чем это может показаться на первый взгляд, наблюдений образных, острых, обогащающих нас внутренним миром писателя.

Достаточно вспомнить описанный Лоскутовым эпизод о том, как переполошились кочевники, когда по каракумским пескам прошла первая грузовая машина и оставила два параллельных узорчатых следа от колес. Набредшие на эти следы пастухи тотчас разнесли по пустыне тревожный слух, что ночью по пескам проползли две исполинские змеи: пастухи ни разу еще не видели машины, они привыкли только к следам животных и людей.

В книгах Лоскутова много разнообразного познавательного материала. Из них мы впервые узнаем о многом, хотя бы о том, как ведут себя во время палящего зноя в пустыне самые обыкновенные вещи, вроде зубной пасты или легких летних туфель.

Лоскутов не успел написать и десятой части того, что задумал и мог написать. Он погиб преждевременно и трагически. Его книги свидетельствуют о том, что мы потеряли большого писателя, и еще о том, что богата талантами наша страна.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Тринадцатый караван

Повесть о пустыне Каракумы

Ночью и днем через песчаную пустыню Каракумы, из Ашхабада к серному заводу, идут автомобили. Они идут по шесть машин в колонне. Они движутся через колодцы Бохордок, Мамед-ярн, Иербент к центру пустыни. По шесть машин в колонне, чтобы помогать друг другу запасными частями, шинами, инструментом, запасной водой и запасными людьми. Они движутся друг за другом по узенькой дороге, укрепленной фашинами и грунтом. Это первая автомобильная дорога в сыпучих песках. Она слаба и часто портится, осыпается под колесами. Машины буксуют, ломаются, застревают в песках и отстают от колонны. Их перегоняют новые и новые автомобильные караваны.

Песок, пропитанный маслом, старые шины и бидоны, валяющиеся на песчаных барханах, бензиновые бочки рядом с пустынными колодцами... Мимо километровых столбов и сломанных машин за двести пятьдесят километров, туда, где в центре пустыни горят огни электрической станции завода и где неподалеку от первого уже вырастает второй такой же завод; вот и привычны уже стали здесь автомобильные караваны. И часто днем шофер, застрявший в песках, услышит в небе клекот перелетных птиц: то четырехмоторные ТБ-3 несут по воздуху серу. И уже мало кто из местных людей знает всю историю этой замечательной дороги, которая открыла целую страну. Прошло всего лишь несколько лет, и я не узнаю этой дороги, этих барханов, этих колодцев.

Мне вспоминается одна из первых автомобильных поездок к Сорока Буграм — Кырк-Джульба. Это был тринадцатый автомобильный караван в Каракумах, и весь он состоял лишь из двух испытанных шестиколесных машин «Рено-Сахара», которых уже не существует. Тогда еще не было завода, не было дороги, не было автобаз и разговоров в песках.

Был 1930 год. К центру пустыни Каракумы отправлялся довольно необычный груз: два котла для выплавки серы, два ящика махорки, один бухгалтер и два журналиста.

Каракумы — это одна из величайших песчаных пустынь мира. Есть несколько таких пустых пространств на земле. Люди входят в них, как в море. Караваны сопровождают лоцманы, компас, карта. Автомобили в них необычны. Они вызывают удивление.

В 1923 году капитан французской армии Делингет с женой на автомобиле фирмы «ситроен» проехал через все пески Африки, от Орана до Капа

Об этом подвиге очень подробно писалось в заграничных газетах. «Мужественные супруги Делингет пересекли песчаный ад», «Автомобиль борется с пустыней» — так назывались статьи. На картинках рисовали маленький, призе

мистый автомобиль, упорно карабкающийся на песчаные холмы.

Я встречал потом эту машину в Ашхабаде, в гараже туркменского Автопромторга.

Это было несколько лет спустя. Директор Автопромторга подошел к сараю и открыл ржавый замок. Двери распахнулись, и мы увидели в темноте сарая кучу поломанных, мертвых автомобилей. Среди них стояла маленькая машина, похожая на крепкого паука с блестящими глазами. Это был экспедиционный трехосный автомобиль с обычной гусеничной передачей — металлической лентой системы «Кегресс».

— Она прошла три части света,— сказал директор.— Сделана в Париже, пересекла Сахару, ехала вокруг Европы в Мурманск, оттуда — сюда, в Азию. Ну и вот: стоит у стенки сарая. Она негодна для регулярной эксплуатации. Наши пески труднее, чем в Сахаре: там песок крупнозернистый, у нас он мелкий. Гусеница засоряется и утопает...

Мы выехали в Каракумы с юга, со стороны Ашхабада и железнодорожной линии Чарджуй — Красноводск.

Через четыре дня после нашего отъезда в газете «Туркменская искра» была напечатана такая статья:

«На днях к центру песков отправились две трехосные машины типа «Рено-Сахара» для выполнения ответственнейшей задачи переброски двух котлов для строительства серного завода. В случае успеха этого рейса будет одержана еще одна победа человеческой техники и большевистского упорства над песками и в стройке серного завода будет завершен один из труднейших этапов — доставка самого тяжелого оборудования завода.

Попытки овладения песчаной дорогой при помощи автомобиля имеют свою историю. Еще в марте 1925 года машина «ситроен» прошла 150 километров в глубь песков, но здесь была вынуждена сбросить часть груза, а затем лента окончательно испортилась, и машину в разобранном виде

доставили на верблюдах обратно. В 1926 году Главхлопком организовал экспедицию на легковом авто от Чарджуя, но машина также застряла в песках. В 1927 году Автопромторг одержал первую огромную победу над песками, пройдя на машинах «рено» через все пески от Чарджуя до Хивы — 500 километров вдоль Амударьи. Затем состоялась известная экспедиция академика Ферсмана, впервые пересекшая Каракумы от Ашхабада через серный завод до Хивы.

Сейчас машины отправились после предварительной подготовки и с учетом опыта предыдущих рейсов. Но необычность такого тяжелого груза, как двухсотпудовые котлы, и отсутствие до сего дня сведений о положении экспедиции не дают нам пока оснований говорить о ее исходе».

Еще в Ашхабаде я просматривал отчеты первых экспедиций. Это были краткие и сухие документы, похожие на судовые журналы. «Сегодня — 12 километров»,— писалось в них. «Немного сдает рессора». Или: «Вечером видели человека. Он шел по направлению на ю.-ю.-в. от колодца Беш-Кудук».

Был конец мая. По вечерам из песков приходила удушливая пыль. Ашхабадцы толпились у бесчисленных киосков с теплым и кислым лимонадом, в городском саду музыка играла тусклые вальсы, на панелях сидели пестрые и загорелые люди в текинских папахах, в тюбетейках, фетровых шляпах и тропических шлемах; люди грызли подсолнухи и говорили на разных языках: это были дехкане из аулов Ашхабад и Аннау, счетоводы из Туркменгосторга, туристы из Москвы и с Кавказа, контрабандисты из Фирюзы с персидской границы.

Я занимался собиранием материалов о песчаной части Туркмении. Я бродил по чайханам, перетряхивал пыль архивов, дни проводил в глухих и грязных аулах. По вечерам мы с товарищем выходили на холмы за городом и видели небо, хребет Копетдаг, огненный шар, падающий за пески, черную синеву туркменской ночи. Крыши города толпились

у предгорья. За огнями шелкомотальной фабрики уже желтели пески.

В 1831 году лейтенант Ост-Индской компании Берис пробирался по сыпучим пескам, там, где теперь проходит железнодорожная линия Ашхабад — Чарджуй. Берис сказал о Каракумах:

«Индийские пустыни ничтожны по сравнению с этим беспредельным океаном песков. Я не представляю себе зрелища более ужасного, чем эта пустыня».

Берис путешествовал сто лет назад. Ост-Индская компания стала древностью. Ужасы уменьшились. Большой город стоит в садах. У кассы вокзала ежедневно толпятся люди, командированные из Москвы и Ленинграда. Но пустыня осталась за вокзалом: о ней не многие знают больше, чем Берис.

«Далеко не всякий знает, где находится пустыня Каракумы.

Одни путают ее с горным плато Каракорум в Центральной Азии, другие относят ее к Северной Персии. Еще меньше знают о том, что она собой представляет, живут ли

в ней люди, какова ее природа» — это писал академик Александр Евгеньевич Ферсман.

Пески Каракумов целиком находятся в пределах СССР. Их площадь превышает 250 тысяч квадратных километров.

Цифры говорят здесь мало. Они не показывают ни величины, ни своеобразия этой страны. Читателю все равно, если я назову цифры в 300 или 500 тысяч квадратных километров. На Каракумах можно поместить две Англии, или две Чехословакии, или три Австрии.

В Каракумах живут люди, люди завоевывают пески. Пустыня понемногу присоединяется к миру.

Я приведу небольшой отрывок из письма одного товарища, работающего по изысканию новых каучуконосов в северо-восточных Каракумах:

«Около года я провел в будке. Фанерная будка стоит на песках в полукилометре от глухого колодца. Иногда ночью песком засыпает тропу, ведущую к моей двери. Ночью мне кажется, что моя будка стоит одна на краю мира. Тогда я встаю и пытаюсь вспомнить человеческие лица. Мне кажется, что они исчезли. Исчезли и города. Я зажигаю свечу и рассматриваю волосы на своей руке, даже считаю их.

Вот я посылаю письмо. Наш караван или верховой придет и возьмет его с собой. Просто. Но я ощущаю это письмо, я «переживаю» почту — чувство, которое у вас атрофировалось. Здесь ведь видишь, как нигде, протяженность мира. В городе, среди поездов, телеграфа, авто, газет, кино и множества событий, забываешь про силы природы. Они побеждены. Ничего не стоит переброситься за 100—300 верст. К вашим услугам железная дорога, телеграф. Ведь верно: вы даже никогда не представляете, как долог, велик и трогателен путь простого письма, отправленного вами в другой конец Союза. Так просто это: сегодня послано, а вскоре там. А ведь оно движется через степи и горы, через ветры и циклоны, через землю, такую большую, что человек, как затерянная точка, не виден на этой земле. Но вот тут, в

пустыне, вдруг ощущаешь эту проклятую и непобежденную природу во всем ее объеме.

Когда мы говорим, что победим все стихии, подчиним их себе, мы представляем это очень отвлеченно. А здесь я вижу: вот эти необъятные пески мы подчиним себе, мы засеем их травами и кустарниками, мы запряжем ветер, мы пустим воду. Я верю: ужасное солнце, жгущее меня в пустыне, мы «используем при помощи новейших научных достижений». Мы зажжем иные солнца здесь, где ночью непроглядная тьма. Выкопаем серу. Возьмем мирабилит, уголь. Построим города. Я чувствую эту борьбу, встречаю противника, везде вижу работу. И честное слово, это одно из прекраснейших чувств...»

АШХАБАДСКИЕ НОЧИ

ТОВАРИЩ КОРАБЕЛЬНИКОВ ТЕРЯЕТ ПУСТЫНЮ

Всю ночь над Закаспийской низменностью проносились ветры, происходили атмосферные разряды, всякая чепуха. Коротковолновик Корабельников, голый и волосатый, в маленькой душной комнатке сидел над радиотелефонным аппаратом. Руками, потными от жары и напряжения, он давил москитов и записывал на бумажке обрывки фраз.

Приему обыкновенно мешали Ташкентская широковещательная станция, Стамбул и железнодорожная морзянка. Радист пытался на ночь оторваться от всего мира. Он называл это «интимной беседой с серным заводом». Но в беседу с далекими Буграми попеременно врывались депеши железнодорожного диспетчера, рояль и какие-то крикливые женские голоса. Тогда Корабельников крепко ругался и начинал подкручивать ручки настройки. В ночном мире угасали невидимые женщины и возникали свисты и грохоты. Утром, приходя в радиоцентр, мы читали невероятные записи Корабельникова:

«...Серном заводе нуждаются запасных...

...Умболо... умболо...

...Прочтем программу на завтра...

...Подтверждается безвыходное положение табаком. Долгое отсутствие караванов, а также со...

...Двенадцать десять — концерт немецких композиторов...

...А также совершенное неведение... Караваны пропали в песках. Директор завода выехал Ашхабад...

...Повторяем: двенадцать десять — концерт немецких компози... Международное положение Польши...

...Р-р-р... раздается звон мечей...»

Это были дни терпения. Мы настраивались на пустыню. Ничего еще не было известно. Когда караван отправляется в дальний рейс, то верблюдов предварительно долго и внимательно наполняют водой. Затем на них грузят полные бочки. Хороший верблюд может не пить до пятнадцати дней в книжках и до шести суток — в действительности.

Теперь «дни наполнения водой» были совсем иными. Не было верблюдов; караван состоял из двух автомашин. Утром мы приходили на площадь перед Автопромторгом и видели ноги черного человека, торчащие из-под автомобиля. Черный человек обстукивал каждую частицу машины и прислушивался к ее голосу. К автомобилям крепкими веревками и проволокой были привязаны бочки. Из-за бочек возвышались громадные и пузатые котлы — автоклавы.

Запыленное ашхабадское солнце висело над площадью. Температура поднималась за сорок. Площадь была наполнена парами бензина, сиренами машин, криками людей, ослов и верблюдов. Новенький бетонный дом Автопромторга смотрел окнами в гущу текинского базара; там продавали халаты, урюк, баранов, сушеные дыни. Кудрявые овцы толпились у колес красного автобуса и лезли в тень кузова. Это был вокзал автомобилей. Автобус отправлялся в горный поселок Фирюзу. Грузовик, идущий в Персию, наполнялся ящиками, персидскими купцами и их женами.

Дороги расходятся отсюда далеко в стороны... Но среди них нет еще нашей дороги. Может быть, машины пойдут

через день, а может быть, и через неделю. Расписания движения по Каракумам еще не существует. Асфальт тротуара вздымался от жары, лопался и прилипал к ногам.

Какой-то босой старик подошел к нам и предложил купить у него парочку-другую змей. Он сунул руку в мешок и действительно вынул оттуда целую связку змеек. Они были извилистыми и совершенно неправдоподобными. Они болтались и высовывали языки. Прохожий сказал, что две из них ядовиты. Старик наловил их в песках и просил за свой странный товар от одного до двух рублей за штуку. Ничего нельзя сказать: змеи в Ашхабаде сравнительно дешевы. Но змеи нам были как раз меньше всего необходимы. Мы поблагодарили старика и вошли в Автопромторг.

Директор одной рукой держал телефонную трубку, другой водил карандашом по столу.

— Сушеные яблоки,— говорил он.— Станция... Алло! Я говорю: к черту ваши яблоки! Очень вы хороший Цераб-

кооп, если не можете дать мясных консервов... Почему-то, когда в пески идут геологи, у вас находятся консервы, и сахар, и то, и се. А вот наши шоферы никогда н десяти фунтов на брата не могут получить... Что? Какую неделю? А может быть, они на месяц застрянут! Вы их тогда, милый человек, песком будете снабжать?.. Я... Категорическн... Срываете заданне Совнаркома. Наши людн отказываются ехать. Не понимаю, каким образом... Глупости! Я говорю — глупости! Ннкакой консервированной камбалы! Садитесь самн за руль с вашей камбалой. На камбале до Серных Бугров не доедете. Вы понимаете, что...

Я взял со стола бумажку. Это было отношение Совнаркома, в котором в кратких словах обрисовывалось положение на Серных Буграх.

«Отсутствие котлов срывает и задерживает окончательный пуск завода. Средн рабочих строительства н окружающего кочевого населения затяжка в переброске котлов сеет недоверне к стройке. Обеспечение своевременного выполнения этой труднейшей задачн — переброски автоклавов через пески — окончательно сломит ликвидаторскне настроения и вызовет подъем энтузназма. Поэтому Совнарком предлагает...»

Отношенне было напечатано на пишущей машинке, по обыкновению, на двух языках — русском и туркменском, латинским шрифтом, но почему-то с арабской подписью секретаря.

Черный шофер вошел в комнату и вытер руки о засаленную тряпку. Он был похож на цыгана.

Ну хорошо, товарищ Каланов,— сказал он, сплевывая на руки.— Эти штуковнны весят двестн пудов. А вот чем мы будем их сошвыривать на песок в случае, если того...— Он подмнгнул н свнстнул.— Пальцем, что ли?

— Очень просто,— сказал директор.— Берете доску. Подпираете автоклав под бок...

Говорил он это так, будто много раз ему приходилось сбрасывать двухсотпудовые котлы в пустыне.

— Ну а если она мне тарантас испортит? Двести верст пешком путешествовать? Я не верблюд, товарищ Каланов.

Его звали очень странно: Нарцисс. Нарцисс и Сергей, два шофера, должны были вести машины в тринадцатый рейс. Последний рейс перед нашим они шли до завода двенадцать суток. 250 километров пути они наполовину уложили ветками саксаула, так как машины отказывались идти по песку.

Люди приехали на серный завод в изорванном платье, почти голые, с изодранными руками. На заводе они достали трусики и в них вернулись в Ашхабад.

В Автопромторге ожидали директора серного завода. И в серной конторе ожидали директора. Всюду мы слышали обрывки фраз: «Он уехал... Он поехал... Он не доехал... Завтра... сегодня... послезавтра...» Он выехал с Бугров три дня назад, и до сих пор его не было. На Буграх ожидали караваны с махоркой и продовольствием. Караванов тоже не было.

Караваны должны были

разбросать для нас в разных пунктах бидоны с бензином. Это освобождало наши машины от большого груза. Здесь в расчет принимался каждый килограмм. Если бы я был толстым, меня бы не взяли в экспедицию.

В Ашхабаде по улицам бежали горячие ветры. Они подметали мостовую.

Пески начинались рядом, за железной дорогой. Мы выходили смотреть на них; это было скучно: желтые бугры, покрытые зелеными бородавками.

Пустыня ежедневно приходила в город в виде зноя и мириадов песчинок. Она оседала на зубах, и ее нужно было сплевывать каждую минуту.

Мы вошли в ашхабадскую контору серного завода.

Управляющий конторой нанимал рабочих на завод — высоких туркмен в бараньих шапках и кожаных сандалиях.

Жена одного рабочего, находящегося на Серных Буграх, просила место в караване.

— Мы не имеем права посылать женщин. Женщин не берем,— твердил управляющий конторой.— Не потому, что страшно, а потому, что нам запрещено.

Управляющий был спокойный человек, не любящий преувеличений.

— Давайте условимся,— говорил он нам,— что вы не будете писать никаких ужасов. Вы не встретите никаких там белеющих костей и других глупостей. Все обстоит гораздо проще. Никаких потерянных дорог. Наши рабочие вдоль всей дороги саксаул повыжгли, нечем костер развести, всю дорогу вытоптали, а вы говорите — потерянные тропы.

В контору вошел высокий старик. Это был худой, очень смуглый туркмен из жителей песков. Он снял шапку и протянул директору смятую бумажку.

— Ас-салам алейкум,— сказал он.— Мана когас, иолдаш. Бумажка... директор. Иолдаш директор Марли-Мурад дан.

— Записка от директора Марли-Мурада?! Наконец он нашелся! Где же он?

Мы добрые полчаса читали смятое и неразборчивое письмо директора. Оно было покрыто грязью и пахло бараньей шапкой и жевательным табаком. В письме сообщалось, что директор выехал с завода три дня назад, что при отъезде дул западный ветер и что проводник был слепой, одноглазый мошенник, которого послал дьявол, если он существует.

«Утром мы сбились с тропы и заблудились. Пока в наших (затерто) не иссякла вода. Тогда мы готовились погибать. Если (затерто) встретили кочевника. Послали за водой. Восемь раз ездил за водой, и восемь раз выпивали до капли. Я нахожусь сейчас в районе колодцев Янык. Буду завтра...»

Директор Марли-Мурад был туркмен, видавший пески, много раз их пересекавший.

Директор исчезал и находился. Церабкооп изыскивал сахар. Автопромторг измерял и увязывал ящики.

Вечером мы с товарищем приходили в радиоцентр и садились возле радиста. Корабельников был большой, рыжий, с красным носом. Носу мы завидовали, потому что он обгорел в Каракумах.

Радист шесть месяцев проработал на радиостанции серного завода. Он любил говорить научно и изысканно, как музейный работник:

— Пески есть не что иное, как бывшее дно большого моря. Пески ходят по твердому дну. Въезжая в область открытых песков, вы видите иногда белые поля совершенно гладкой поверхности. Это и есть солончаки.

Начинал шуметь блестящий ящик, и радист протягивал нам наушники. С заводом обязательно нужно было связаться, без этого наш караван не может тронуться. Но ящик кричал в уши какую-то непонятную, нелепую песенку. Очень далекий и очень тонкий голос путешествовал по спящей земле. Вместе с жалкими обрывками скрипки он забредал в

Закаспий и рассказывал нам о какой-то девушке Мен, уехавшей в чужой город.

Очевидно, теперь уже в песках расставлены бидоны с бензином и Серные Бугры должны предупредить о нашем рейсе все колодцы. Но смогут ли они сообщить нам хоть два слова?

Корабельников злился и снимал потную рубашку. Он поворачивал все ручки, но никак не мог нащупать голоса Серных Бугров.

— Ночью мы на заводе ловили ядовитых фаланг,— рассказывал Корабельников.— Это чрезвычайно просто: следует открыть дверь землянки, и они приползут по песку на свет. Когда же я работал радистом на афганской границе, там мы фаланг и скорпионов ловили, так сказать, на фонарь. Поставишь только фонарь на землю...

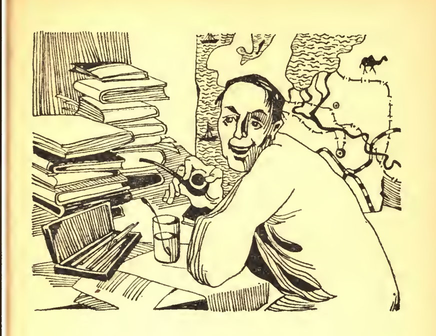
Потом Корабельников начинал рассказывать о каком-то неизвестном, может быть придуманном им, караване, и мы следили за его похождениями.

Караван шел ночью через пески, и мы даже слышали звон его колокольцев. В ящике радио девушка Мен еще не умерла, но теперь она спорила с преподавателем немецкого языка — сиплым, лающим баритоном. Звон каравана проходил между ними где-то в ночном пространстве.

Плачет Мен, и рыдает оркестр
до зари,
И по улицам прячутся вдаль
фонари...

«...Ни в коем случае не следует произносить «еи» как «ей» — «клейн». Произносите «кляйн». Маленький».

— Завода не будет,— заявил Корабельников и захлопнул крышку.— Пески окончательно исчезли. Сейчас начинается морзе. Это ночная передача корреспондента ТАСС из Индии по трансляции Тегеран — Ташкент — Москва. Они уже будут стучать до самого утра.



Так рвалась последияя связь с песками.

Радист надевал рубашку, тушил свет, открывал окно. Но мы уже не могли спать. Мы хотели, чтоб пустыня продолжалась. Тогда мы выходили на улицу и направлялись к маленькому домику на улице Маркса. Здесь мы во всякое время дня и ночи могли получать каракумские новости. Здесь жил гидрогеолог Коистантин Павлович К., человек, готовившийся к экспедиции. Мы не представляли себе, чтобы он когда-либо спал. Он сидел за своим огромным столом в десять часов вечера, в два часа ночи и в шесть часов утра. Если он не писал каких-то заметок, то читал записи. Если он не писал и не читал, то бегал по городу. По городу он бегал так же, как и по своей комнате, заложив руки за спину и хмуря брови.

Встречая его таким в Совнаркоме, мы ожидали, что он скажет: «Ну, садитесь, садитесь... Чай извольте разогревать

сами. Мне некогда. А впрочем, слушайте, я вам расскажу один любопытный случай».

С геологом мы встретились в серной конторе. Мы готовились к поездке в одни и те же места: мы на машинах, он на верблюдах.

Одна из геологических партий отправлялась на верблюдах в Центральные Каракумы и сейчас переживала суетню подготовки.

В Ашхабаде готовилась парусиновая палатка. Из Москвы шли астрономические приборы. В горном отделе составлялась смета. В Бохардене нанимались проводники...

Вечером высокий и хмурый на вид геолог, с трубкой и в тюбетейке, хватал охотничью двустволку и бежал с нами на холмы, бил зайцев, рассказывал, терял трубку, рассказывал, находил ее и опять рассказывал.

Он смеялся над нашими машинами и расхваливал верблюдов:

— Вы не знаете, что такое верблюд. Это остроумнейшее изобретение на Востоке! Верблюду не нужны никакие подшипники — раз. Он долго не пьет и вынослив как дьявол — два. Он красив. Да! Нет ничего грациознее и величественнее хорошего великана инера, не из зоологического сада, не опаршивевшего от тоски и недоедания, а настоящего где-нибудь в дебрях. Когда он шагает через пески — это шествует сама история! Да, ведь недаром же он — самый испытанный здесь транспорт, это проверено человеком пустыни и изучено веками, понимаете, веками! А этим нельзя бросаться. Возьмите простую вещь: идет караван и все верблюды связаны друг с другом веревочками. Общая дисциплина. Но стоит одному упасть — разве он потянет за собой других или разорвет себе ноздрю? Нет. Палочки и кольцо так хитроумно продеты через ноздрю, что при падении цепь автоматически разъединяется. Для этого нужно искусство.

Ночью мы приходим к геологу, к его столу. Этот стол

был собранием самых невероятных предметов. Мы могли найти там связку веревок из хлопка-сырца, готовальню, русско-туркменский словарь, «Полное описание завоеваний в Средней Азии со времен Петра Великого с приложением списка георгиевских кавалеров и получивших медали за храбрость». Но больше всего мы любили огромную изношенную карту-двадцативерстку издания Туркестанского военно-топографического кабинета 1879 года.

— Вот,— говорил Константин Павлович, бережно раскладывая карту,— прошли войны и революция, а в теперешней карте Туркмении вы найдете то же, что и в 1879 году. Почти никаких изменений, если только не считать последних трех-четырех лет. Вот здесь была экспедиция Ферсмана, а здесь — Нацкого. А тут — никого.

— Позвольте, позвольте, а Калитин, а Коншин?

— Что Коншин? Что ваш Коншин?! Еще при царе Горохе и генерале Скобелеве...

Здесь начиналась история. В нашу комнату врывались воспоминания. Шли генералы и научные экспедиции. Блестели очки. Гремели лафеты мортир и походных кухонь. Рыжие пятна карты-двадцативерстки превращались в песчаные сугробы.

Геолог доставал свою записную книжку с какой-то особой нумерацией, где были занесены всевозможные справки, факты, выписки.

Мне уже было известно, что о Каракумах обычно говорят много вздора. Сведения часто неправильные, факты встают в искаженном и преувеличенном виде.

Так, например, утверждают, что западнее Серных Бугров в пустыне есть река Узбой, на которой стоят аулы и растут сады; что за Каракумами, на плато Устюрт, живут неизвестные племена, и тому подобное.

Все это совершенно не соответствует действительности.

На географических картах Средней Азии пустыни рисуют желтой краской, а орошаемые земли оазисов — зеленой. На этих картах желтого цвета раз в тридцать больше, чем зеленого. На землях, показанных на картах желтым цветом, растет очень редкий кустарник и бродят пески. Города Ашхабад, Мерв, Чарджуй лежат на узких зеленых пятнышках среди желтого моря. Туркменская республика находится в пустыне!

В шестнадцатом столетии реку Амударью протягивали в Каспийское море, Каспийское море неизвестно где начиналось, и вообще южнее Оренбурга было много пустых мест. Но из этих пустых мест приезжали на оренбургский базар люди с черными бородами и длинными головами, в полосатых халатах и в бараньих шапках. Они продавали текинские ковры, кожу, баранью шерсть, шелка, щербет и опиум. Потом несколько месяцев ехали на верблюдах через пустыню к себе домой, в Хивинское ханство. Часто они похищали русских купцов и увозили в рабство. Хивинское же ханство — оазис у Аральского моря. Южнее — Каракумы, что значит Черные пески, северо-восточнее — Кызылкумы, что значит Красные пески, на западе плато Устюрт.

Хива и пустыни лежат на пути к Индии. Туда давно стремились проникнуть русские цари-завоеватели. Но так как и англичане интересовались Индией, то они пытались загородить дорогу России через пустыни Азии.

В свое время Павел I «подарил» Индию и Хиву казакам. Перед этим он с Наполеоном хотел идти на Индию, но предприятие оказалось слишком сложным.

Казаки отказались от подарка: они очень хорошо знали ему цену.

В 1605 году, почти за два столетия до Павла, тысяча яицких казаков отправились в пустое место, чтобы напасть на Хиву. Месяц они шли по голым пескам и съели всю пищу. Потом они решили повернуть назад, но у них не хватило

воды. Казаки начали пить кровь лошадей. Из тысячи казаков ни один не вернулся обратно.

Английские купцы и военные с давних пор вынюхивали воздух среднеазиатских пустынь. Когда русские сквозь пески и неизвестность проникли в оазис Мерв, то там на базаре уже сидел на рундуке толстый лысый человек в чалме и халате, сидел и весело торговал кишмишом и сушеными дынями. Звался он армянским купцом Ибрагимсабом, а на самом деле был капитаном английской армии. Но об этом после.

— Поедем сегодня в Геок-Тепе,— сказал однажды геолог.— Вы не были еще в Геок-Тепе? Стыдно! Геок-Тепе — это туркменская история. Я вам покажу крепость. Мы пробудем там два дня, пока я найму верблюдов и проводников.

Геок-Тепе — станция по пути к Красноводску. Случай побывать в Геок-Тепе в сопровождении такого знатока истории я решил использовать.

Ехали мы, так же как и в Ашхабад, по бывшей Закаспийской железной дороге. В перерывах между городами-оазисами поезд шел через пустыню. Она врывалась в окна, была ослепительна, как море. Проводники закрывали окна и сметали с полок песок.

Всего лишь пятьдесят лет назад не существовало этой дороги. Это было время «белого генерала» Скобелева, пироксилиновых ракет, первых конных паровозов в пустыне, всемирной газетной шумихи.

Вот выписка из записной книжки геолога. Часть историческая. Раздел «Генералы в пустыне». Факты, справки, старые книги, газетные вырезки.

«Кавказ и Меркурий» — пароходное общество, перевозившее в то время из Баку на тот берег Каспийского моря необычайные грузы. На совершенно пустынном берегу выгружали солдат в белых полотняных рубашках, мортиры, двести тысяч порций консервов «щи-каша», десять тысяч лимонов, керосиновые фонари, скипидарные распылители.

Все это спешно отправлялось в пески.

«Азиата нужно бить по воображению» — одно из любимых выражений генерала Скобелева. Ночью он приказывал разжигать распылители, ракеты, факелы, старинные электрические фонари Яблочкова. Пушки брались такие, которые давали побольше огня, дыма и грохота.

Генерал Скобелев держал себя великим человеком, любил важные и красивые позы. Ездил он всегда в белой папахе, бурке и на белой лошади. Всю армию он одел в парусину, тоже белую. Это был очень хитрый расчет, который никто тогда не разгадал. Дело в том, что по белой мишени гораздо труднее целиться среди белых такыров и желтоватых песков. Люди же, одетые в черное, могли бы явиться прекрасной мишенью.

Скобелев был белым яблоком. Адъютанты, ездившие по бокам, были черным кругом. У Скобелева очень часто менялись адъютанты. Они все были убиты туркменскими стрелками, метившими в Скобелева.

Итак, строилась Закаспийская дорога.

С парохода были выгружены два рутьера — особых паровика, работающих на жидком топливе. К ним прицепили вагоны, и они пошли без всяких рельсов, по песку. Их называли огнедышащими колесницами. Они начали Закаспийскую дорогу. Но прошли эти паровики немного — тут же застряли в песке, и их не могли вытащить. Тогда стали по песку прокладывать рельсы, и лошади возили вагоны по этим рельсам.

Дорогу прокладывали, воюя с туркменами и с пустыней.

Туркмены налетали из-за барханов и расстреливали строителей. Ветер засыпал рельсы песком.

Весь мир следил за горсточкой людей, прокладывавших дорогу в закаспийской глуши. Когда в глубине страны обессиленные люди встретили невероятное сопротивление песков, кто-то предложил проект: всю дорогу, несколько сот верст от Ашхабада до Мерва, закрыть искусственным туннелем. И до наших дней пески еще не помирились с желез-

иой дорогой, оии пытаются ее засыпать и погрести под собою...

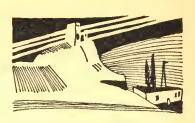
Про многие дороги обычио говорят, что оии построеиы на костях. Тех костей, которые легли на закаспийские линии, иикто еще ие сосчитал. Это кости русских солдат и туркмеиских пастухов. Одиой только циигой, и только за два года, болело четыре тысячи строителей-солдат. Выздоровело из них, по официальным отчетам, тысяча.

О туркмеиах ие говорили отчеты.

В далеком Петербурге имя Скобелева гремело в свете. Ои был любимцем жеищии и художников.

Мы подиялись иа стеиы старииной крепости. В городе зажигались огии. Старый туркмеи Кият-Мурад, заведующий геоктепиской красиой чайханой № 4, постучал палкой по растрескавшемуся валу. Куски засохшей глииы полетели в расщелииы. С развалии еще ие была видиа зелеиь Геок-Тепе и желтизиа песков.

— Здесь был Деигиль-Тепе — Горка совета,— сказал Мурад.— Геок-Тепе—это



неправильно. Геок — это весь оазис.— Он провел палкой по воздуху.—Шесть дней и шесть ночей продолжался бой. Воздух был черным и земля красной. Крепость была разрушена... Ее построили очень-очень давно, еще во время Огузхана.

Старик многое, конечно, преувеличивал. Геоктепинская крепость имеет совсем иную историю.

Едва ли земля была красной, но бой действительно шел много дней и много ночей. Небо было черным.

Мортиры и керосиновые фонари работали непрерывно. Пироксилиновые ракеты жгли далеко в окрестностях кибитки мирных жителей.

У подступов к Геок-Тепе было сооружено несколько укрепленных линий. Поселки из землянок и палаток тянулись на барханы.

Солдаты варили щи, копали рвы, иногда охотились на туркмен. Конные вагоны и паровики привозили из Красноводска солдат, наблюдателей и маркитантов. Маркитанты втридорога продавали солдатам гнилые пряники, губные гармошки и спирт. Пиво стоило пять рублей бутылка. У походных кабаков плясали толпы. За околицами поселков дымилась большая и однообразная пустыня.

Это было в восьмидесятых годах прошлого столетия.

Вечером на четвертом редуте горнисты проиграли зорю. Офицеры отправились в штабную палатку играть в карты. Ночь наступила почти без сумерек. Неожиданно, чертыхаясь и натыкаясь на рвы и обозные колеса, пробежали люди. Тревога докатилась до землянки Скобелева. В нее вошел бледный полковник Чечников с рукой у козырька:

— У западной заставы задержан неизвестный человек. Он пришел из песков. У нас никто его не знает.

Последние рутьеры давно ушли к Красноводску. На окраине лагеря крайний сторожевой пикет составил ружья в козлы. Солдаты легли отдыхать у палатки.

Солдаты говорили о России и смотрели на пустыню с опаской, как будто оттуда должны были прийти чудовища.

Вдруг перед ними на линии дороги появился человек в фетровой шляпе, с большим чемоданом в руке, с трубкой и в туркменском халате. Он ехал по шпалам верхом на персидском осле. Он пел песню и бил осла по шее длинным полевым биноклем.

Солдаты с перепугу ахнули в него из пяти винтовок.

Человек упал с осла и встал, ругаясь на плохом русском языке:

— Проклятье! Вы так можете испугать моего осла.

...Выслушав рассказ обо всем этом, Скобелев взглянул на Чечникова:

— Вы знаете, полковник, о чем я думаю? Если это он, то... лучше бы нам встретить целую дивизию туркменцев.

Именно о том же, ваше превосходительство, и я думаю. Я не понимаю, зачем эти мерзавцы здесь шляются?! Они вынюхивают воздух, как ищейки. Они знают, что мы их ненавидим, но они нахальны безмерно, ваше превосходи-

тельство. Когда я участвовал в хивинском походе, у нас тоже был один такой господин. Тот самый мистер Мак-Гахан, который написал книжку «Военные действия на Оксусе и падение Хивы». Мы высадились на Мангышлакском полуострове и собирались уже двигаться в пустыню, когда к нам в штаб приехал этот мистер. Наш генерал был насчет их решительных правил и потому наотрез запретил ему ехать с нами. «Как так? — кричал тот.— Вы не хотите, чтобы о событиях знала Европа? — «Насчет Европы у нас позаботится немецкий корреспондент поручик Штумм,— отвечает генерал.— Путешествие по пескам я нахожу вредным для вашего здоровья...»

— Ну, и?..— перебил его Скобелев нетерпеливо.

— Ну, и... и мы пришли на колодцы Турт-Адам без Гахана. Шли мы три недели по пустыне. И потом пришли на не ведомые никому дотоле колодцы. И на не ведомых дотоле колодцах нас ожидал английский корреспондент мистер Мак-Гахан, от скуки забавлявшийся охотой на пустынную антилопу.

— Я бы их вешал,— сказал Скобелев коротко.

В это время за порогом раздался шум, ругань конвойных, и в двери ввели человека, размахивавшего чемоданом.

— Очшень рад! — кричал он.— О'Доннован, честь имею... Представитель британской прессы.

— Наш штаб,— сказал Скобелев, вставая и закусывая ус,— наш штаб счастлив... в вашем лице... великую нацию.— Вежливо улыбнулся и пододвинул табурет.

Английский премьер-министр Веллингтон в газетах расхваливал русскую армию и писал о ее героических подвигах в Туркестане.

Через моря он протягивал русскому царю дружественную руку. Одновременно он посылал в Туркестан офицеров Бутлера и Непира с приказом поднять в песках восстание туркмен против русских.

С начала прошлого столетия города Средней Азии на-

чали наводняться подозрительными странниками, фальшивыми дервишами и миссионерами.

Даже в русском Оренбурге сидели английские миссионеры Бернс, Аббос, Шекспир и другие. И Лондону не хуже, чем Петербургу, были известны запахи, цвет и цены кавказской нефти и туркестанского хлопка.

Утром О'Доннован лазил по окрестностям и в бинокль рассматривал стены Геок-Тепе. Боевые действия не начинались. Все, что нужно, было уже записано.

Днем О'Доннован пил английский коньяк, а к вечеру кончал туркменской бузой. Он был веселым человеком, да к тому же пили в лагере все.

Однажды вечером полковник Чечников пришел к Скобелеву сияющий:

— Мы имеем великолепный повод... Полное изъятие корреспондента без нарушения международной вежливости.

В официальных материалах говорилось, что О'Доннован напился пьяным, разделся голым и в таком виде плясал и буйствовал возле походного кабака. Корреспондента связали и тотчас же отправили в Красноводск.

О'Доннован очнулся на пароходе, идущем по Каспийскому морю в Баку. Он потребовал, чтобы пароход вернулся обратно. Капитан вежливо улыбался и молчал.

За кормой уходил вдаль желтый берег пустынной страны.

Полковник Чечников долго еще нервничал и помнил о корреспондентах. Допрашивая пленных туркмен, он всегда искал среди них разговаривающих по-английски.

В битве у Геок-Тепе ему участвовать не пришлось. Туркмены оказались сильнее, чем все думали. Осада затянулась. Полковника послали к красноводской бухте за транспортом сухарей и противоцинготных лимонов. Когда он возвращался, на востоке горело зарево.

— У Геок началось! — воскликнул какой-то офицер.

Все бросились на холм и молча смотрели на клубы ко-

ричневого дыма. Оазис горел в дыму и грохоте. Чечников обернулся и вздрогнул... Недалеко в толпе стоял О'Донноваи в костюме русского офицера и в бинокль смотрел на зарево.

— Олл-райт! Салам алейкум! — кивнул он полковнику.— Теперь мы можем разговаривать честно. Хлопок стоит хорошего зарева. Это сделано чисто.

О'Доннована схватили и отправили на Запад. Русские шли на Восток.

Если бы много времени спустя полковник был при взятии Мервского оазиса, он узнал бы в местном купце Ибрагим-саабе английского корреспондента О'Доннована.

Зарево было сделано чисто. Штурм Геок-Тепе был кровопролитным для обеих сторон. Туркмены сражались как львы, и об этом до сих пор поют песни. Но пушки победили...

Генерал Скобелев взошел на глиняную стену. Крепость догорала и дымилась, как брошенный путниками костер в пустыне. Вдруг генерал вздрогнул. Взгляд его упал на глиняную стену. Там чем-то, наверно палкой, было начертано по-английски: «Двенадцать, 47-С...» Потом еще какие-то формулы, и, говорят, еще будто в конце было приписано: «До свиданья».

Генерал испугался. Он не любил англичан, тем более таинственных.

Однако в английской надписи не было ничего таинственного. Теперь уже доподлинно известно, что крепость Геок-Тепе строил для туркмен, против русских, английский инженер Ботлер.

Заброшенные и потерявшие форму валы проросли травой и репейником, белая коза путешествовала по остаткам стены.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Странные легенды встречаются в пустыне. Если старые туркмены Центральных Каракумов, рассказывая тайны песков, перечисляя старинных ханов и родственников дьявола, покажут в качестве реликвии рыжие подтяжки или стоптанный штиблет с остатками шнурков, не нужно удивляться. Это остатки последней легенды пустыни. Она же была ее первой основательной деловой прозой.

Вот человек, который был некоторое время хозяином собственного государства в песках. Он оставил в истории след самой забавной неопределенности. Среди первых путешественников и пионеров пустыни этот человек занимает своеобразное место, точно бакалейный лавочник среди ученых. .

Он ворвался в историю Каракумов в длинном сюртуке одесских коммерсантов и исчез, как комета, создав за собою хвост канцелярской переписки. И к науке он имел лишь поверхностное отношение. Нас он интересует как необходимый этап в повести о Серных Буграх. До сих пор еще на холмах Кырк-Джульба — Сорок Бугров — кочевники рассказывают о неизвестных людях, ковырявшихся когда-то здесь, и можно видеть странные ржавые предметы, полузасыпанные песком.

В один ясный день 1881 года в область песков вошел караван верблюдов. Он нес офицера колониальных русских войск поручика Калитина, отряд солдат в белых рубашках, несколько бочек воды, сухари в мешках и ряд второстепенных предметов.

Верблюды шли тихим шагом, белые кители блестели под неистовым солнцем, поручик Калитин с трепетом смотрел на открывавшуюся перед ним страну. Пески и пески лежали по обе стороны поручика. До него только один ученый-европеец — Вамбери — проник в этот непонятный край, причем сообщил о нем очень мало приятного. Это была страна, неизвестная начальству.

Древнегреческий историк Геродот указывал, что здесь живут массагеты; они убивают своих стариков и съедают. Но, конечно, административная деятельность краевых властей не могла строиться на сообщениях древнегреческих авторов. Поэтому было приказано поручику Калитину елико возможно привести это место географической карты хотя бы в относительный порядок.

Офицеры вообще занимали в истории Каракумов странно значительное место. Так, из имевших отношение к Серным Буграм можно насчитать до десятка капитанов в отставке, генерал-майоров и поручиков. Но поручик Калитин сыграл совсем особую роль, не столько как поручик, сколько как серьезный исследователь. Горсточке колумбов на верблюдах приходилось удивляться с утра до вечера.

Сухопутные маленькие крокодилы — вараны — бегали по барханам. Они тоже удивлялись, так как раньше никогда не видели русских войск. Иногда экспедиция встречала кочевых людей, которые назывались туркменами. Почерневшие в пустыне, они пасли верблюдов и овец на жидкой растительности песков.

Змеи шипели под ногами верблюдов и расползались в разные стороны.

Так шла экспедиция дни и ночи. Когда люди подходили уже к самой середине песков, перед ними открылись разбросанные вдалеке остроконечные холмы. Здесь исследователи увидели туркмен, выкапывавших желтые камни.

Поручик поднял один камень и понюхал: камень пах спичками и порохом.

Бугры были начинены серой, мыльным камнем и пестрыми глинами. С тех пор они вошли в географию.

С того дня, как поручик поднял с земли желтый камень, запах Серных Бугров начал распространяться из Центральных Каракумов по всему миру.

Добрая дюжина отчаянных предпринимателей бродила вокруг песков, как шакалы. Здесь были поручики, инжене-

ры и присяжные поверенные. Они подавали в отставку, покупали верблюдов, делали массу глупостей, обивая пороги канцелярий. Дюжина опытных носов втягивала в себя воздух. Бугры пахли не только серой. Бугры пахли большими деньгами. Люди не выдерживали и подавали заявки в центральные местные канцелярии.

Здесь разворачивается Файвишевич, человек-сюжет, комета в сюртуке.

— Покупаю Бугры. Почем? — сказал он в канцелярии.

— Непродажные, — ответили ему.

— Ну, тогда заберите их себе,— сказал он небрежно. И поехал в Каракумы.

Он подъехал к Буграм на верблюде, с зонтиком. От одного этого могло покачнуться все величие песков.

Человек в подтяжках сидел высоко на верблюде, перекинув через руку длинный местечковый сюртук, и в другой руке держал зонтик. Он качал головой и говорил Льву Рейцигу, своему помощнику:

— Ты видел? Хотел бы знать, кто так разбрасывается песком?

Горы чайников свисали с верблюдов. Дополнял картину необъятный клетчатый саквояж комиссионера. Несомненно, сейчас же после этого и начали умирать восточные тайны.

Файвишевич подъехал к Буграм, осмотрел их со всех сторон, постучал о камень зонтиком и сказал спутникам:

— Ничего себе. Сто процентов.

— Инженер Коншин говорит: сорок процентов,— вежливо напомнил ему помощник.

— Что сорок? Камень содержит серы? Возьмите серу себе. Я говорю: сто процентов прибыли.

И уехал в Ашхабад.

Вот какие люди в Ашхабаде! Они готовы любую мелочь тянуть и тянуть без конца. А здесь ждать просто некогда.

— Я не могу ждать,— сказал Файвишевич сухому человеку в золотых пуговицах.

— Кто вас просит ждать? Вам в заявке на Бугры отказано. Во-первых, потому, что вы еврей и вообще не имеете права жить в этой области. Во-вторых, участки отведены инженеру Коншину.

Тогда Файвишевич подумал немного и подал заявление о том, что Коншин передал участки ему. Коншина вызвали и узнали, что он никому и никогда участки не передавал.

— Не передавал?! — искренне удивился Файвишевич.— Вот как? Ну и что же, пусть он их держит у себя!

И опять помчался в Каракумы.

День и ночь сухопутные крокодилы выбегали из-под ног. День и ночь качались верблюды над песком. У Серных Бугров появились рабочие. Они вырыли землянки, вскрыли два бугра и выбирали желтый камень прямо сверху, как колют сахарную голову. От сырости и ветра сера теряла свое качество. Но Файвишевич расцветал. От этого Коншин поворачивался в постели у себя в городе. У него под подушкой лежала заявка, но между подушкой и Серными Буграми простиралась пустыня, двести пятьдесят верст

ужаса, и, чтобы их преодолеть, требовались громадные труды, подготовка, время, деньги.

А в центре песков, на гребнях Бугров, крепко поселилась черная фигура предприимчивого и для пустыни странного человека. Он, как коршун, носился над Буграми в черном сюртуке и с большим зонтиком.

Кочевники видели, как по вечерам в палатке, сняв сюртук, он зажигал свечку и замусоленным карандашом делал таинственные подсчеты на бумаге. В уши ему дули ветры, и пески рассказывали свою тысячелетнюю сказку.

Это был оптимист. Кочевники привозили ему рыбу с Амударьи. Аккуратно он писал письма на далекую родину.

«Я живу ничего себе,— писал он.— Много ли человеку нужно? Здесь неплохой климат. Немножко скучно: пески и нет ни одного полицейского...»

Начальство издало приказ: Файвишевичу прекратить работы. От этого Файвишевич даже поморщился: зачем начальство расстраивается? В ответ он послал просьбу снизить ему железнодорожный тариф на перевозку серы. Невозможно перевозить серу честному человеку.

Генералы были ошеломлены. Разве можно, чтобы в подведомственной им пустыне, в песках, подвластных государю императору, один человек разводил такую анархию?! Это волнение, это бунт в песках!

— Пресечь! — сказали они и послали предписание задержать Файвишевича.

Потом послали еще предписание. Все они аккуратно возвращались с мудрой надписью: «За нерозыском». С большим успехом можно посылать повестки на луну, чем на Серные Бугры. Доставить их Файвишевичу было некому. В пустыне не было даже квартальных надзирателей.

Ахалтекинские начальники сообщали по восходящей линии: «Файвишевич появляется в Ашхабаде, как метеор, обделывает свои дела и, как метеор, исчезает».

Даже больше того: Файвишевич вдруг появляется в одной из канцелярий и неизвестным чудом добивается раз-

решения на вывоз трехсот тысяч пудов серы; трехсот тысяч пудов, правда, далеко еще нет.

Что значит нет? Будет.

Тем временем русской армии отставной штабс-капитан Алфераки получает право на участки.

Здесь опять начинаются офицеры.

К Серным Буграм посылается классный топограф Шатилов для отвода участка. Сопутствуемый пожеланиями и бумагой командующего войсками, он разыскивает колодцы Шиих и поднимается на бугор. Архивные записи об этом событии уже пожелтели от старости.

«Подошел к нам управляющий Файвишевича, отставной капитан Романскевич, с несколькими рабочими и предложил внушительно (!) убраться с бугра немедленно, так как г. Файвишевич отдал, говорит, приказ никого не допущать до горы. Несмотря ни на какие наши увещевания и просьбы, капитан оставался непреклонен, и дело принимало для нас дурные обороты...

Пытки, устроенные для нас г. Файвишевичем, однако, этим не кончились. Как известно, единственный имеющийся там колодец — Шиих, из которого все берут воду, не исключая даже и караванов, следующих в Хиву; почему-то нам было отказано в воде... Так как этот вопрос был посерьезнее столкновения с капитаном на горе Дарваз, то мы употребили все меры для добытия воды...»

Но это были уже последние судороги Файвишевича. После этого метеор начал закатываться.

Он ушел за барханы, продав напоследок Бугры за шесть тысяч рублей некоему Ахвердову. Только офицеры почти ничего не сделали, и с той поры Бугры опустели на многие десятилетия.

Еще раз метеор мелькнул в Ашхабаде вскоре после продажи Бугров; Файвишевич заключил большие договоры, как якобы единственный хозяин участков. Может быть, он договаривался о продаже всех Каракумов? Только кому это здесь было нужно?

Песок и унылые горизонты, ветры гуляют на просторе, да ящерицы кувыркаются вдали. Разве что торговать легендами...

Ветер... Песок... Ослепительные сугробы. Тишина.

Едва заметные следы жизни бороздят песчаную зыбь.

Человек тяжело ступает пяткой, оставляя глубокий след. Верблюд ходит легче... Ящерица бежит по песку легко, на цыпочках, точно балерина.

Спросите у кочевника: разве что-нибудь может не иметь следов? Чепуха! Это даже смешно. След — вот великая сила в мире песков. Кочевник Каракумов не может себе представить что-либо на свете, что не имело бы следа. Это все равно что не иметь тени, не иметь ног, ничего не иметь. След в песках — это карта и компас, ключ и история, проводник и всё на свете.

Пески сделали пустыню малолюдной. Но те же пески дают возможность жить в пустыне. Песок — это большое, рассыпающееся под ногами зеркало пустыни.

Жизнь отражается на песке. Бросайся она вправо, влево, назад, убегай от собственной тени, но за ней сейчас же побегут треугольные следы жука, маленькие отпечатки заячьих лапок и тяжелые — ступней верблюда. Вся жизнь большой желтой страны видна на песке.

Все большие и маленькие трагедии пустыни регистрируются здесь. И только один ветер иногда вдруг спутает все карты в один миг и очистит скатерть для новой игры.

Но ветер не сметет большой верблюжьей тропы, пересекающей пески через Иербент и Сорок Бугров.

Опытный караванщик всегда отыщет остатки следов — если не внизу, то вверху. Есть еще на небе звезды. Они не качаются от ветра, и их не засыпает песком.

Путь по звездам и путь по пескам — так родились две тысячелетние науки пустынных стран.

Караванщик знает, что есть еще одно, последнее средство. Караванщик берет свои белые штаны и отрывает от них узкие ленточки. Всюду узкие тряпочки белеют на пути: то

предшественники указывали дорогу. Эти тряпочки валяются в ямках, они привязаны к ветке саксаула, к палке, к остову мертвой черепахи. И если бы туркмен-кочевник мог привязывать тряпочки к звездам, то на них на всех давно бы болтались ленточки...

И вот что-то случилось над коричневым сыпучим миром. Остановились караваны. На большой тропе произошли в этом году серьезные события. Стоят верблюды и смущенно топчутся на месте. Молва полетела от колодца к колодцу. Люди стоят на тропе и, смотря под ноги, разводят руками. На верблюжьей тропе первый раз за столетия появился новый след.

Откуда он? В тысячелетие песков ворвался кто-то неведомый. Наверно, он огромный и с большими лапами. Он прошагал от границ песков до самых Сорока Бугров.

До сих пор все следы были известны наперечет. Зем-зем оставляет тонкопалые следики. Джейран, пустынная антилопа,— разделенные печати копытец. Навозный жук имеет тройной след. Но этот новый след не похож на все известные до сих пор: две широких полосы протянулись по песку. На каждой полосе поперек отпечатаны палочки, как бы елкой. Можно подумать, что две невиданных размеров змеи ползли все время рядом, беседуя и держа между собой одну и ту же дистанцию.

Тогда еще никто из местных старожилов не знал, что лапы, оставившие след в елочку,— эти лапы сделаны из прочной и толстой резины марки «Красный треугольник». Автомобили «Рено-Сахара» провели крепкую зарубку через пески.

Вот как это началось. В 1925 году большой караван брел через пески, затерявшись в сотнях километров, в бесконечных кустах саксаула. Во главе каравана ехали пожилой ученый, неутомимый человек, и его помощник. Это были академик Ферсман и геолог, ныне тоже академик, Щербаков. Караван шел точно пьяный, дороги никому не были известны. Люди в автомобильных очках и с кожаными сумками

мало полагались на рассказы стариков проводников. Они ориентировались по звездам, по компасу, по карте.

Караван шел к Серным Буграм, о которых, как и обо всей стране, имелись очень туманные сведения.

Караван шел, чтобы рассеять каракумский туман и добросовестно рассказать миру о Серных Буграх.

Караван нес радиоприемник, вертикальные круги для определения астрономических пунктов, деклинаторы, горные компасы, гипсотермометры, анероиды и другие научные инструменты. Термометры в ноябре в центре Каракумов отмечали 29 градусов тепла. Астрономические измерения и радиопеленгация позволили установить, что многие пункты стоят совсем не там, где их поставили на географических картах. Например, самые Серные Бугры отклонялись ровным счетом на 80 километров. Больше ста обнаруженных колодцев вообще были до сих пор неизвестны и нигде не отмечены.

Вечером на два бамбуковых шеста натягивали антенну, и радиоприемник принимал в пустыне сигналы с площади Карла Маркса в Ашхабаде и из Пулкова под Ленинградом, а также концерты из Москвы, Бордо и Науэна...

Иногда путешественники видели колодцы, вырытые на больших глиняных площадях — такырах. У колодцев жили туркмены-кочевники — неизвестные дотоле жители этой страны.

Когда караван становился на ночлег, Ферсман с Щербаковым обычно поднимались на ближайшую песчаную гряду и пытались как можно дальше разглядеть горизонт.

«Вокруг расстилалось,— вспоминает Ферсман,— безбрежное море песков, не тех голых песчаных дюн и барханов, которые рисуют на картинах, а море холмов, гряд и бугров, густо заросших кустами саксаула и песчаной акации; бесконечно вдаль уходили эти пески, как застывшие волны беспокойного моря, как прибрежная пена бурых валов. Яркою синею полосой высилась на юге длинная цепь Копетдага...

Так шли мы день за днем, и похож был один день на другой, и похожи были вечера.

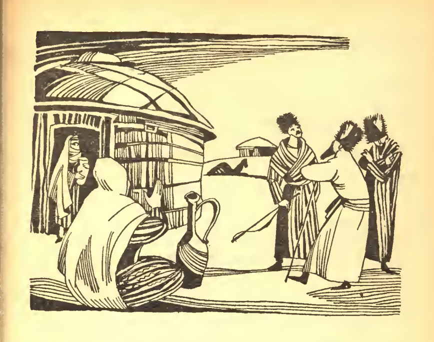
Наконец на десятый день с вершины песчаного увала мы увидели что-то новое: среди моря песков, далеко на горизонте, мы подметили какие-то отдельные остроконечные горы и скалы; нам, потерявшим все масштабы, казались громадными эти вершины, как бы рождавшиеся из сплошных песчаных волн; и еще дальше за ними какая-то песчаная полоска, едва различимая в бинокль,— это линия Заунгузского плато, а перед ней таинственные Бугры, к которым мы стремимся...»

Необычный караван вышел к Буграм, содержащим серу. Потом караван ушел дальше на север, на Хиву, пересекши всю пустыню...

— Разрешите доложить вам, что пустыни нет,— заявил академик на заседании в Совнаркоме.

Собравшиеся с удивлением посмотрели на докладчика. Заседание происходило в светлой, уютной комнате, было тихо, слушатели напряженно следили за речью академика.

— Да, да, разрешите доложить, что край, который мы привыкли считать пустыней, на самом деле является населенной частью Туркмении. Мы ожидали там найти полное безлюдье, а встретили богатое население, скотоводов, со своеобразным бытом песчаного человека — «кумли». В песках живет свыше ста тысяч полукочевников. Правда, они разбросаны на огромном расстоянии, и, в то время как плотность населения в оазисах Туркмении — сто человек на один квадратный километр, в песках на квадратный километр приходится всего полчеловека. Эти люди привязаны к колодцам, у которых живут. Точное количество колодцев в Каракумах не подсчитано, но известно, что их больше двух тысяч. В Каракумах свыше трех миллионов голов скота — верблюдов, овец и коз. Мы считали, что Каракумы не нуждаются в нас — людях науки, культуры, в работниках хозяйства, медицины. Но там имеется население. Это люди, находящиеся в плену у местных богатеев — владельцев колод-



цев, в плену у знахарей, суеверия, темноты. Среди этих людей грамотных меньше одного процента. Они не знают о существовании Советской власти. Они нуждаются в советской работе, в хозяйственной и культурной помощи.

Руда с Бугров Кырк-Джульба, расположенных в центре «черных песков», содержит в себе от сорока до пятидесяти процентов серы. Общее количество серы еще не подсчитано, но и то, что известно, говорит, что эти залежи имеют большое промышленное значение. Сейчас понемногу обнаруживаются всё новые и новые месторождения...

Караван открыл новую страну. И это было сигналом к наступлению на пески. На Сорока Буграх было решено построить завод, поселок, город в пустыне, центр страны «песчаных людей».

В Ашхабаде начали производить опыты плавки каракумской серы, заготавливать оборудование, собирать людей.

Завод вырастал. Но как доставлять готовую серу с Сорока Бугров, когда завод будет построен? Для этого нужно будет по крайней мере двадцать тысяч верблюдов. А нельзя ли попробовать на этом деле автомобиль?

Это была мысль очень смелая, очень новая и рискованная. В Ашхабаде знатоки недоверчиво качали головами. Они вспоминали Главхлопком и машину, прошедшую Африку. Автомобиль «ситроен» стоял в Автопромторге, уткнувшись в стенку сарая.

Тогда через несколько лет после первой поездки в Каракумы, в 1929 году, академик снова вернулся в Ашхабад. Он снарядил в дорогу шестиколесную машину. Через несколько дней они пришли на Сорок Бугров.

С тех пор большая верблюжья тропа была окончательно завоевана.

Автомобили стали все чаще появляться на Буграх. Их всегда пускали по два вместе, на случай какого-либо несчастья. Это был совершенно правильный расчет: если в караване один верблюд падает, его заменяют другим; если один автомобиль не вынесет дороги, его заменит другой, а в дальнейшем — третий и четвертый.

Нужно делать караваны автомобилей.

Караван, идущий сейчас,— тринадцатый.

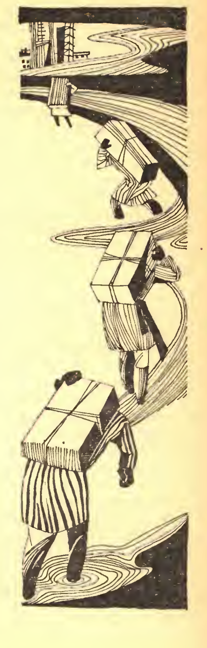
В котловине у Серных Бугров, в центре песков, за 250 километров от их границ, строили дома, копали глубокие ямы. Сотни караванов везли туда людей, балки, муку, гвозди, колеса, проволоку. Люди качались на верблюдах, отставали в дороге, обжигали носы, пили и пили у колодцев воду, как паровые насосы, и мчались дальше, к Серным Буграм. Верблюды падали по дороге. Они не могли вытащить штабеля широких досок, поставленных на железные колеса специальных двуколок. Половину досок, из которых каждая стоила до ста рублей, бросали в пустыне, а остальные тащили к Серным Буграм. Серые чудовища авто на шести колесах появлялись несколько раз, осиливая барханы, хрипя и кашляя над песками, как простуженные.

А звездными ночами по всем тропам от Теджена и Ашхабада, от Бохардена и Геок-Тепе мчались верхами всадники к сердцу Каракумов и обратно. Днем взмыленные лошади отлеживались в тени кибиток, а с вечера, храпя и подрагивая во тьме пустыни, мчались дальше.

Машины «Рено-Сахара» провели глубокую борозду в горячих песках Каракумов.

Так была подведена черта старой истории пустыни. Началась новая история. В пустыне запахло бензином и машинным маслом.

К колодцу Бохордок машины спешно подвозили мешки с цементом. Здесь их клали на верблюдов и везли дальше, к Серным Буграм. В середине песков вдруг выросли два каменных домика. У домика появился милиционер — туркмен из кочевников, с красными петлицами, с винтовкой на ремне. Над Буграми взметнулась высокая мачта. В один из вечеров прибыли ящики первой коротковолновой радиоустановки. В тесной землянке человек с наушниками возился над блестящими рычагами и вскоре ночью смог уже пере-



дать первую депешу в далекий мир. Эта депеша говорила, что контакт есть, и затем передавала ряд деловых сообщений для серной конторы. В них сообщалось, что «доски прибыли, гвозди также, дополнительно шлите продовольствие». Так вошла в мир первая радиостанция в пустыне Каракумы.

Время уносит из памяти лица первых строителей поселка. Никто из них не считал себя героем. Прибитые разными ветрами к Буграм в беспредельных песках, они сделали первые шаги «социализма в пустыне».

Так называли смелую мысль: дать туркменскому кочевому народу индустриальный центр.

Смелая мысль обрастала досками, цементом, железом.

Каменщики, землекопы, кровельщики, плотники ехали на высоких верблюдах. Обвязав головы рубахами, они прорезали километры раскаленного воздуха. На пустом месте уже был быт. Врытые в склоны Бугров землянки стали тесными, и началась постройка домов. В середине поля был сложен первый дом из белых камней с желтыми прожилками. Желтые прожилки — это была сера. Были и зеленые и красные камни. В Буграх выходили наружу красные, зеленые, белые фарфоровые глины. Бугры были еще раз расковыряны очкастыми геологами и признаны хорошими, серьезными.

На склоне одного Бугра стал расти корпус завода. Не хватало домов для жилья. Нужны были каменщики. Каменщиков!.. Пустыня кричала ночью по радиотелеграфу в большой, оживленный и далекий мир.

И каменщики шли. Новые партии выбрасывали караваны на остров в пустыне.

Весть о серном заводе прошла от Ашхабада до Самарканда и ползла дальше. На запад она прошла через Каспийское море и толкнулась в Баку и Тифлис. На Буграх появились армяне, грузины, туркмены, русские, персы. Некоторые приезжали целыми национальными группами с общим котлом.

В пять просыпались и работали до десяти. Потом приходили жара и ветер. Пустели каменоломни и постройки. Люди

отходили назад, как на пожаре при наступлении огня. В три часа солнце падало вниз, и люди снова набрасывались на камни.

И когда Первого мая 1930 года на недостроенной стене водружали мемориальную доску, люди собрались вместе, а потом с красным флагом прошли из пустыни вниз, в котловину. Это был уже настоящий, большой, живой поселок.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ДОРОГА

В шесть часов утра под окном Автопромторга кричал осел. Бухгалтер сидел на крыльце и кидал в осла камешками.

День начинался на конце текинского базара встающим солнцем и пылью. Он начинался трудно и продолжительно, словно восхождение на гору.

На столе директора Автопромторга стоял электрический настольный вентилятор и отгонял жару от стола. Тогда она собиралась в углах и ползла по стенке. На стенке висели схемы: «Автопромторг в пятилетке». Красные и синие линии дорог бежали в Персию и Афганистан, провожали Амударью и влезали в пески, разрезая Туркмению на квадраты и многоугольники.

Я увязывал чемодан. Бухгалтер запасал лимонад на дорогу.

Мой товарищ в десятый раз рассматривал карту.

«Линии А — функционирующие дороги, линии Б — строящиеся, линии В — запроектированные. Условные цвета: желтый — открытые и подвижные пески, зеленый — районы саксауловых зарослей, серый — известковые и глинные плато».

Спутником моим был товарищ Уринс, специальный корреспондент среднеазиатской радиогазеты. Это был сухой и очень длинный человек. Он только что проскакал верхом шестьсот пятьдесят километров вдоль Копетдага, успел уже съездить на посевную компанию в Ферганскую долину и

испытал на себе все азиатские прелести: на лице его красовались четыре шрама от «пендинской язвы», кожного лейшманиоза — болезни, распространенной в Ашхабаде и вдоль границы. Пендинкой заболевают от укуса москита под названием флеботомус, что значит — кусающий молча.

К машинам уже привязали котлы, и они стали от этого еще больше и необычней. Верблюды, проходя мимо на текинский базар, недовольно плевали в сторону. Шоферы были молчаливы и заняты.

Вот как произошел первый наш разговор с командиром экспедиции.

— Товарищ командор! — сказал Уриис ногам, торчащим из-под автомобиля.—Как вы думаете, сколько дней потребуется нам для переезда?

Ему никто не ответил.

— Дней пять или шесть? Не правда ли, будет горячая прогулка?

Но шофер не считал нужным разговаривать.

— Опыт... Сложная наука управления машиной...— пробормотал я, чтобы поддержать как-то разговор.

— Убирайтесь вы все к дьяволу! — закричал вдруг Нарцисс, показываясь из-под машины.— Нелегкая вас тут носит! Знаешь, Сергей, я бы этих бездельников сбрасывал по дороге, чтобы не совались в пески со своим носом. Пассажи-и-ры...

На совещание у директора Автопромторга пришли представители серной конторы, горного отдела и еще нескольких учреждений. Когда были окончательно решены все вопросы, связанные с экспедицией, в комнату влетел Нарцисс и за ним — второй шофер.

— На! — крикнул Нарцисс директору.

Он бросил на стол засаленные рукавицы, сплюнул в угол и сел в стороне сворачивать цигарку.

Директор посмотрел на рукавицы.

— На, на! Веди сам машины. Мы, знаешь ли, решили отказаться. Хватит!

— Хватит,— подтвердил другой шофер и несмело посмотрел на Нарцисса и директора.

Представители начали растерянно просматривать бумаги. Нарцисс сидел черный и засаленный, низкорослый и белозубый. Он закурил и теперь смотрел в окно на ишака, как будто все, что от него требовалось,— это наладить машину и отдать директору перчатки. Все остальное его не интересовало. Представители молчали. Спокойствия же Нарцисса хватило ненадолго. Он вдруг вскочил, ударил кулаком по столу и начал кричать, плеваться и размахивать руками так быстро, что представители отодвинулись на стульях в стороны.

— Довольно! Двенадцать раз ходил с Сережкой! — кричал Нарцисс.— Дураков мало стало. А на фирюзинскую линию благородных берете?! Нарцисс в отпуск не ходил. А в гараже других шоферов нету? Бока отлеживать... На «фордах» по бульвару кататься! А Нарцисс — опять глоткой песок загребать! Кто мне голыми руками машины из барханов будет вытаскивать? Эти вот твои корреспонденты, что ли? Пассажиры с жиру...

Директор стучал карандашом по столу.

— Ты знаешь... Ты же знаешь,— говорил он, стараясь попадать в перерывы между взрывами бушевавшего шофера.— Ответственный рейс. Никто, кроме тебя, не сможет пройти по пескам.

— А мне плевать! — крикнул шофер.— «Ответственный рейс»! Может, без меня вы штанов надеть не сможете! А моя какая тревога от этого? Я нянькой к вам не приставлен.

— Нарцисс, ты пошел бы потом на месяц отдыхать, мы это уже решили, ты знаешь... Ты знаешь, что с вами идут два помощника на ознакомление с рейсом. Ты знаешь, что в следующий раз они сами поведут машины... Ты что же, хочешь, чтобы мы оба «рено» поломали?

— Нет, товарищ, вы должны понимать, что эта история...— попробовал вмешаться какой-то представитель. Он вежливо улыбался, выбирал выражения попроще и потому рейс называл «история».— Эта поездка, ее результат касается вас также... Потом насчет глотки: я не думаю, что поездка будет уж такой тяжелой...

Это окончательно взбесило шофера.

— Ты не думаешь?! — кричал он, тараща на представителя глаза.— А? Ты на которой перине будешь спать, гражданин начальник? Ах, ты... Довольно! — гаркнул он директору.— Вот он поведет машину! Энтот вот ферт.

— Заседатель! — добавил молчаливый второй шофер.

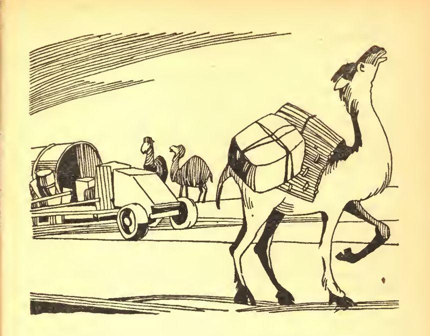
Заседатель совсем смутился и начал внимательно рассматривать вентилятор.

— Ну хорошо, хорошо,— говорил директор.— Ты не волнуйся. Все в порядке.

Он снял телефонную трубку:

— Алло! Совнарком, да?.. Сегодня не пойдут... Нет... Да не знаю когда... Подыщем водителей.

Они долго еще переговаривались с шофером. Тот ругал Церабкооп, что там его заставили ходить от стола к столу за получением консервов. Ругал еще кого-то за то, что машины



ненадежны, что задние рессоры уже прогнулись, что подшипники подозрительны. Потом, увидев в окно, что к машине подошла коза и терлась рогами о радиатор, шофер выскочил, ругаясь, из комнаты. Заседание продолжалось.

Шофер вернулся через час.

— Сказку-то обещали хорошую! — крикнул он.— Где же она, я спрашиваю? Ведь сам ты, чай, шофер! Что ж, ты хочешь, чтобы я всю машину в дороге спортил? Не забудь, а то заседателей у вас много, а толку...— добавил он, возвращаясь на минуту.

— Значит, он идет? — спросил я директора.— А как же в Совнаркоме?

— Разумеется, идет. Я это и так знал. Это у нас парень — во! Лучший шофер. Золото. В Совнарком я не звонил. Это сделано лишь для видимости. Я только думал вот: что это так взорвало его? Оказывается, отремонтировали машину плохо. Да в Церабкоопе еще бюрократили. А шофе-

ров таких нам бы еще давай. Всю серную дорогу на себе вывез...

Наши машины пересекли железнодорожную линию, вступили в пески и круто взяли на север. Через полчаса в корзине начали лопаться лимонадные бутылки. Было сорок три градуса тепла. Я обернул голову рубашкой и штанами. Начинались Каракумы. Великая пустыня шла нам навстречу.

Должен сказать, что я был немного разочарован тем, что не увидел сразу пустыни голой и сыпучей, как в учебниках географии. Вместо этого стояли какие-то грязные неподвижные волны, и на них торчали кустики саксаула.

Шли наши машины метров за тридцать друг от друга. Когда мы поднимались на бархан, то видели переднюю машину, когда опускались вниз, то передняя исчезала за песчаной грядой.

Мы стояли все трое, держась за проволоки, которыми был укреплен автоклав. Четверо шоферов сидели в закрытых кабинках.

Из-под колес разбегались в разные стороны маленькие и большие ящерицы. Маленьких было так много, что казались они рыбьей стаей. Ящерицы с желтыми и зелеными спинами бегали по гребням песков, закручивая кверху хвостики. Они были похожи на собачонок, это было очень смешно. Еще интересней ящерица прячется в песок. Она начинает быстро дрожать, вибрировать всем телом на одном месте, и не успеешь моргнуть глазом, как она уже скрывается под песком.

Я оглянулся назад. Там исчезла уже полоска гор и ашхабадской зелени. Мы остались одни в пустыне.

Начал редеть саксаул, барханы стали круче. С трудом машины переваливали через их горбы. Рессоры подозрительно кряхтели, охали, визжали. Машины останавливались, припадали набок и выделывали всякие удивительные фортели. Потом колеса вертелись на месте и начинали зарываться в песок, как будто автомобиль хотел подражать

ящерице. Шофер вытирал с лица пот и переключал скорость.

Когда мы поднялись на бархан, первая машина стояла внизу. Шофер сидел на земле и спокойно разглядывал автомобиль.

— В чем дело, Сергей? — крикнул Нарцисс.

— Ничего! Приехали! Рассыпались подшипники.

Нарцисс осмотрел подшипники, покачал головой и вытер руки.

— Что же, нужно чай пить. Этого и следовало ожидать.

После чая, согретого на костре и наскоро выпитого, мы взяли сломанную машину на буксир и отправились обратно в город.

Исчез тот мир, к которому мы только прикоснулись. Опять начинался текинский базар, караван-сараи, телефонные звонки. Где-то кричал петух. С базара вели баранов, и они поднимали над мостовой облако пыли.

Вечером мы видели геолога, трубу, карту-двадцативерстку, самовар, записные книжки геолога. Все было на своих местах.

— Вы ездите очень скоро,— издевался геолог.— Но не падайте духом. «Дорогу осилит идущий»,— говорит туркменская пословица. Через пару дней я выезжаю на верблюдах. Тогда мы с вами посостязаемся в скорости...

РАЗГОВОР О СЛЕДАХ И ЗВЕЗДАХ

— Сегодня очень яркие звезды,— сказал геолог Константин Павлович.— В песках сейчас мертвая тишина.

Мы шли с ним по тихой ночной улице. Большая Медведица висела над городом. Пустые окна магазинов выглядывали черными провалами в домах. Шаги по мостовой отдавались на всех перекрестках города; казалось, что двойники наши шли сейчас по каждой улице. Геолог закурил трубку и показал на небо:

— Оно похоже на карту путей сообщения, а пустыня похожа на небо. Я очень привык к пустыне. Мне даже кажется сейчас, что по Млечному Пути движутся верблюды. Караван находится на пути к Луне... Вы же знаете: все путники в песках ориентируются по звездам. Так было тысячи лет назад. Теперь у меня на поясе болтается топографическая карта. Но — черт возьми! — тысячи лет дали ей очень мало пищи. О Каракумах она или очень мало знает, или ничего не знает, или же просто нахально врет. Приходится пользоваться звездными хронометрами, или деклинаторами, то есть снова теми же звездами. Путь к звездам! Вы видите где-нибудь в Мерве черного и сухого кочевника. Он продает на базаре саксаул или верблюжье молоко. А через несколько дней он пробирается за двести верст, в глухих песках.

Мы подошли к караван-сараю. За массивными и мрачными воротами сонные верблюды изредка потряхивали колокольцами.

В полумраке дворов обозначались длинные ряды фантастических тел. Из сарая шел тот душный и особенный воздух, который может быть только в караван-сараях: это воздух, застоявшийся столетиями, и хотя, несомненно, очень почтенный, но не совсем приятный воздух.

«Ты слышишь усталый звон караван-сарая? — говорится в какой-то восточной песне.— Прислушайся: ты увидишь тысячи лет и тысячи троп, перекрещивающихся под глиняными стенами. То священный отдых путников, завтра на заре идущих в новую дорогу».

Геолог скрылся в темноте двора, и теперь оттуда доносились обрывки его голоса:

— Караван-баши! О-эй, караван-баши из Бохардена!.. Как дела с бочками?.. А где проводник? Завтра ведь отправляемся, а его носит по чайханам!..

В темноте ему что-то отвечали, проснувшиеся верблюды заворочались и затопали по твердой глине, геолог покричал еще что-то и исчез в конуре чайханщика.

Отдав распоряжения, геолог вышел из караваи-сарая, и мы отправнлнсь домой.

В ту ночь, между прочнм, мне пришлось услышать от геолога любопытную историю, характерную для рассказов о песчаных тропах.

Она отиосится к 1927 году.

Изыскательские партни иаводияли тогда учреждеиия. Они ехалн уточнять географнческую карту. «Белые пятиа» иа карте Туркмеиин дышали неизвестностью: двести тысяч квадратиых километров песков были знакомы только по частям. В кнгах спешно заполняли пробелы. В песчаной глуши белели палатки гидрологов, этнографов, геологов, медицннскнх н экоиомнческнх партнй.

Из песков, через моря, степн н горы, тянулись незрнмые иити к зданию Академии иаук в Леиннграде н к Ашхабаду — столице Туркмеинн.

Экспедиция шла к югу от колодца Орта-кую.

Ночь перед рассветом. Длниый путь. Три шагающнх верблюда. Шуршаине холодных песков... Так начнпается рассказ о приключениях двух геологов н нх проводннка в западной части Каракумов.

...К утру оин выехалн иа большую песчаиую поляиу и остаиовилнсь. Кусты былн охвачены свежестью.

На фоне огромного встающего солица возвышалась полуразваленная пнрамнда, неровные глыбы былн слеплены из обожженной глиины, глиuа потрескалась от солнца н ветра.

— Стой! — сказал геолог старому проводннку Мухамед-Кули н спрыгиул иа песок.

Он подошел к подножню пирамнды.

— Оюк,— сказал геолог, н этнм было много сказано.

Оюк — дорожиый зиак, камеииая глыба, которой отмечают в пустыне дорогу, если хотят ее сохраннть. Это такая уважаемая, ценная и красиоречивая вещь, что перед иею можио снимать шапку.

— Оюк, оюк! Мы находимся на неизвестной тропе. Может быть, перед нами один из путей, по которым в течение многих столетий из Хорезма пробирались караваны в Персию, Индию и Афганистан. У этой развалины должны быть товарищи.

Они поднялись на песчаный сугроб и действительно вдалеке увидели вторую пирамиду. Две глыбы издалека и молча перекликались друг с другом, словно линейные часовые, стерегущие дорогу древности. Они указывали невидимый путь на юго-запад.

Геологи прошли немного в ту сторону и увидели на толстом стволе кустарника грязную, полуистлевшую тряпочку. Когда ее взяли в руки, она рассыпалась.

Все же ей, тряпке, не больше десятка лет. Чьи-то руки непрерывно поддерживают эту дорогу. Но откуда взялся вот этот предмет?

Он нагнулся и поднял какую-то заржавевшую железку. Он повертел железку в руках.

Черная, похожая на гвоздь и на пулю, она была непонятна в пустыне.

Геологи стали вспоминать все когда-либо прочитанные ими книги об этих малоизвестных местах. Перед ними по песку, по барханам проходили ханы и помощники ханов со своими полчищами. Персы гнали туркмен, туркмены — казахов, казахи — опять туркмен. Вся история туркменского народа проходила по тропам, между колодцами. Заблудившиеся отряды Александра Македонского поили взмыленных лошадей. Арабы скакали, размахивая руками, черными от солнца. Блестели кривые шашки персидских солдат Надиршаха. Нукеры — солдаты хана Хивинского — шагали босиком, в сандалиях, в высоких шапках и синих штанах.

Странные народы, давно прошедшие по земле, чтобы исчезнуть в глухих переулках учебников, забегáли в эти края: согдийцы, половцы, массагеты.

Геолог даже вспотел от мыслей, от напряжения и поднимающегося солнца.

— Мухамед! — крикнул он проводнику.— Сворачивай! Вот она — наша тропа.

Он махнул рукой на юго-запад. Проводник подъехал, улыбаясь и покачиваясь на высоком сиденье, как гипсовый игрушечный китаец.

— Иолдаш — товарищ — поедет на край земли. Мухамед тоже поедет. Мухамеду все равно, по какой тропе ехать. Яхши, товарищ... Эгей! — закричал он верблюду.

Свирепело солнце. Когда оно уже стояло над головами, нужно было раскидывать палатку, кипятить чай, поить верблюдов.

— Мы приехали на гечемсез-ел,— сказал Мухамед, качая бородой,— непроходимый путь. Колодцев нет. В наших челеках мало воды. Три бочки пустые и три с водой. Когда все бочки будут пустые, мы умрем.

— Мы будем экономить воду. Верблюдам мы больше не дадим ни капли. Нам хватит на два дня. Это — самый худой случай,— ответил геолог.

В этот день чай был отменен.

К вечеру пропала тропа. Она затерялась в песках. Утром геологи разыскали дорожные знаки. Младший нашел обрывок тряпки. Но один знак не мог указывать направления. Нужны были две точки, чтобы соединить их прямой. Вторая точка была потеряна. В течение этого дня был выпит предпоследний бочонок воды.

Старший геолог устанавливал по компасу обратный путь, когда его товарищ вбежал в палатку.

— Следы! — сказал он.— Я видел их на песке. Они ведут прямо на юг. Три человека и три верблюда.

Втроем они отправились на бархан. За гребнем вдруг начинались следы, глубокая и свежая цепочка ямок, разрезающих песчаную зыбь. В углублениях следов резкие и черные тени прятались от солнца.

— Так...— протянул Мухамед.— Здесь шел русский человек. Здесь также шла старая верблюдица и две ее дочки.

— Я верю, что прошли три верблюда,— сказал второй геолог.— И даже пускай две дочки... Я не верю в русского. Мухамед — не святой дух, а следы не разговаривают.

— Следы разговаривают! — засмеялся старший геолог.— Они разговаривают для Мухамеда. Все кочевники прекрасно знают следы. Каждый из них знает след каждого своего верблюда хотя бы их было полсотни. Здесь случаются чудеса: при мне туркмен доказывал, что пришедшая из песков семья верблюдов принадлежит ему, верблюдица ушла полгода назад одна, в путешествии она родила верблюжат, их след — ее след. Как они это узнают? След европейца узнать просто; туркмен ходит по песку привычно, всей ступней, как доской, европеец нажимает, несомненно, носком и пяткой... Они узнают — совсем как у Марка Твена,— где шел кривой верблюд и на какой глаз он кривой. Тебе кусты саксаула ничего не говорят, а они видят, что верблюд все время срывал листки с одной стороны — с той, где у него здоровый глаз. При мне узнавали черт знает что. По следу узнавали точный возраст верблюда. Теперь я верю всему.

Если Мухамед скажет, что европеец был с черными усиками и в белом пиджаке, я буду ожидать именно такого...

Весь день они шли за черными усами. Не было ни усов, ни пиджака, ни европейца. Следы оборвались так же неожиданно, как и начались.

Они шли всю ночь без перерыва, взяв по компасу направление прямо на юго-юго-запад.

Компас оставался единственной реальностью: он был металлический, холодный и бодрый, в нем блестела сама цивилизация. В остальном их окружал мир хаоса и фантазий; не осталось ничего прочного, исчезли маршруты, спутались понятия о времени и пространстве, начинались мечты о колодце. В бочонке осталось тридцать стаканов воды.

В полдень геолог лежал над картой и компасом.

— По моим расчетам, мы сейчас находимся в полосе «белого пятна». Мы забрели в неисследованные районы. Флора и фауна более чем скудные. И возможно, что наши ноги первыми ходят по этим пескам. И чем скорее мы унесем эти первые ноги отсюда, тем будет лучше для нас. Продолжение прямолинейного пути на юго-юго-запад должно максимально через сутки вывести к Балханским горам.

Следы затерянного европейца, их загадочность, «белое пятно» — все отходило на задний план. Хотелось, чтобы была вода и начало «владений» географической карты.

Впереди качалась борода Мухамед-Кули, проводника, идущего сейчас по железной стрелке компаса. Экспедиция отступала в спешном порядке. Она спешила уйти за пределы «белого пятна».

По ночам вверху рисовались звезды, тоже ненужные сейчас, спутавшиеся, оскорбленные строгой научностью компаса.

Высчитав по записям всех предыдущих поворотов направление и расстояние, геологи были бодры. Неточность могла выразиться только в одной лишней ночи. Они могли ее пройти напрямик, не взяв в рот ни капли воды.

Но вечером они увидели колодец.

Красная заря заката плыла по горизонту, красные такыры отсвечивали утрамбованной глиной. Три шагающих верблюда отбрасывали на песок чудовищные тени.

Поднявшись на бархан, люди увидели на далеком такыре неожиданную панораму. У колодца стояло несколько кибиток. Перед ними растянулся на отдых длинный караван. Верблюды жевали колючку, группа людей толпилась у кибитки. Люди были похожи на туркмен и в то же время не похожи. Три верблюда замедлили шаг.

— Мухамед,— сказал геолог,— пойди узнай, куда мы попали и что это за люди.

Мухамед отправился к каравану и вернулся, спокойный и равнодушный к происходящим событиям.

— Эти люди,— сказал он,— жители персидской страны. Они спрашивают, откуда мы приехали. Я сказал, что мы были в гостях у дьявола.

В кибитке геологи нашли европейца. Он был без усов, босой и загорелый. Он сидел перед чернильницей и писал какие-то бумажки.

— Расскажи ему, в чем дело,— сказал Мухамеду геолог.

Мухамед сел возле стола и начал с длинного и запутанного предисловия. Человек остановил Мухамеда.

— Я могу говорить по-русски,— сказал он.— Я слышал о вас. Мне передавали, что вы тут ходите. Два дня назад я был в Госторге, в Ашхабаде. Вы простите, товарищи, у меня сейчас горячая работа — контрактация шерсти. Райсовет предложил закончить ее в два дня. Хорошо, что вы пришли. Я работаю здесь полтора года, и никто сюда еще не наезжал из научных работников...

— Постойте, постойте, а это? — спросили окончательно запутавшиеся геологи, показывая на караван.

— Это? Караван из Персии. Разве вы не слышали? Караваны ходят к Серным Буграм за серой. Там же из камня делают жернова для растирания зерен. Еще они ходят на Узбой к Куртышу за солью. Они пересекают всю пустыню,

а из Персии захватывают с собой шерсть и продают на наши пункты...

— На кой же дьявол тащить им шерсть в пески, почему они не продадут ее в Ашхабаде?

— Э-э-э, нет уж! Караваны на Серные Бугры ходят сотни лет и всегда именно здесь. Вы их никогда не заставите свернуть с этих троп куда-нибудь в сторону.

— Ну и как, советские скупщики пользуются у них доверием?

— Ого! Тут дело так: раз советские туркмены доверяют — значит, и персидские тоже. И мы им доверяем. Была бы бумажка, к которой они приложили свой большой палец. «Кол-басмак» — это крепче железа. Был у меня случай. Подписали договор по контрактации, несколько пальцев приложили, копию — себе, а сами ушли кочевать к самой Хиве, на тот край песков. Проходит — не шутка — целый год. Являются, показывают какие-то бумажки. «Мы, говорят, шерсть обязались сдать. Привезли вот». Прямо катавасия с ними! Не спешат люди. А тут, сами понимаете, промфинплан, жесткие сроки, то да се...

— Великолепно! — сказал геолог.— Великолепно! Приготовьте нам, пожалуйста, ночевку. С дороги мы немного устали и совсем не прочь бы отдохнуть.

ПУТЕШЕСТВИЕ К СОРОКА БУГРАМ

ПЛОХОЕ СОЛНЦЕ

Мне не спалось в эту ночь, и я ходил около двух караван-сараев: старинного и нового, в котором фыркали автомобили. С текинского базара донесся гудок автомобиля. Нарцисс был уже там и делал последние приготовления. Он приносил веревочки, проволочки, лез под машину и стучал молотком. От этого в старом караван-сарае верблюды вздрагивали и стучали ногами.

«Ты слышишь усталый звон караван-сарая? То тысячи лет и тысячи троп...»

Посреди пустой площади, на рундуке, сидел молодой туркмен: он болтал ногами, сочинял песню и, как обычно, тут же пел ее.

«Утро спит. Утро где-то задержалось в дороге. Почему же я так рано приехал в город? — пел он.— Смешные автомобили стоят здесь, они очень плачут и очень ругаются. Им нужно ехать в очень плохую и ветреную дорогу. А я вот пойду к товарищу Ходжа в Туркменгосторг, и, как только взойдет солнце, он мне выдаст ордер на чай, сахар и мануфактуру. О!»

В пять часов утра мы уехали.

Мы ехали по колдобинам, по рытвинам, по ухабам, по выемкам. Мы проваливались в котловины, подскакивали вверх, наклонялись набок и снова падали вниз. Иногда спереди, из кабины шофера, появлялась голова; она смотрела вверх и произносила:

— Сегодня будет плохое солнце. Дай-ка, Ваня, потянуть.

Тогда Ваня, помощник, протягивал шоферу резиновую трубку от насоса, продетую в одну из наших бочек с водой. Втянув в себя немного воды, шофер опять давал ход, и мы снова цеплялись за выступы котлов.

На песчаном холме, за тридцать километров от города, стоял столбик, на столбике висели умывальник и полотенце. Сперва мы не поняли, в чем дело. Бугры расположены так, что не видно, что делается за двадцать шагов.

Когда машина поднялась на холм, мы поняли, что столбик не одинок. Там стояли палатки, у палаток были люди. Люди рыли дорогу. Она ровной стрелой бежала к северу, такой ровной, что было даже странно видеть прямую линию там, где царствуют нагромождения бугров и саксаула — самого кривого в мире растения. Это была линия Б карты — строящаяся дорога. Она дойдет до серного завода, перережет пески и отправится дальше к Хиве, соединит с железной до-

рогой Хорезмский оазис и целую республику — Каракалпакию.

Люди копали могилу старым Каракумам. Они работали в автомобильных очках, защищающих глаза от пыли. Они дорывались до твердого грунта и развозили его, утрамбовывая им пески.

— Куда вы едете? — кричали они нам.

— На серный завод!

Люди удивлялись. До сих пор им приходилось видеть машины, едущие только до Бохордока. Опираясь на лопаты, они долго смотрели нам вслед.

Бохордок — это транспортная база серного завода. Он лежит за 110 километров от Ашхабада. Здесь граница тяжелых песков. Машины обычно довозят людей и строительные материалы до Бохордока. Здесь же машины передают свою ношу верблюдам.

В полдень мы выехали в сыпучие пески. Автомобили

зарывались колесами в песок и не могли подниматься на барханы. Нужно было слезать и идти, проваливаясь в песок, собирать редкие ветки саксаула, кидать их под колеса, вынимать из-под кузова доски, толкать автомобиль, потеть и облизывать трескающиеся губы. Слезать вниз — все равно что ступать на горячую сковороду. Нам не хотелось вылезать. Тогда Нарцисс сходил с машины и начинал громко ругаться. Он бегал, черный и полуголый, по песку, размахивая руками. В одной руке у него был гаечный ключ, в другой небольшой ломик.

— Что же вам, фаэтон подавать, молодые люди? Пассажиры! Кто будет саксаул ломать? — кричал он.

Мы вставали, ломали саксаул, вынимали доски, подходили к бочонкам и пили теплую воду, потом опять ломали саксаул, но вода сейчас же испарялась из нас.

Я видел, как у товарища моего, в то время как он пил, выпитая вода уже выступала на руке капельками. Его брезентовые сапоги пропотели насквозь, точно ситцевая рубашка. Мне уже нечем было потеть. Но человек должен потеть, а то он завянет, как дерево. Я шел в комнатных туфлях по песку и чувствовал, как поджаривались мои пятки. На песке температура достигала 90 градусов, но я уже не видел ни градусника, ни автомобиля, ни шофера. У меня начинался жар.

Я ощупью находил раскаленный автоклав и садился около него. Автомобиль вздрагивал, и мы лезли с ним куда-то на гору. Под колесами трещали положенные нами ветки.

Мы ехали, отыскивая след верблюжьих двуколок, прошедших здесь раньше. Это особые колымаги с широкими колесами, служившие, наверно, еще во времена скобелевских походов для перевозок пушек. На двуколки кладутся доски, в них впрягают до двадцати верблюдов, и они тащатся через пески — тащатся день, другой, третий, неделю и другую, наполняя пустыню отчаянным скрипом.

После полудня мы потеряли след двуколок. Ветер поработал здесь над песком, нагромоздил свежие, рыхлые горы.

Передняя машина стала на вершине сугроба и даже как будто приподняла колеса, не осмеливаясь ступить дальше.

Сергей стоял на краю бугра и, приложив руку ко лбу, смотрел вдаль. Помощник побежал вниз и скрылся за барханом. Поняв, в чем дело, мы бросились в разные стороны.

Мы ощупывали глазами каждый холм. Дороги не было.

Потом вдали, на гребне, мы увидели помощника. Он стоял и размахивал рукой, давая понять, что им найдены какие-то признаки тропы.

— Живей, ребята! — крикнул Нарцисс.

И прежде чем мы успели ухватиться за веревки, державшие автоклав, он рванул машину вперед, и она понеслась по прямой, совершенно игнорируя тропу. В эти минуты она похожа на танк: она подминает под себя кусты саксаула и взрывает песок, мчась с бархана на бархан.

Мы понимаем, что не должны терять ни одной секунды. Мы с молниеносной быстротой соскакиваем и летим рядом с машиной.

Одолев две трети склона, машина теряет собственные силы, но мы подхватываем ее, и вот она на наших руках долетает до вершины и снова несется вниз. Ура! Ура! Мы бежим вокруг машины, размахивая руками и ветками.

Нам надо успеть забежать вперед и на подъеме подбросить под колеса ветки — опоздание на секунду грозит потерей инерции. При этом мы издаем максимальное количество звуков — нам кажется, что это помогает машине двигаться.

Какое-то радостное улюлюканье, крики, бухгалтер, подпрыгивающий, как леопард, бочки, качающиеся перед глазами, песчаный туман... У меня жар, я знаю: семь человек внезапно сошли с ума за двести с лишним километров от живого мира.

И вот в этот момент мой взгляд падает в шоферскую кабинку. Я вижу там человека, который превратился в камень. Это бронзовый монумент, отлитый в виде шофера, судорожно вцепившегося в руль. Его взгляд устремлен под колеса, и никакие силы его не оторвут оттуда.

Черные волосы и грязные капли пота лезут ему в рот, глаза засыпает пыль. Он открывает рот время от времени лишь для того, чтобы обругать кого-либо из нас, если тот не вовремя подбросит ветку.

Я знаю: он сейчас невменяем, у него глаза злые, как у змеи. Но все это будет продолжаться не больше двадцати минут.

Мы разведем костер. Из бочонка мы наполним чайник славной водой, теплой водой, пахнущей бочкой, Ашхабадом, автомобилем. Развернем кульки с сухарями и откроем консервы.

«Что же вы, ребятишки,— крикнет Нарцисс,— не идете чай пить? Ешь, ешь, небось проголодался, как волк...»

Он будет смеяться, скалить свои большие белые зубы и наливать чай.

Потом он достанет из своей памяти одну из бесчисленных историй.

Сегодня Нарцисс рассказывает о Персии.

Утром мы ехали по ровной тропе, идущей рядом с глинявыми такырами. Вдруг передняя машина сделала прыжок в сторону, потом в другую, начала вихляться спиралью, вообще выделывать движения, совсем недостойные машины, несущей на спине двухсотпудовый автоклав. «Это еще что за фокусы?» — подумали мы, соскакивая на землю.

Ближе нашим глазам открылась такая картина: перед радиатором автомобиля по песку бежала змея-щитомордник, быстро передвигая свои кольца, а автомобиль гнался за ней.

Нарцисс, улыбаясь во весь свой рот, направлял на змею машину.

Сделав последнее отчаянное усилие, змея прыгнула в сторону, в густой куст, и оттуда донеслось ее злобное шипение.

— Это пустячки,— рассказывает Нарцисс на привале.— Это щитомордник. Тоже ядовитая, как и кобра, но с коброй здесь приведется встретиться не каждому. В Персии змей больше. Я ходил раньше от Автопромторга на Мешед.

Там тоже пески есть. Там бывает раз в сколько-то лет змеиный ход, это большая редкость: змеи идут валом, видимо-невидимо, переселение всех змеиных народов. Однажды я шел на легковом «форде». Два пассажира со мною. Вечерок приближается. Солнышко заходит. «Не сделать ли привал?» — думаю. Поглядел на песок — что за нелегкая сила? Вроде как будто змеи ползут, ну, словно трава выросла, и вся живая — головами мотают и через тропу поперек лезут. Неприятно стало. Я ихней породы перевидал, но тут действительно немножко за сердце взяло: не слышал я раньше про такие штуки. Хорошо, если это безвредная какая, ну а если это очковая? Налезет в кузов — и пропадай тогда молодая жизнь. А тут пассажиры тоже заметили, наклоняются сзади. Бледные, руки трясутся. За пиджак мой уцепились, просят погонять скорей. Дал я третью — ну, пронеси нелегкая! И так, не знаю, долго ли, нет ли, лечу, а сам думаю: а ну как поломка и придется встать? Вниз не смотрю, только слышу свист из-под колес...

— Все-таки выбрались?

— Нет, как видишь, меня слопали змеи... Вот только, когда приехали в гараж... смотрю, а у меня колеса в зеленой грязи до самых крыльев. И обрывки висят.

Засыпая, я слышал, что они всё еще спорили о змеях, о дороге, о миражах, об автомобилях — «рено», «форд», «ситроен».

— Раньше нужно было дороги строить,— говорил молодой шофер,— потом уже завод. Вот и парься наш брат как ошалелый...

— Это шоферский уклон,— мягко возражал бухгалтер.— Если я доктор, скажем хирург, то что же по-моему: сперва нужно аппендициты у всех вырезать, а потом уж начинать строительство?

— Я так считаю,— примирял их другой шофер,— все нужно — и дороги, и завод, и разные там аппендициты...

Я хотел записать все это, но, достав химический карандаш, убедился, что он не выдержал дороги: его масса расплавилась и стала мягкой, как воск. Тогда я его швырнул за бархан в кусты.

К вечеру мы приехали в Бохордок. Мы нашли в нем один колодец и одну туркменскую кибитку, стоящие посреди песков. В кибитке сидел заведующий базой и штопал носки.

ЦЕНА ВОДЫ

Ночью пустыня плакала. Ветер свистел и плевался в песках. Всю ночь кричали верблюды и теснились к нашей кибитке. Они пытались подобраться к толстым мешкам Овезбека. Овез-бек, развозивший почту по пустыне, сидел сейчас в кибитке и играл в карты с заведующим базой. По временам он выходил из кибитки и бил толстой дубинкой по бокам верблюдов. Этот гулкий звук раздавался в песках, как удары в огромный барабан.

Всю ночь на пригорке стоял какой-то бородатый человек

и протягивал длинные руки навстречу ветру. Все время он кричал гортанным голосом:

— Эй-эй-эй-эй-эй! Онбиш-дюэ! Эгирма-дюэ! Придут караваны!.. Придут караваны!.. Идут. Идут...

Я помню луну, поднявшуюся над колодцем Бохордок. Это был большой и нелепый диск, покрывавший все фиолетовым цветом. Жалкая одинокая кибитка, колодец, две молчащие машины, верблюды и непонятное нагромождение каких-то тряпок и бараньей шерсти — все это было фиолетовым и почти фантастическим. «Страна колодцев» — записано у меня. Вот мы на географической карте Каракумов. Когда-то она была для меня желтой пустотой, где нет ни сел, ни городов, ни дорог, одни только точки с непонятными надписями: «Кол. Шних, Кол. Лайлы, Кол. Янных...»

Вот они, эти «Кол.»,— святая святых песков: колодцы, жилье, средоточие быта и легенд. Теперь передо мной скромный натюрморт пустыни: небольшой сруб колодца, веревка, кривое ведро валяется на песке. Это колодец, хранящий богатство каракумских подземелий — воду.

Наступил очередной выезд Овез-бека. Он выбежал на песок и схватил фиолетовую дубинку.

— Чит! Чит! — кричал он верблюдам.— Ах, зерер-хейван! Вредные животные! Вы опять хотите слопать «Известия ЦИК», как в прошлую пятницу? Чит! Пусть у вас на языке вскочит большой чиш и маленький чиш. Этот верблюд просто контрреволюционер, товарищ корреспондент!

Овез-бек подмигивал нам и улыбался. Он был большой юморист, вполне «светский» человек. Он носил черный пиджак и ослепительные кальсоны, опоясанные шелковым платком. Всю дорогу он рассказывал «литифе» — туркменские анекдоты. Потом он пел персидские песни. Он знал Фузули и Саади, он говорил по-русски и читал газету, называя ее «Иправда», так как туркмены не могут произносить сразу две согласные буквы в начале слова.

Овез-бек ехал к Серным Буграм несколько ночей, чтобы

вручить почту председателю ревкома пустыни. Он катился в пески, разбрасывая вокруг себя искры последних новостей.

Он шел теперь за бархан, и там его белые кальсоны блестели под луной, как паруса далекой шхуны. Луна ныряла в облаках.

С пригорка опять донесся крик бородатого человека. На пригорке я увидел несколько бараньих папах.

— Кто это? — спросил я Овез-бека, показывая на бархан.

— Это кумли,— пренебрежительно сказал Овез-бек,— люди песков. Кочевые люди. У них ничего нет. Огород — нет, виноградник — нет, арык — нет. Они таскают кибитку с собой. У них есть много верблюдов, и они думают только о верблюжьей колючке. Бикер-адам — бедный человек. Не смотри на них. Идем играть в очко, товарищ корреспондент.

Но мы с приятелем отправились на пригорок, к людям песков.

«Они не придут,— говорили кумли,— ни сегодня, ни завтра, потому что злой сыргын занес все тропы песком».

— Салам алейкум,— сказал я туркменам. (И несколько голов поднялось от земли.) — Здравствуйте. Нет ли у вас напиться? Одну чашку свежей воды. Наша совсем протухла в бочках.

— Алейкум салам,— ответил высокий человек с посохом.— Вы едете в су-бой? [1] Да будет у вас хорошая дорога. Вы едете к кукурту, к пороховому камню. Ваш аутомубил на шести колесах,— да будет спокойна его душа.

— О, за душу его мы не беспокоимся. Выдержали бы подшипники! — ответил мой товарищ с иронией, оставшейся на пригорке непонятой.

Кочевники начали тихо и быстро говорить между собою.

— По-дшипнеке? — произнесли они с удивлением.

Еще одно слово было брошено в пустыню.

Туркмен встал и, захватив с кошмы широкую чашку, пошел к колодцу.

— Мы все, нас двенадцать человек, из двух родов, ждем, когда возвратятся наши караваны,— сказал старик.— Там наши сыновья и братья.

Люди песков, оказывается, ждут возвращения караванов, которые отправлены на Серные Бугры недели две назад. Они сами хотели подрядиться перевозить доски к Серным Буграм. Но долгое отсутствие караванов, очевидно, есть дело рук дьявола, который сбивает караваны с прямой дороги, с одной из старейших троп, которую никогда до того времени не заметал сыргын.

— Пей, пей,— сказал туркмен, подавая мне чашку,— это самая хорошая вода во всем мире.

Мы попробовали. От воды пахло дохлыми кошками.

— О, прекрасная вода, отец! Но что там такое есть в колодце? — спросил я.

— Ничего. Позавчера верблюд упал в колодец.

---

[1] В сторону реки.

— Верблюд упал в колодец? Где же он сейчас?

— Лежит там, в колодце.

— Почему же вы его не вынули?

Туркмен снял папаху, из нее вынул цветной платок и вытер пот с лица и затылка.

— Почему? Как же его вынешь? Мои руки короткие, твои руки длинные, ты русский человек вытащи.— Потом он добавил, покачав головой:— Знаем, жалко. Очень жалко. Хороший верблюд был. Три верблюда этот верблюд стоил.

Я вспомнил, что действительно есть очень глубокие колодцы. Многие из них построены, может быть, тысячу лет назад, но никто еще не придумал способа извлечения падающих туда рассеянных верблюдов.

— Жалко верблюда, твоя правда. Но и вода плохая такую воду нельзя пить.

Я выплеснул воду на песок. И вдруг произошло какое-то замешательство. Все кочевники поднялись с земли и быстро заговорили. Они показывали на меня и часто повторяли «су», что означает «вода»,— слово, популярнейшее во всей Средней Азии.

—Зачем ты, плохой, проклятый человек, приходишь из города делать нам зло? Чит! Теперь не придут караваны...

Старик махнул рукой и сказал, явно пытаясь загладить инцидент:

— Молодой иолдаш приехал из далекой стороны. Он не знает цену воды...

Цену воды? Я посмотрел на старика. Нет, я знал цену воды. Я прошел от Ферганы до Ашхабада и от Кушки до колодца Бохордок, я ходил по Азии и видел гнилье, тощие арыки, и зоб у кокандцев, и пендинскую язву на афганской и персидской границе, и хлопок, растущий на воде... Нет, я знаю цену воды, старик. Я знаю, что в древние времена арабы три года держали город Мерв под страхом, потому что сидели на реке Мургаб, дающей воду Мерву. Я слышал

о раздорах узбеков и туркмен из-за воды и знал, что город Куня-Ургенч стал пустыней, когда Амударья ушла от него в другую сторону.

К нам подошел заведующий базой. Он понял крики.

— Что вы сделали! Что вы сделали! — вскричал он.— Вода — самое святое в песках. Закон пустыни запрещает даже умываться. Они уйдут от колодца.

Мы ушли в кибитку, и заведующий пояснил мне бохордокские дела. Этот колодец — один из первых советских колодцев. Он не принадлежит частным хозяевам, как остальные.

— Нам нужно окружить колодец доверием. Вы работаете на наших врагов... Теперь, в эту ночь, нас может выручить только природа... Если ветер успокоится, караваны дойдут до нас. Две недели, как они повезли продовольствие на завод. Где они? Почем я знаю, где они? Вот уже пять дней их ждет киномеханик из Бохардена, чтобы ехать к заводу...

Здесь мы заметили еще одного человека в кибитке. Он спал в углу, на земле, в позе отчаянной терпеливости.

Мы отправились спать. Луна слонялась за облаками, потом снова вынырнула в чистое небо. В этот момент людям у машин послышался далекий звон колокольца.

— Идут! — сказал кто-то из нас.

— Ничего не известно, здесь все может показаться,— ответил шофер.— А может, где-нибудь далеко, верст за сорок...

...Когда мы проснулись, у колодца было торжественное оживление. С севера на такыр крупными шагами шла длинная вереница верблюдов, качая головами и звеня тяжелыми колокольцами, подвешенными на шеях. Это был караван с завода. Это был наш первый встречный караван, настоящий караван среди пустыни. Он вез рабочих с Серных Бугров.

Когда мы увязывали бочки, караван еще спал, раскинувшись на песке, потряхивая во сне колокольцами. Горбы верблюдов в бликах солнца были похожи на горные хребты

и утесы. Гладкая глина такыра блестела, как серебро. Сонный бухгалтер сворачивал одеяло. Из кибитки струился дымок. Это было последнее, что я увидел в Бохордоке.

ВЕЩИ

Вокруг нас очень мало предметов. Солнечные закаты, дым костров, складная кровать, деревянные бочки, кривые ветки — они не заполняют пространства. Большой мир с маленькими вещами видит человек, идущий по пустыне. Этот человек идет одинокий и затерянный, точно муха по столу.

В пустыне, конечно, и не может быть много предметов. Но зато все вещи играют здесь первые роли.

Мне пришла в голову мысль описать вещи, окружающие нас в экспедиции. Я их вижу каждый день. Я притрагиваюсь к ним, щупаю, воспринимаю как постоянных спутников. Одни из них говорят о целых столетиях опыта кумли — песчаного человека, создавшего именно такой предмет. Другие изобретены шоферами или научными работниками. Третьи созданы самой пустыней. Вот краткий список этих предметов.

Бочки, резиновые трубки, ведра, медный кувшин — кумган. Это вещи, рассказывающие о воде. У нас двенадцать бочек, они привязаны рядом с автоклавами и оставляют для нас очень мало места. Мы их ругаем. Но это замечательные бочки-анкерки. Можно увидеть такие бочки в Ашхабаде, в караван-сарае, в экспедициях, у кочевников. Они отличаются от обыкновенных только тем, что у них приплюснуты бока, и это делает их похожими на баулы, с которыми ходят на базар. Но это очень важная деталь. Они сплюснуты, чтобы легче было их перевозить на верблюдах: круглые бочки могли бы вертеться и слишком придавливать верблюжьи бока.

Такие бочки употребляют кочевники. Из посещаемых и людных колодцев воду достают железным ведром; там есть ворот, колесо, ковш. У глухого же колодца вы найдете толь-

ко ведро из бараньей шкуры. Но хорошо, если колодец мелкий. А если он в шестьдесят метров глубиною?

Однажды мы увидели странное зрелище. Пять женщин шли по такыру. Они тащили за собой длинный канат, который вылезал далеко-далеко из колодца. Так обыкновенно здесь достают воду.

Мой товарищ набрал холодной воды в брезентовую рукавицу и подвесил ее к машине. Рукавица превратилась в ведро. Она долго сохраняла холодную воду.

Мы думали, что холодная вода лучше утоляет жажду, чем теплая. Это неправда. Туркмены лучше знают жару, и они всегда пьют чай, зеленый восточный чай без сахара.

Нужно умело подбирать для поездки необходимые вещи. Они должны быть легкими, небольшими, полезными, умными, порядочными. Никто не станет брать в пустыню велосипед: велосипед не может ходить по песку. Это трудно и автомобилю, но здесь человек помог своей изобретательностью.

В ящике с иструмеитом мы везем автоиасос. Это обыкновенный иасос для накачки воздуха в шины. Мы иакачиваем шины не совсем обычно — только до половины: на мягких шинах машина легче идет по песку. Но воздух от нагревания расширяется, шины становятся тугими; тогда мы открываем клапаны — воздух выходит; но при этом свистит и шипит разными голосами.

Для облегчения подъема нам служат доски, саксаул, тряпки. Но иногда бывают совершенио непредвиденные обстоятельства. Тогда помогают только быстрая сметка и изобретательность иа ходу.

Однажды машииа экспедиции Ферсмана остановилась на полиом ходу: мотор сдал. Осмотрели — оказалось, иа куски разлетелась пружииа одиого цилиндра.

Где достать пружину иа сто шестьдесят седьмом километре в песках? Вдруг вспомнили, что в сиденьях для шоферов есть пружина. Вытащили пружину, поставили в цилиидр и пошли дальше.

Иногда и в песках бывают бесполезные вещи.

Я захватил тюбик вазелииа — смазываться от ожогов. Вазелин, коиечно, растаял и вытек из тюбика.

В пустыне не иужны веера, трусики, домашние туфли и миого других предметов.

Туркмены, жители самой жаркой нашей республики, ходят в огромных бараньих папахах. Это ие парадокс. От солнца нужно укрывать тело и голову бараньей шерстью, шапками, теплыми халатами. Мы встречали рабочих, ехавших с серного завода.

В разгар зиойного дня все пассажиры караваиа были с головой укутаны в одеяла, полотенца, штаны и всякие тряпки. На одном пассажире была иадета пятиведерная бочка; бочка качалась, размахивала руками и пела песню.

Из пустыни иужно выкинуть наши трусики, вазелин и туфли. Следует ходить в брезентовых сапогах.

Но зато очень часто не хватает нужных предметов. Оии не изобретеиы, ие сделаиы, о иих никто ие думал.

В каракумской истории есть один классический пример пренебрежения законами пустынной географии. В завоевании Хивы участвовал отряд подполковника Маркозова. Он вздумал пройти на Хиву прямиком через Каракумы.

Были захвачены такие вещи, как бурдюки и бочки с водой, множество квашеной капусты, сто бутылок коньяка, чеснок и даже капли Иноземцева: чеснок от цинги, а «Иноземцев» от холеры. Но больше всего тут было пушек, ракетных станков и военного снаряжения.

Капуста испортилась на первом же привале, капли высохли, а воду почти всю выпили. В отряде было две тысячи людей, пятьсот лошадей и четыре тысячи верблюдов. Воды же захватили мало. Песок был накален до 80 градусов.

Однажды днем в отряде лопнули все наличные термометры. Последнюю температуру они показали 45 градусов. В этот день солдаты начали видеть миражи: в воздухе висели озера, реки, деревья.

Сначала было приказано не давать воды лошадям и верблюдам, а потом перестали давать ее и людям. Шел отряд на колодец Орта, что значит «середина». Дороги не были известны. Сзади отряда весь путь был усеян трупами лошадей и верблюдов, шинелями, ранцами, рубахами и штанами: их тяжело было нести. Армия шла голой. Но это было еще хуже: солдаты начали сходить с ума. Вечером часовые отказались охранять лагерь. Это уже была не армия — сотни обессиленных людей ехали, как мертвые вещи: их привязали к верблюдам по бокам, по два человека к каждому.

Солдаты побросали свои винтовки. Они поняли, что уж эти-то предметы были здесь совершенно лишними. Многие солдаты погибли или вернулись домой искалеченными. До колодца же Орта дошли всего шесть человек. Солдаты влезали в глубокие колодцы, дышали и не хотели вылезать наверх, где была жестокая пустыня и генералы. На другой день, несмотря на угрозу расстрела, они отказались идти, отказались караулить, отказались встать, сесть, смотреть, слушать. Они лежали. «Скажите трупу,— писал позже об

этом походе генерал Терентьев,— скажите трупу: отчего ты лежишь в моем присутствии и не отдаешь мне чести? Он не слышит и не боится. Что такое двенадцать пуль для человека, который и без того готов отдать жизнь за двенадцать капель воды!..»

Любопытно, что туркменские отряды ездили в то время по пескам и развозили дохлых собак: они бросали дохлых собак в колодцы. Они лучше знали законы песков и пустыню обращали против врагов. Закрыть колодцы — значит закрыть пустыню на замок.

Туркмены, живущие в песках, хорошо умеют отыскивать воду. Существует даже особое звание «искателей воды». Эти люди обладают как бы шестым чувством, передавая его из поколения в поколение. Нужно большое искусство, чтобы без всяких приборов найти место для колодца, чтобы вырыть колодец и сохранить его от разрушения; а некоторым колодцам в Каракумах много сотен лет.

Говорят, что в иных местах вода находится совсем неглубоко в песках, ее можно откопать руками. Я не верил в каракумских зайцев — как же они живут без воды? Но зайцы перебегали нам дорогу. Они достают влагу в песке. Благодаря этой влаге здесь растут и кустарники.

Но все-таки предметы, созданные наукой, лучше и умнее, чем зайцы и древнее искусство.

Однажды экспедиция Ферсмана придумала аппарат для перегонки соленой воды. Это нечто вроде самогонного аппарата. Ведь в Каракумах почти во всех колодцах соленая вода. Если такой аппарат будет сделан, его станут возить в экспедициях. А пока мы проклинаем бочки, пьем теплую воду через вонючую резиновую трубку, кумган ставим в костер.

Нарцисс вынимает свою складную походную кровать и ставит у машины. Мы же укладываемся на котлах, на ящиках и всюду — только не на земле: мы боимся фаланг и скорпионов. Фаланга похожа на ядовитого мохнатого паука.

Мы убили одну черную фалангу величиной с большое

блюдце. Есть еще один, самый редкий, очень страшный паук-каракурт. Это малюсенький черный паучок, но если он укусит верблюда в его толстую пятку, то верблюд умирает. Бывают годы, когда каракуртов рождается много, и в такие «урожайные» лета верблюды падают целыми стадами.

Вот нам недостает еще одного предмета. Хорошей кошмы. Кошма — это подстилка, сделанная из бараньей шерсти. Кошмой покрывают кибитки, на кошме спят скотоводы и не боятся фаланг и скорпионов: насекомые не выносят запаха барана.

Можно описать еще несколько предметов.

Очки. Это особые автомобильные очки, которые защищают наши глаза от света и пыли. В некоторые моменты поверхность песков ослепительно блестит от солнца. Если не надеть очки, глаза болят нестерпимо.

Запасные колеса. Домкрат. Лом. Сигнальные факелы. Вещи — молчаливые и незаметные, как герои. Они просыпаются в трудные минуты аварий.

Автомобильный счетчик. Ни на один предмет мы не смотрели так часто, как на него. Иногда за сутки он показывал только четыре километра. Его стрелки издеваются над нами, они приучают нас к терпению и выдержке. Эта вещь здесь становится научным инструментом: только по автосчетчику узнают точное расстояние между колодцами.

Длинная рогатина. Ее мы сделали уже в дороге, нас научил этому один туркмен. Рогатиной ловят ящериц зем-зем. Нужно прижать ее к песку так, чтобы два зуба рогатины обхватили ящерицу. Только держать следует крепче, иначе зем-зем убежит. Они очень сильны. Есть зем-земы до полутора метров длиною. Они могут ударом хвоста сильно расшибить руку. Есть ящерицы ночные, есть меняющие свою окраску: от раздражения они становятся зелеными и розовыми. Есть чирикающие — они чирикают, как птицы. Не многие знают, что в туркменских песках водятся барханный кот, кобра и полосатая гиена.

Мой фотоаппарат. Не нужно думать, будто здесь нечего

снимать, что тут страна однообразия. В нынешних песках есть пища для фотоаппарата. Здесь каждый день приносит все большее разнообразие вещей. Предметы шагают по пустыне, чтобы завоевать ее.

В нескольких местах в песках находили стоянку доисторического человека. Вещи говорили, что и тогда люди в пустыне занимались скотоводством. Это почти такие же предметы, как и теперешние. Несложный быт скудного скотоводческого хозяйства, суровая обстановка, презрение культурного мира к людям, населяющим пески, не могли способствовать расширению ассортимента предметов, окружающих кумли. Наоборот, быт работал на то, чтобы как можно сузить круг нужных вещей: это отличнтельная черта всякого кочевья.

Туркменская кибитка — довольно сложное и крепкое сооружение. Но этот дом может быть разобран в течение сорока минут на несколько составных частей: кошмы, порог, верхние и нижние ободья, поперечная планка, очаг, крепы. Но любопытно: во всем этом нет ни одного гвоздя! Все скреплено ремешками и лентами — «вак». Гвоздь — это предмет из города. Лишь теперь пески начинают получать хорошие, удобные и необходимые вещи городской культуры. Но настоящему развитию быта кумли поможет переход к окончательной оседлости. Сейчас пески изучают, измеряют, узнают со всех сторон.

Я встречал палатки геологов и гидрологов. Они живут под громадным добротным брезентом, напоминающим палатки пионеров Юкона и Аляски. Брезент прикрывает иногда множество людей, столы с чернильными приборами и ворохами бумаг, складные табуреты, фотоаппараты, бочки, постели, железную печь, хаос, состоящий из книг, научных приборов, примусов, мыльниц, консервов, патронташей, чемоданов, сапог, брнтвенных приборов, зеркал, оружия, термосов, биноклей и предметов неизвестного назначения. Я не представляю себе, что будет, когда все это снимется отсюда. Это место будет окурено жизнью, как старая трубка. Так

живут эти разведывательные партии везде. Как и кибитку, ничего не стоит весь этот полевой быт через час упаковать в ящики и повесить на верблюдов.

Предметы в пустыне разговаривают. Они красноречивы. Они плачут, или смеются, или агитируют. Мне хочется открыть новую главу, чтобы рассказать о случае близ Иербента.

КАРАКУМСКИЙ РЕВКОМ

Мы пересекали безводные пески между колодцами Бохордок и Иербент. Нужно было в ту же ночь добраться до двенадцати колодцев Иербента. Машины давали полный ход. Полуголые шоферы, стиснув зубы, молча склонились над рулями. Мы не успевали отстранять ветки саксаула, и они хлестали наши лица.

Ночью пустыня похожа на старый кинофильм «Восемьдесят тысяч лье под водой» выпуска фирмы Патэ. Воду кто-то высушил, но остались чудовищные водоросли, изгибающиеся и кривляющиеся за нашими спинами. Кусты саксаула толпами уходят в темноту. Ветер шевелит кусты. Голый песок шумит под колесами. Это продолжается десять, сто и триста километров. Это площадь умершего когда-то государства. Пустота смотрит из покинутой страны...

В ту ночь горели фары наших машин, электричество впервые падало на эти пески, тени кустов собирались в толпы и гнались за нами. В ту ночь нам хотелось прыгать на машинах, хлопать в ладоши и радоваться радостью человечества, прорубающего свои новые дороги.

Большие песчаные барханы выросли из темноты, преградили дорогу, и мы стали. Предстояла ночевка посредине этого скверного этапа. Так начался костер...

Эта ночь была наполнена необычайными вещами: костер пылал на черном фоне, искры мчались вверх как сумасшедшие. Наши лица не принадлежали больше нам. Это были красные театральные маски, пляшущие в свете пламени. Из тьмы выползали скорпионы и фаланги величиной с

блюдце. Наши тени уходили от нас за целую версту и там путешествовали по барханам.

Мы пили чай, вытаскивая из чашек вареную саранчу, градом валившуюся в костер. Мы лежали на брезенте.

Мы чувствовали себя путешественниками в необитаемой стране.

— Не хотелось бы мне сейчас очутиться здесь одному,— заявил бухгалтер.

— Конечно! Где-нибудь костяшками на счетах перестукивать куда легче,— огрызнулся Нарцисс.— А я вот однажды ехал один. Было это...

Но здесь глухой стук в песках оборвал рассказ. Мы прислушались. Стучали лошадиные копыта, как будто кто-то быстро бил доской по песку. Можно было расслышать фырканье лошади.

— Вот и гостя несет,— сказал Нарцисс.

— Где огонь, там и бабочки,— добавил второй шофер.— Должно быть, почтовый ездовой.

— Или басмач...

Сперва мы увидели мелькающие подковы. Потом появилась белая голова лошади. Лошадь проржала в темноте, вынырнула на свет, и всадник с размаху спрыгнул на землю. Повозившись немного с уздечкой, он появился у костра.

— Люблю выпить чайку с дороги,— сказал он, потирая руки.— Привет Нарциссу и всей компании.

— Здоро́во, старик! Как дышится? — крикнул Нарцисс.

Мы увидели человека лет двадцати пяти, в белой рубашке, с грубым, обветренным лицом. Я узнал его: это был человек, который представлял собою Советскую власть на территории, равной трем Австриям, сложенным вместе.

В Ашхабаде мы собирались с ним и с директором Автопромторга пересечь все Каракумы насквозь, захватив в машину много воды и пулемет: в северных районах почти не было колодцев и водились еще жалкие остатки джунаидовских басмачей.

— Здравствуйте! Вот я уже и возвращаюсь. Моя машина побыстрей вашей. Я не променяю коня ни на что. Наша работа — конная работа. Наши враги тоже на конях. Будьте спокойны! Когда увидите конский след, это значит — ехал тот, кому надо быстро ехать. Может, проезжала Советская власть, может, ее враги. Дайте закурить! Вы везете много табаку. Вас на заводе ждут, как манну с неба. Люди покурили все веники. Даже туркменский нас—жевательный табак — и тот раскурили...

Советская власть в Каракумах возникла гораздо позже, чем в других местах. В иных местах Каракумов ее нет и сейчас,— говорил наш собеседник у костра, человек с обветренным лицом, председатель ревкома.— Был я директором фабрики, был начальником милиции, а теперь вот партия поручила мне пустыню.

Рассказывая, он смеется, как смеются совсем молодые и абсолютно здоровые люди. В руке его — порыжевший портфель, полный песчаных проблем. Я знаю: в этом

портфеле лежат десятки самых неотложных вопросов. Эти вопросы возникают у колодцев. Колодцы — это места для жилья, это поселки. У племени багаджа не хватает воды. У людей шиих вода становится горькой. На западе падают верблюды. Богатеи не дают бедняцкому скоту воды. Колодцы и хозяева. Верблюды и шерсть. Женщина и Советская власть. Тиф и суеверие. И еще тысяча вопросов, значительных и важных, как вода в пустыне.

Домик ревкома стоит в центре песков, на серном заводе. От него до дальних колодцев 200—300 километров.

— Есть решение разбить пески на пять районов. Создать аулсоветы, кочевые Советы при колхозах. Все это не так просто. Пески открыты давно, а люди, которые в них живут, только недавно. В Каракумах около двух тысяч колодцев и свыше ста тысяч человек. Вот и думайте...

Ветер задул его последние слова.

— Товарищ Егоров,— сказал я,— пейте чай. Вы начали о национализации колодцев... Ну и как? Я слышал, что за колодцами Шиих неспокойно. Это правда?

Он схватил со щеки сарычу, кинул ее в огонь и усмехнулся:

— Там плоха наша работа. Зато там работают наши враги. Скоро вы увидите караван. Мы его направляем туда. В песках нужно не всегда ходить прямо. Мы ходим иногда, знаете, ходом шахматного коня.

Он выпил чаю, оседлал лошадь и вскочил в седло.

Скоро мы увидели обещанный караван.

Была лунная ночь. Из-за барханов выходили верблюд за верблюдом. Они были по обыкновению привязаны друг к другу веревкой, кончающейся палочкой, продетой сквозь ноздрю.

Среди поклажи мы увидели два небольших колеса, выпиравших из-под брезента.

В каком-то журнале была напечатана обложка, где были нарисованы пулеметы на верблюдах. Это было необычно и сурово. Пулеметы в песках напоминают о многом.

В свое время через эти барханы совершались военные переходы.

Красноармейские части в гражданскую войну прошли фронтом через пески, как будто это были украинские огороды на Полтавщине. Существовало представление о неизученных и нетронутых песках. А красноармейские отряды перевернули эти понятия вверх дном и уничтожили здесь басмачество, раньше чем были изданы географические справочники. Мы видели такыры, которые служили аэродромами для красных самолетов. Самолеты садились, поднимались и летали над местами, которые отмечены на картах белым цветом. Революция освобождала пролетариев многоэтажного Питера и малостадных кочевников пустыни.

В мае 1921 года белогвардейцы и басмачи отступали прямиком через пески. А от Ашхабада на них шли вооруженные рабочие и красноармейцы. Многие отряды разбрелись в песках, части Красной Армии сомкнулись в глубине пустыни. Отдельные белогвардейские отряды соединились с басмачами.

...Последний верблюд каравана ушел за бархан. Мы говорили о пулеметах и песках, о людях, рассыпающихся в горизонтах песчаного ада, о людях, увидевших сто скрытых до наших дней чудес пустыни, но не нашедших отсюда выхода, о бродячих барханах...

Наши машины дали скорость и обогнали караван.

Вечером мы стояли у колодца Иербент. Одинокие кибитки так несложно были прижаты к голой поверхности, что на них тоскливо было смотреть.

Уполномоченный Госторга водружал на костер кумган.

Нас опять догнал караван. Колеса по-прежнему виднелись из-под брезента...

— За колодцы Шиих? спросил я, кивнув на верблюдов и колеса, завернутые в брезент.

Уполномоченный поднял голову с медлительностью, выработанной жизнью в песках.

— Да, за колодцы Шиих. Эти вещи там пригодятся. Они

здорово работают. Теперь там поправятся дела,— добавил ои, подумав.— Вот как и у иас...

Ои кивиул головой в сторону. Здесь я заметил между кибитками страииое подобие домика, похожего иа ящик, из которого иеслись ритмические стуки.

Я подошел ближе и увидел, что в ящике стояла швейиая машиика и туркмеи-портиой при свете керосииовой лампы отчаяиио шил халаты. Ои спешил так, будто собирался обслужить халатами все Каракумы. Будка была такой величииы, чтобы вместить только человека и машиику. А готовая продукция падала с машиики уже в пустыию, за порог открытой двери..,

Этот «дом» был сколочеи из ящиков кооперативиого чая для кочевииков и сиаружи был весь покрыт большими иадписями: «Цеитросоюз», «Цеитросоюз», «Цеитросоюз». У портиого я узиал, что машиика Госшвеймашииы работает от кооперации, обслуживая трудовых скотоводов шерстосдатчиков тут же иа месте. Оиа смеиила кустариое и долгое шитье туркмеиских портиых.

— Так вот как? Это, зиачит, караваи повез швейные машииы,— сказал я, возвращаясь к костру.

— Да. А вы думали комбайи или трактор?

— Нет. Я думал совсем другое.

Теперь в Каракумах швейиая машинка иужнее, чем пулемет.

Колокольчики звеиели уже совсем тихо. Караваи ушел с такыра, как за иевидимые кулисы. Так, оказывается, это швейиая машиика! Госшвеймашииа, иеумолимо шагающая через пески.

ВЕТЕР В ИЕРБЕНТЕ

К зиамеиитому колодцу Иербент, расположеииому близ могилы святого ишаиа Чильгазы, мы приехали утром в грязиый деиь, проиизаииый ветром. Километров за пять мы увидели желтую полосу открытых песков. Все кусты здесь были

вырублены до самого горизонта. Мы поиялн, что подъезжаем к Иербенту — колодцу, у которого пересекаются тропы, идущне со многнх сторон: нз Хнвы, нз Теджена, нз Мерва и Ашхабада.

В этом песчаном центре мы увнделн пятнадцать кнбнток, двенадцать колодцев и даже две глнияные мазанки с плоскимн крышамн.

Началось это так: машнны переваливалн с бархана на бархаи и вдруг вылетели иа такыр, гладкий, огромный н блестящнй, как поверхность гнгантского стола. По этой площадн бегала толпа ребятишек. И тут (о, радость шоферов!) нашн машнны загуделн. Мы вспомннлн, что за сто восемьдесят кнлометров путн автомобнлн не нздалн нн еднного гудочка. В песках эта функцня авто как бы временно атрофировалась; грушн снгналов болталнсь совершенно забытые. И когда онн вдруг напомннлн о себе, мы воспрннялн это как музыку, доиесшуюся к иам нз далекого города.

Но в какой уиылой обстаиовке раздалась эта снмфоння! Пыль в воздухе, ветер дует со всех четырех сторон, серые, безнадежные горнзонты... Здесь есть только горизонты, иебо, засыпанное пылью, грязная рыжая площадь, на которой прнютнлось несколько кнбнток...

На другой стороне такыра отдельио торчала одна нз кнбнток, утоиув в какнх-то ящиках, консервных банках н котлах до самой крыши. Из дыры в этой крыше валнл дымок. Когда прогуделн машнны, от сооружеиия отделился человек в белой грязиой рубашке, босой, с лицом без всякнх прнзнаков нацнональностн. Он подошел к иам и сказал спокойно н неожнданно по-русскн:

— «Жнв и я, прнвет тебе, привет». Так н прнехалн, значнт?

Был это уполиомоченный Туркменгосторга по заготовке и контрактацнн верблюжьей н бараиьей шерстн. Он жнл в кнбитке, которая одновременно служнла кнбнткой-читальией, клубом и чайханой.

Войдя в кибитку, мы были оглушеиы сразу дымом кост-

ра, запахом плова, чьей-то громкой и выразительной руганью, плакатом, висевшим на стене. Плакат был яркий и многокрасочный. На нем было написано:

**УБИВАЙ ЗМЕЙ И ЯЩЕРИЦ,
СНИМАЙ С НИХ ШКУРУ И СДАВАЙ
В ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ**

Под надписью туркмен гнался за ящерицей зем-зем. Выше были нарисованы туфельки, сумочки, портмоне, которые выделываются за границей из туркменских ящериц и змей.

Костер горел на земле посреди кибитки; чьи-то лица слабо обозначались за дымом, тихо играл дутар (туркменская балалайка), и у костра я насчитал почему-то одиннадцать ног. В поисках пропавшей ноги глаза натолкнулись на ведра и кувшины, стоявшие у стенки, постель на полу, книжки, разбросанные там же. Брошюрки были на туркменском языке: «Береги ребенка», «Что такое малярия» и «Происхождение мира». Очевидно, никто этих книг не читал, потому что тогда еще не было здесь грамотных.

...Я выглянул за дверь. Там песок застилал горизонт и несся по такыру, точно снежная крупа. Несколько унылых верблюдов толпилось у колодца.

Ербент состоит из огромной площади, нескольких колодцев и беспрерывного ветра. Чтобы из нашей кибитки попасть в становье туркмен, нужно пересечь квадратный километр площади; песок при этом будет сыпаться в уши и ветер хлестать лицо. Здесь проходит ербентская жизнь. В ней много песчаных горестей и радостей.

Такыр — это не просто глиняная площадь. Такыр имеет свои большие и маленькие события.

Вот, например, здесь происходили события, о которых потом долго говорили у колодцев.

Началось это в Ашхабаде. Дюжина караванов отправлялась в пески. Верблюды презрительно щурили глаза на

прохожих. На их боках качались бочки с водой. Дальше в больших и маленьких ящиках двигались разнообразные вещи. Казалось, это были совсем неподходящие для пустыни предметы: карболка, чернила, сухие электрические батареи, хлопковое мыло, белые передники, шахматы, книжки, бронзовая проволока и, накоиец, просто палки, тонкие и длинные палки, перевязанные проволокой.

Двенадцать караванов несли на своих спинах женщин и мужчин, иепривычно качавшихся иа высоких верблюжьих горбах. Среди них были доктора в очках, полные н худые женщииы, молодые парни в майках и с портфелями. Ребята ели урюк и спрыгивали на землю, чтобы ловить ящериц. Какой-то высокий и худой человек настоятельио просил всех обратнть внимание на то, что пескн образовались в результате развевания третичных отложений и могут быть разделены иа несколько интересиых форм: первая — «ин статум насцендн», вторая «барханные пески» и так далее... Словом, это были культбазы, отправлявшиеся для работы среди кочевников.

Двенадцать караванов разошлись в разные стороны, но однн из них ушел значительно дальше остальных.

Туркмены племени багаджа увндели караван, разгружавшийся у иербентских колодцев. Ящики вносили в глииявую мазанку, ветер развевал волосы женщин, у кибиток на корточках сидели туркмены и молча смотрели на другую сторону площади.

Человек шел через площадь согнувшись и закрывая лицо от ветра. Он подошел к кибнткам и сказал, чтобы все желающее население приходило сегодня в кибитку-чайхану: там будет интересная беседа большого человека из города, а потом покажут кино, двигающиеся картины — сурат. «Ну, сурат, картины!» — говорил он и показывал руками. Но никто не понимал, в чем дело.

Ровно двадцать лет назад по тропе из Хивы в Герат проходил индус, полуфакир и полуфокусник. Ои пробирался из Хивиского хаиства и показывал у колодцев удивитель-

ные фокусы, которые до сих пор оставили воспоминания кое-где в песках. Он глотал змей, прокалывал щеки иголками, отрезал себе ногу, потом как-то приставлял ее обратно. Это было ловкое искусство и, наверно, единственное здесь зрелище, из-за которого, впрочем, индус чуть не поплатился жизнью. Во всяком случае, о ием рассказывают как о шайтане.

Спустя двадцать лет двигающиеся картины были встречены также с настороженным любопытством.

Племя багаджа отправлялось на тот берег площади, в другой мир. Известно, что Иербент делится на две стороиы: иа одной стороне площади уже много лет останавливаются туркменские кочевья, на другом конце находятся такие видимые, но еще ие понятые как следует вещи, как красная чайхана, рябой и бородатый уполномоченный Госторга и ящики с зеленым чаем, который называется «сентрасаюз».

Ветер спустился на такыр. По площади мчались песчаные тучи. Усталые фельдшерицы в пустой и холодной комиате с глиняным полом читали книжку. Свечка тускло горела на подоконнике, прыгая и затухая от ветра. Пустыня врывалась в дверь. На такыре приезжие люди водружали большое полотно. Кучка кочевников в бараньих папахах сидела поодаль.

Перс-киномеханик пустил аппарат, сноп света упал на экран, и папахи вздрогиули. Среди бесконечиой черноты, под звездами и над песком, колебался светлый квадрат, и на нем было море. Водяные валы ходили по полотиу, брызги летели в стороны.

— Су! — кричала толпа.— Вода! Су!..

Су исчезла, и вместо этого запрыгали буквы. Перс-механик громко читал по-туркменски надписи и объясиял иепоиятное. Потом показался песчаный берег, задрожали деревья, опять море, и вдруг толпа женщин выскочила иа полотно. Они были в полосатых трусах и купальных костюмах, иастолько легких, что племя багаджа ахнуло и закачалось от иеожиданности.

— По вечерам они выходили иавстречу морю! — кричал

механик.— Граждане, тише! Граждане, они ходили купаться и смотреть на воду! И вот однажды вечером...

— Какие дурацкие картины они посылают! — громко сказал сзади доктор.

Но женщины сделали свое дело. Зрители вскочили с земли. Старики начали быстро расходиться и уводить толпу. Через несколько минут площадь опустела.

Племя багаджа не пожелало узнать, что произошло «однажды вечером».

Утром культбазу продолжали сопровождать неудачи.

Докторов не подпустили к кибиткам. Двое тяжело больных брюшным тифом лежали на кошмах с посиневшими лицами и страшными, провалившимися глазами.

Знахари толкли в ступе сушеную голову ящерицы. Радисты ставили длинную мачту на крыше мазанки.

Кочевники смотрели издали, заложив руки за спины.

Только некоторые из них не боялись и даже помогали натягивать проволоку.

— Да, я слышал о такой штуке в Мерве,— важно говорил один скотовод.— Это говорящая труба, она будет петь песни, танцевать и смеяться.

Но от этого никому не стало легче. К вечеру труба начала хрипеть, точно горло зарезанного барана, и туркмены отошли в сторону, как будто боясь, что черная тарелка начнет сейчас стрелять или кусаться. Радист подкрутил винтик, тогда репродуктор заговорил полным голосом.

«Мерв — сорок. Ташкент — двадцать и три десятых,— говорил он.— Тянь-Шань высокогорная — пятнадцать минус. Возможна небольшая облачность...»

Непонятные слова раздавались, как зловещий и торжествующий шепот. И сразу после этого с небольшим хрипом заиграла музыка.

Рояль играл над такыром, полные аккорды странно прорывались сквозь ветер на площади.

В окне мазанки горела свеча.

В крайней кибитке умирала Аным-Мниау, молодая туркменка, измученная брюшным тифом, грязью и темнотой. У кошмы собрались ее подруги и со слезами утешали Аным. Тусклый костер тлел на полу, и дым струился по кибитке.

Потом пришли старики и сообщили, что на той стороне такыра играет труба дьявола, чем ишан Чильгаза очень расстроен. Больше того, ишан встал из могилы и теперь ходит по такыру. Несомненно, он не допустит дьявольской трубы...

От всего этого женщины заплакали и теснее сжались у горящих угольев: от жалости к Аным, лежащей с провалеными глазами, от темноты, от страха к бродячему ишану, от своей жалкой и прибитой жизни кочевниц. Лишь женщина песков как следует может знать всю жестокость этого сурового существования. От раннего замужества до ранней смерти ее жизнь наполнена возней с пищей и скотом, тяже-

лой работой и слезами. Мужчина-хозяин предоставляет ей все обязанности, начиная от ухода за детьми и кончая водопоем верблюдов. Сам же он в условиях несложного скотоводства часто превращается в существо преимущественно сидячее и даже философское.

Аным смотрела иа свой последний костер, тлеющий на этой тяжелой земле. Если бы даже Аным захотелось уцепиться за последнюю надежду, светящуюся из мазаики доктора, кочевники этого бы не позволили.

...Ветер гудел над такыром. Он прокатывался с дьявольским свистом и рвал пологи кибиток. В темноте сидели мужчины и молча покачивали головами. Ишан Чильгаза был недоволен говорящей трубой, поселившейся у его могилы. Ишан Чильгаза обязательно должен что-ииоудь сделать. На той стороне такыра бегали фонарики.

Ветер разыгрался не на шутку. Он гнул и качал высокую радиомачту, и это было не мудрено: на своем пути он встретил самое высокое, что было на пространстве нескольких сотен верст. В ту ночь мачта была сломана и сброшена на землю.

Потом люди с упорством муравьев возились на огромной площади и снова поднимали высокую мачту. Оиа не держалась, веревки обрывались, и их ие к чему было прикрепить. Но мачту обязательно нужно было поставить, в противном случае старый, отвлеченный, совершенно не существующий ишаи Чильгаза был бы победителем над человеческой техникой.

В конце концов мачту поставили, и она гнулась и свистела над такыром, как множество змей.

К утру ветер опять сломал мачту, и жалкие обрывки проволоки спиралью извивались на песке. Тогда мачту опять начали подиимать, связывать и сколачивать брусками.

Вот как много событий происходило на такыре Иербент.

В летописях такыра имеется и такой случай: ои передвинул иербеитскую жизиь еще иа чуточку в стороиу. Сделала это жеищиа, имя которой осталось неизвестиым. Это была

местная героиня, которой не поставят на площади памятника, как это делают в больших городах.

Дело в том, что сторона кочевников вначале очень плохо приняла культбазу и никто не хотел отдавать ребятишек в детские ясли. Приезжие женщины в белых халатах приходили в кибитки и уговаривали кочевниц, но те качали высокими туркменскими кокошниками и пугливо переглядывались между собой.

Неизвестно, чем бы кончилась история культбазы, если бы однажды безымянная женщина не произвела переворот. Она просто взяла ребенка и двинулась за порог. Перед ней было молчание такыра и неизвестный берег впереди. Об этом легко читать, и кажется простым перейти пустую площадь, но для женщины это означало восстание против песков. Иногда туркменок за это выгоняют из аула, проклинают и даже убивают. Это была революционерка пустыни, высокая женщина с тяжелым саммоком на голове. Она шагала по такыру, как красногвардейцы через площадь у Зимнего дворца. Может быть,

она вспоминала несчастную Аным, погибшую в грязи у тяжелого костра пустыни. Она решила разорвать проклятый круг такыра, она пересекала площадь решительно и просто, как путник, отправляющийся к далеким берегам, и сзади на нее смотрело изумленное кочевье, а на такыре шумел ветер и сбивал ее с ног...

Ветер ворвался в нашу кибитку и поднял пламя костра...

— Как же теперь? — спросил я.

— Что, ясли? О, они полны ребятишек!..

Я вышел из кибитки и пошел по такыру. Верблюды толпились у колодца и кричали. Женщины доставали из колодца воду.

На окраине такыра я наткнулся на какой-то шест, торчащий из холмика. Ах, это могила ишана Чильгазы!

Я видел тонкий шест, увешанный конскими хвостами и болтающимися по ветру тряпочками.

Сухой навоз перекатывался у могилы.

Когда я вернулся к кибитке, там толпились скотоводы, протягивая уполномоченному бумажки.

Уполномоченный писал договоры и квитанции арабским шрифтом, а скотоводы, помусолив большой палец, прикладывали его к бумаге.

Это был «кол-басмак» — печать руки.

— Очень трудно работать в Иербенте. Сюда тяготеет полпустыни. Базар и кооператив обслуживают тридцать тысяч квадратных километров. Целая страна! Смотрите, что делается.

С востока и запада из кибиток выходили люди встречать караваны. На площади играл дутарист. Мужчины выставляли ведра с пьянящим верблюжьим молоком.

Дым бежал по ветру: женщины готовили каззы — колбасу из конины, лепешки, плов с бараньим жиром.

«Дорога через Кзыл-Такыр — самая кратчайшая между Алах-Текинским и Хивинским оазисами — почти никем не посещается, за исключением разбойничьих партий, грабящих окраины Хивинского ханства» — так написано у поручика Калитина о громадной глиняной площади, лежащей недалеко от Серных Бугров.

Машины экспедиции Ферсмана были здесь спустя сорок восемь лет после Калитина. Они остановились у такыра в недоумении.

«С удивлением следим мы за направлением тропы,— записал Ферсман,— и убеждаемся, что она идет прямо на север. А по картам направление серный завод — город Хива требует угла не менее 30 градусов на северо-восток... Но у наших проводников другие сомнения и опасения: на одном такыре ими обнаружены свежие следы лошадей, они пересекли нашу дорогу...»

Долго, с волнением изучали они эти следы, разрывали их, щупали... Следы принадлежали бандитам, хорошо известным шиихам, но, к счастью, оказались довольно старыми, им можно было бы не придавать значения, лишь бы скорее проехать бандитскую тропу...

Через год после экспедиции Ферсмана мы приехали на глиняную площадь такыра. Такыр был огромной длины — больше километра. Сухая глина звенела под ногами. Ветер собирал в кучки песок. У края площади стояли туркменские кибитки. На такыре было два колодца: здесь самая лучшая вода во всех Центральных Каракумах, поэтому шоферы решили сменить воду: на серном заводе своей воды нет, ее возят туда с Кзыл-Такыра.

Нам оставался очень недолгий путь до завода.

Мы решили отдохнуть в тени кибитки.

У кибиток сидели женщины: они были в длинных красных шароварах и грязных халатах. Женщины варили плов и резали баранину. Ребятишки бегали и визжали, таская по

площади верблюжью кость, консервную банку и кусок соломенной шляпы. Банка звенела и скрежетала, шляпа пролетала кометой по небу и падала за кибиткой. Увидев нас, ребята открыли рты...

— Салам алейкум! — сказал я, подходя к кибитке.— Мир этому дому. Можно ли нам достать одну пиалу чала, верблюжьего молока?

— Чала? Чала нет! — закричала женщина, всплескивая руками и делая жалостливое лицо.— Хлеба нет. Вот последнего барана зарезали, будем праздновать дакылма[1], горе мое. Вот разве что в крайней кибитке, у старого Анна́ Бабахана.

— Анна Бабахана? — вопросительно посмотрела на нее другая женщина.

Она что-то тихо проговорила, причем я услышал только: «Гат-торбали. Бабахан гат-торбали».

О гат-торбали я много слышал. Это был особый вид разбойников пустыни. В 1916 году несколько туркменских племен восстали против царских властей. Тогда была отправлена карательная экспедиция генерала Мадритова, прославившаяся своей зверской расправой с туркменами. Некоторые аулы и колодцы в песках были совершенно разрушены, казаки убивали женщин и детей. Отдельные уцелевшие туркмены, вернувшиеся на пепелище, ничего там не нашли. Тогда и образовался особый род бедняков — гат-торбали. Они бродили по пустыне с торбой, в которой был спрятан аркан. Аркан они накидывали на шею встречному и отнимали у него ценности. Это делалось от голода, и говорят, что гат-торбали теперь исчезли.

Значит, я могу увидеть сейчас живого гат-торбали? Это меня захватило. Он мне представлялся громадным детиной с черной бородой, со страшным лицом и с большой сумкой, которой ночью пугают детей. Ничего этого мы не нашли. В

[1] Дакылма — официально запрещенный ныне брачный обычай: переход вдовы умершего туркмена к его брату.

крайней кибитке мы увидели довольно хилого старичка в тюбетейке, в русских галошах и ситцевой кацавейке. Старичок сидел на кошме и строгал какую-то дудочку.

— Салам,— сказал я.— Скажи, отец, какому племени принадлежат эти колодцы?

— Мы бедные люди племени ших,— ответил старик.— Но эти колодцы наш род приобрел недавно.

Я не знаю, действительно ли старик был когда-нибудь гат-торбали, но поговорить он любил. Это был очень знающий и умный кумли, он побывал в Ашхабаде, в Персии и даже умел немного читать по-русски. Мы успели выпить у него не один чайник зеленого чая.

Вот рассказ Анна Бабахана:

— Да, я все могу рассказать о Сорока Буграх, потому что наш род знал их, когда еще река текла по Узбою. Русский человек думает, что он нашел пороховой камень. Но это неправда. Еще наши старики делали здесь порох. И это было столько лет назад, сколько нельзя сосчитать человеку. Когда Амударья называлась Оксом, а Аральское море Джендским морем, когда предков наших хоронили вместе с лошадьми, на которых они должны были ехать на тот свет, когда ханам каждый год отправляли подати, а русский человек еще не приходил на берега Окса, тогда люди здесь выкапывали пороховой камень. Он лежит в середине злых песков, и к нему со стороны реки нужно ехать столько же дней и ночей, сколько и со стороны гор.

Ветры приходили и съедали холмы, как черви, и персидские солдаты приходили и забирали камень, и нукеры — солдаты хана хивинского — увозили его к реке на тысяче верблюдов. Время летит, как ветер, русский молодой нолдаш!

Посмотри кругом: песок разъедает глаза, ты не увидишь отсюда края земли, тысячу стран пройдешь, и волосы твои станут белыми, как хлопковые волокна, и ты будешь видеть разные страны и разные моря, и всюду увидишь ты мир, живущий, как муравейник. В горах Хорасана ты найдешь ка-

менных баранов и грифов, летающих над ущельями, и в море ты найдешь рыбу с хвостом крысы, в камышах ты встретишься с кабаном и дикой кошкой, но всюду ты услышишь эхо, долетающее из мира. Прислони ухо к песку, к скале — земля дрожит от топота людей...

Мы думали, что живем в мире тишины. Наши бахши пели: «Стрела, пущенная с четырех сторон света, не долетит до сердца злых песков».

И что же: смотри, уже каменные кибитки стоят на Сорока Буграх, ваша железная арба идет по песку и кричит громче верблюда. Ревком ездит по колодцам, наше племя возит воду для ревкома.

Мы знаем, что трава и верблюжья колючка у нас редки. Скот наш обходит много агачей, чтобы найти еду. Реки отвернулись от нас: одни побежали в Арал, другие утонули в песках, как у Мерва, третьи умерли, высохли, как великая сухая река Узбой, проходящая в трех ночах отсюда. Все же мы живем по милости пророка, и велика наша земля.

Но мы давно знаем, что тишины нет; эхо больших войн всегда долетало до нас. Многие из нас были в Мерве, и Кзыл-Арвате, и в Куня-Ургенче, на краях песков. Мы знаем, что делается на земле.

Многие из нас видели большие железные арбы, которые стреляли порохом и огнем, видели солдат русского генерала, видели тысячи мертвых туркмен из других племен, убитых на стенах города Геок-Тепе.

Не спрашивай, иолдаш, кто здесь бросил свои кости. Люди приходили сюда со всего света. Пленных персов жители Хорезма вели через пески и бросали на съедение солнцу. Потом персы приходили с юга и добивали здесь бывших победителей, бежавших с берегов Гюргена. Ике-туркмены, живущие на берегу моря,— бежали сюда от персов и свирепых племен, приходивших, точно морские волны, из-за Каплан-Кыра и Устюрта.

Мы пасем овец, нас учили не спрашивать, чьи кости бе-

леют на песке. По ним идут дороги в шумные города и большие базары.

Не мы первые ушли в пески и не мы последние.

Старики говорят, что за спиной нашего племени лежит тропа к реке, что мы когда-то жили в хорезмских землях, где цветут урюк и хлопок.

У нашего племени был большой и могущественный хан. Он хотел завладеть всем Хорезмом, но чужие туркмены перебили племя, они отрезали мужчинам по одному пальцу на руке, чтобы те не могли сражаться, и наша дорога ушла в пески, оставляя кровавый след.

Может быть, это не так. Говорят, что шиих — разбойники. Разные есть люди шиих и разные роды. Мы пастухи, мы не умеем стрелять, и у нас нет ни арб, ни быстрых лошадей. Мы копали пороховой камень и продавали его на сторону Хивы.

Иногда чужеземцы сами приходили и силой забирали камень. Тогда в воздухе стояла пыль, стук железа о камень раздавался над песками, караваны кричали у Бугров.

Но однажды примчались в пески всадники и сказали, что белые рубахи — русские солдаты — придут и заберут всех мужчин и увезут за море на войну. Многие племена взялись тогда за оружие.

Ветер — нолдаш — заносит следы, время слепит глаза, но помню я черный караван, идущий через пески. Никогда такой караван не проходил у Бугров, он ушел, чтобы больше никуда не вернуться.

Ты слышал, наверное, что за Узбоем есть мертвые аулы? Нет, не слышал. Там никто больше не живет, и туда больше не ведут тропы. Нам говорили, что у вас теперь власть взяли другие люди. Много времени прошло с тех дней.

А было так: из реки Гюргена текла красная вода. Туркмены, сеющие траву, перебили начальников. Многие пастухи также пошли вместе с ними. От аула к аулу, от колодца к колодцу собиралось большое войско и шло к берегам Гюр-

гена. Чем больше селений оио проходило, тем стаиовилось больше. С ним шли женщины и старики. Они говорили, что все время будут рядом с мужьями и сыновьями. Многие везли с собой кибитки. У войска были пороховые ружья, копья и кинжалы.

И вот недалеко от берега моря, вблизи сухого озера Баба-Ходжа, показалось вражеское войско. Оио раскинулось иа сто верст, оио стояло в белых кибитках, и ружья их блестели под солнцем, а ржаиие их лошадей было слышно за два перехода.

Тогда остановились караваны. Некоторые аксакалы уговаривали пойти и смириться. Оии говорили: «Большие ханы — наши начальники. Какой безумец осмелится выступить против их силы?»

Но этих аксакалов не слушали, потому что ишаны сказали: «Кого вы испугались? Армии грязных мышей, жалких воробьев, несчастных гяуров, пожирающих свииней. Они думают нас испугать кривыми пушками, похожими на грязиую арбу для перевозки дохлых собак. Их войско состоит из трусливых сыновей вороны и поганого касаля — ящерицы; их ружья похожи на саксауловые палки, их сабли сделаны из бараньих ребер. Разве когда-нибудь было время, чтобы огузские племена боялись врагов?! Оии не боялись Шайбаииихана и персидских ханов, и даже сам Тимур-Ленг — «железиый хромец», покоритель Средней Азии,— однажды бежал от них в большом страхе. Вспомним великие времеиа наших отцов, прогоним чужеземцев и вытопчем их след на нашей земле...

Так говорили ишаны. Но долго раздумывать все равио иикому не пришлось.

К полудню вражеское войско начало двигаться вперед, и уже можно было отличить их зеленые рубашки, похожие иа одежду ящериц. Половина их была иа лошадях. Оии окружили весь лагерь; заиграла труба, и громкий выстрел раскатился по Буграм. Этим выстрелом были убиты последние надежды: люди услышали в воздухе смерть, и жеищины иа-

чали плакать, ио, бросившись иа валы, увидели, что кольцо сомкиулось и выхода уже ие было.

Лагерь был окружеи огием, и все мужчииы, вскочивши иа коией, бросились иа врага.

Жеищииы ждали возвращеиия мужей и отцов. Но те не вериулись: оии остались лежать в степи. Вместо иих в лагерь ворвались коииые всадиики врага. Жеищииы упали иа колеии и просили пощады для себя и для детей, ио их били шашками по лицу, подиимали за волосы с земли и прокалывали копьями. Слезы мешались с кровью.

После этого всадиики зажгли кибитки и умчались в аулы.

А иочью оставшиеся в живых подиялись и увидели лагерь. Это был лагерь мертвых: там теперь валялись обгорелые кошмы и в дыму ползали жеищииы, отыскивая своих убитых детей. Старики плакали, опираясь иа палки. Оии говорили: «Горе иам! Это закат иашего иарода. Мы ие увидим уже ии Али-Куртыша, ии Хабаша, ии Мурада, ии других храбрых воииов и иаших сыиовей. Оии ие услышат слез своих стариков и жеищии. Что иаши жалкие сабли перед их дьявольским огием? Оии ломаются, как воск. Горе, горе! Мы уйдем туда, где солице падает в Великие пески. Мы — жалкие, хромые лошади, пчелы с вырваииым жалом».

И оии пошли вглубь, в пески, отыскивая разбежавшихся верблюдов.

Но это было еще ие все. По дороге их догиал враг и уиичтожил половииу из иих. Потом к иим присоедииились бежавшие из окрестиых аулов, сожжеииых и разрушеииых дотла. Так скапливалась по дороге эта большая река слез, уходящих в пески, в пески...

Мы ожидали вестей об этом большом сражеиии иа востоке. И вот из-за бархаиов показался караваи.

Ты можешь услышать про караваи, который состоит из раиеиых жеищии и плачущих стариков. Его верблюды точио теии, оии идут без колокольцев, так как жеищииы боятся, что услышит враг. Караван идет и идет в пески... Нам оии да-

же инчего не сказали, мы сами поняли все; караваи молча прошел вдали, мнмо, н медленно исчез за барханом. Разные людн есть у племенн шннх. Некоторые и сейчас еще джигнтуют в басмаческих шайках. Это шиих. Есть бедиякн, весь век пасущне скот у колодцев Дамлы и Кырк. Это тоже шннх. Может быть, слышал — я тоже был у Джуиаид-хана. Я ннкогда не убнвал. Я ушел с родных колодцев за Гюрген...

Несколько лет Бабахан броднл в Перснн. Там он был джнгнтом, нищим, садовинком, парнкмахером и даже мирабом — «распоряднтелем воды» — у персндскнх туркмен рода джафарабай. Такую почетную должиость ои получнл потому, что он чужой н беспрнстрастный.

Из-за воды пронсходят часто раздоры. Река Атрек протекает в СССР н в Перснн, н вот иногда персндскне туркмены прнходят к иашнм драться за то, что те «задержнвают воду».

В 1929 году Бабахаи вспомннл туркменскую пословнцу: «Для зайца роднна — курган, у которого ои роднлся». От тоскн по своим Буграм у него закололо сердце.

Ои оседлал коня н поехал иа север, через Гюргеи н Атрек.

Подъехали к реке джигиты.
Дорогу дай, Гюргеи, дорогу дай!
Под нами бедуииские кони.
Дорогу дай, Гюргеи, дорогу дай!

Так поется в нзвестной туркмеиской песне.

Гюргеи дал ему дорогу. Но что Бабахан найдет сейчас в своей стране? Ему рассказывалн о ней столько необыкновеиного, что у Бабахана вспухла голова от этих рассказов. «Русскне начальиики похнщают женщнн, отводят их в города и там начнняют нх дьяволом»,— говорнлн одни. «Туркмены сндят начальниками в каицелярнях, ставят туркменскне печатн, вешают туркменскне вывески иа магазииах»,— рассказывали другне. «Кнбнтки раскрашнвают красной краской, ишаиов вешают, пастухов отвозят к европейскнм

докторам, там разрезают и вставляют металлическое сердце»,— говорили третьи. «Воду отнимают у богатых и отдают бедным»,— рассказывали четвертые.

Действительно, когда Бабахан ехал по этой стране, то сперва пугался, потом удивлялся, потом устал пугаться и удивляться, а только смотрел и слушал. На железной дороге он видел туркмен, которые сидели на паровозе в кожаных тужурках и управляли машиной. Они не кричали «хайт!» или «эгей!», как кричат обыкновенно верблюду или лошади, а поворачивали какие-то колеса. В ауле, посреди улицы, шли туркменские женщины с флагом, пели и никого не боялись. Ночевал Бабахан в чайхане, где играла музыка и какой-то человек читал газеты на туркменском языке. Утром Бабахан отправился в пески.

Подъезжал к родному такыру он ночью.

Лошадь нетерпеливо ржала, вглядываясь в огоньки кибиток. У колодцев Бабахан услышал шум и выкрики.

— Стой! — крикнул ему кто-то свирепо.

Но Бабахан обрадовался. «Голос родственника и во тьме звучен»,— говорят туркмены.

— Ты из джигитов Джунаида? — спросили его у колодца.

— Нет. А разве вы ждете от него?

— Да, мы ждем от него,— ответили Бабахану и рассказали о событиях, происшедших на такыре.

— Все пески взволнованы новой властью, появившейся у Сорока Бугров. Эта власть перевернула законы отцов. «Ишаны больше не ишаны,— говорит она,— плюйте на них». Эта власть отобрала бога, отобрала колодцы, отобрала девушек.

Раньше женщин можно было продавать, а теперь этого нельзя делать не только с «иг» — чистокровными туркменками, но и со всякими «ярыми» — смешанными. На что это похоже?

Раньше табибы-знахари лечили людей сушеной ящерицей, мочой верблюда, сухим песком, жженым саксаулом,

а теперь им запрещают это делать, и люди должны умирать без лекарства. Как же это может быть?

Сюда приезжал ревком и уговаривал возить доски и воду на Кырк-Джульба и за это предлагал платить свои деньги.

— Нам не надо нехороших денег. Вчера приезжали джигиты Джунаида из наших родственников шиих и советовали напасть ночью на караван. Сегодня ночью должны провести на Бугры нечистые трубы — их нужно сломать, а караваны прогнать отсюда. Что ты на это скажешь, старый Бабахан, опытный человек, изъездивший столько троп?

Люди кричали и размахивали руками. Одни советовали возить доски, а другие — напасть на караван.

Бабахан подумал. Он вспомнил, наверно, всю свою дорогу и рассказы, слышанные им.

— Вот что: нужно возить доски,— сказал он.

С племенем шиих положение было очень напряженное. Председатель ревкома рассказывал мне об агитации богатых скотоводов и ишанов против ревкома,— агитации, которая чувствовалась на каждом шагу. Ревком посылал людей. Ревком посылал все средства, бывшие под руками,— лекторов и радиоприемники; он бросал в бой брошюры о женском равноправии, о Первом мая, о детской скарлатине. Потом на тропах болтались белые клочки, нанизанные на ветки,— это были кусочки книжек о скарлатине и о Первом мая.

Но зато бедняк, завоеванный одним каким-нибудь несложным мероприятием, часто навсегда становился другом ревкома. На одном такыре беднякам отдали колодец, взяли у богача. Однажды какие-то остатки джунаидовских банд — два десятка джигитов — осмелились проскакать в десяти километрах севернее серного завода. Тогда на завод прибежали кочевники и сообщили об этом ревкому. Это были бедняки с того самого колодца — люди племени шиих.

День склонялся к вечеру. Выпив верблюжьего молока, мы сели в машину и двинулись по такыру.

Анна Бабахан вышел нас проводить. Он махал посохом. Сбоку бежали ребятишки. Они опять начали концерт из верблюжьей кости и жестяной банки. Потом появился кусок соломенной шляпы. Потом Бабахан замахал рукой и показал на запад.

— Вон наш караван... Люди племени шиих, смотрите,— донеслись до нас его слова.

Навстречу чинно шел по песку караван, груженный пустыми бочками. На каждом верблюде качалось по две бочки — сорок, пятьдесят, сто бочек. Это был караван, доставляющий воду на серный завод. Он остановился у края глинняной площади и дал нам дорогу. Туркмены приветствовали нас криками. Автомобили въехали на следы каравана, но не смогли осилить песчаной гряды, нанесенной ветром. Тогда туркмены бросились к машинам и начали

подталкивать их сзади. Они весело кричали. Они хватались за колеса, за крылья, нажимали плечами. Машины уже давно прошли трудную гряду, но туркмены шли еще сзади и по сторонам махали огромными черными шапками, смеялись, подталкивали автомобиль.

ЗЕАГЛИЙСКИЙ ПРИВАЛ

Одиннадцать способов добывания серы

На холме стоит человек и размахивает руками. Он почти голый — в трусиках, в пенсне, в фетровой шляпе. Я не верю, чтобы к жителям пустыни уже проникли фетровые шляпы. Это не кочевник, а европеец. Значит, мы приехали к Буграм. То, чего ожидаешь с нетерпением, как всегда, появляется неожиданно и близко.

Так вот они какие, Бугры! Желтые конусы, вылезающие из кустов. Вот такими их увидел отсюда когда-то Калитин после своего изнурительного путешествия. Здесь проезжал на верблюдах неутомимый Файвишевич. Такие же барханы окружали Бугры, толпились у подножия скал и уходили к горизонтам.

Мы проехали путь необычайно счастливо и быстро. Человек в шляпе оказался геологом из разведывательной партии, стоящей на Буграх. Он нас приветствовал щелканьем фотоаппарата. Мы въехали в котловину Бугров — Зеагли. Внутри котловины глазам открылся поселок. Скученный и приземистый, он стоит как бы в блюдце долины. Белые домики из камня, землянки, домик ревкома Каракумов. На нем развевается красный флаг, единственный на много сот километров в окружности.

Радиостанция стоит рядом с ревкомом. Изнутри доносится стук динамо. Дверь распахнута, и мы видим стоящего там человека в черной папахе; он крутит ручку машины. Мимо двери идет серая кошка с бантиком из голубой ленточки; она зевает с видом величайшего равнодушия к тому, что она живет в пустыне. Она даже пытается обидеть

козу, которая вышла из землянки. Землянки уходят в склон холма, крохотные окна завешены цветными занавесками; дорожки ведут вниз, к дверям. Из дыр в земляных крышах валит дымок. Дыхание жизни клубится у подножия холма. Белье сушится на веревке, консервная банка лежит на земле, и по песку ветер несет обрывок газеты. Он летит к центру котловины, где стоит каменная кладка конторы; за нею куб с кипяченой водой для всего поселка, потом кривой столб с колоколом и, наконец,— на другой стороне котловины — туркменские кибитки.

Из котловины вырываются своеобразные звуки; за холмом стучат камни и кричат верблюды. Караваны пересекают площадь. Они нагружены бочонками с водой, которую берут из колодца за десять километров отсюда. Сверху караваны маленькие, как модели под стеклом в Политехническом музее. Одни караваны идут сюда, другие обратно. Это продолжается круглый день, и в этом величавая и спокойная суета картины. Когда строили дворец Биби-Ханым, девяносто слонов и сорок верблюжьих караванов день и ночь возили камни и бревна — так мне рассказывал старый прислужник мечети в Самарканде. Здесь нет уже слонов, их заменили две машины, везущие железные котлы для разложения сероносной породы под давлением нескольких атмосфер. Но пока железные предметы в рамке песков выглядят странно: они лежат, уже снятые с машины, на песке, и толпа людей сбежалась смотреть на них. Здесь стоят рабочие в черных засаленных рубашках и в трусах, геолог с фотоаппаратом и кочевники с ближайшего такыра.

Мы прошли в баню — каменный домик на холме, смывать с себя Каракумы, въевшиеся в наши тела. Нас не предупредили о капризных и фантастических свойствах здешней воды, и вот мы ходим с волосами, слипшимися палками и колтуном, точно дикие туземки Огненной Земли. Нам недостает только колец, продетых через ноздри.

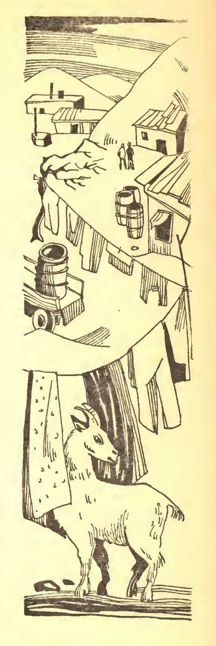
Однако и эта вода дается нам только во временное пользование. Из бани она стекает в особый бассейн, из которого

ее берут для технических нужд строительства. Это драгоценное су — вода!

Теперь мы относительно свежи и бодры. Мы у цели путешествия. Мы решительно спускаемся вниз по тропинке, погружающей нас в котловину, в поселок, сделанный из земли и камня, в его сухой и ветреный день.

Поздно вечером мы сидим в гамаке метеорологов и гидрологов на вершине сопки. Ветер задувает пузатый фонарь «летучая мышь», и гидрологи, молодые студенты-практиканты, рассказывают нам каракумские новости.

Мой блокнот распух за сегодняшний день необычайно. В нем столько различных разговоров, бесед, ландшафтов, чертежей и цифр, что я не знаю, как их поставить в шеренгу. Я могу вытащить описание восхождения на главный корпус завода. Могу даже привести формулу теплоемкости серы при плавильном процессе. Нарисован инженер, дававший нам эти сведения. У него косматая борода, взъерошенные волосы и улыбающиеся глаза. При взгляде на этот рисунок мне



вспоминается серная сопка, домик у ее подножия и инженер, бегающий с лампой в руке по комнате.

Мы пришли к инженеру под вечер. Нам много рассказывали о беспорядочном и веселом характере инженера. Он рисовал акварели, он бегал по Буграм, он хорошо работал и весело отдыхал. По вечерам он любил вспоминать Москву и Большой театр. У порога его домика стояла клетка с его «другом» — огромным угрюмым орлом, которого сперва, в темноте, мы приняли было за индюшку.

— Серу не так легко взять,— говорил инженер.— Вот она лежит. Вы ее видите. Желтая. Но она перемешана в породе с песком и глиной. Нужно суметь отделить серу от породы. Здесь были перепробованы разные средства. Всего существует одиннадцать рентабельных способов отделения серы от породы...

Здесь он умолкал и бежал в соседнюю комнату. Оттуда вместо ожидаемых сводок и расчетов вдруг приносил акварельные картинки, которые он рисовал здесь в свободные минуты.

Четвертушки александрийской бумаги рассказывали историю завода. Там была нарисована кибитка. Это все, что было здесь в начале постройки. За кибиткой возвышались Бугры — голые, серые, как верблюжьи горбы. Потом были нарисованы поселок, землянки, караваны, кухня, ревком, котел и, наконец, большой белый и высокий корпус завода.

Итак, есть одиннадцать способов добывания серы.

Представьте холм, разрезанный пополам, точно яблоко. В середине вы увидите на песчаном фоне желтые пятна самой разнообразной чистой серы. Но в остальной массе пятнышки серы разбросаны в руде, которая есть не что иное, как песок, сцементированный серой. Серные Бугры состоят из песка и серы. И вот нужно отделить одно от другого, причем сделать это на месте: ведь нет никакого смысла везти из пустыни серу вместе с песком — сорок процентов серы и шестьдесят процентов песку. В 1925 году академик Ферсман вывез из

Каракумов несколько кусочков Серных Бугров. Их нужно было изучить и попробовать извлечь из них серу.

В Сицилии добывают серу. Сицилийский способ — самый обычный способ. Серу выплавляют в так называемых печах Жилля: серу швыряют в печь, и там часть ее сгорает, а часть остается. Конечно, такой невыгодный способ лучше оставить Сицилии. Кроме того, что будет сгорать часть серы, песок, содержащийся в каракумской руде, будет тушить печь. Мы ходили на Бугры и видели там остатки каких-то полузасыпанных котлов, железных балок, кранов. Это остатки второго способа.

Второй способ связан с воспоминаниями о неуловимом Файвишевиче. У него был соперник — инженер Коншин. Этому инженеру удалось в конце прошлого столетия притащить в Каракумы паровой котел и подогревать в нем серу. Но такой способ годится для твердой породы, здесь же расплавленная сера смешивалась с песком, и из плавки ничего не получалось.

Есть американский способ плавки серы. Есть способ механического отделения руды от серы. Есть способы щелочные, сернокислотные, сероуглеродные. Одни предлагают варить руду в серной кислоте, другие — смешать ее с щелочами, третьи — испарять серу и этот пар собирать. Все эти способы оказались годными для всякой серы, кроме каракумской. Они или требуют слишком много воды, или загрязняют серу песком, или требуют слишком много топлива. Но в Каракумах как раз мало воды, мало топлива и очень много песку.

В 1925 году люди, работавшие над каракумской серной породой, отбросили щелочи, отбросили серную кислоту, сероуглерод и попробовали расплавить серу в керосине. И вот в цилиндре сера начала осаждаться на дно, а песок стал ложиться сверху. Это была победа.

Чистые кристаллики серы выделялись из песчаных масс в керосине. Тогда людям пришла в голову мысль: а почему не заменить керосин водой?

Сталн варить руду в воде, в особых котлах, в которых сжат воздух под давлеиием в несколько атмосфер. Сера и здесь иачала отделяться от песчаных масс.

Все эти события пронсходилн в стекляиных колбочках, малеиьких цилиидрах, пробиых аппаратах. Необходнмо было воссоздать все эти процессы в пробиых, ио уже настоящих автоклавах там, иа месте, у Сериых Бугров.

На окраиие Ашхабада собирался караваи. Лошади и верблюды были запряжены в огромиый фургои, поставлеиный на широкие шины. На фургоие был водружеи стопудовый автоклав, н караваи повез однииадцатый способ к Серным Буграм.

Иижеиера Х. ие было еще тогда иа Буграх. Не было орла, не было акварелей, не было домиков поселка...

Вечером несколько человек собралнсь иа вершние сопкн. Они с бьющимся сердцем следили за большим котлом, упнравшимся в леса и подпорки. Этот котел был похож на огромный самовар н даже имел винзу краи. Кочевннкн стояли поодаль. Похоже было, что нижеиер сейчас откроет краи н нальет себе чашку чаю. Под самоваром горели дрова. В котле давио уже была заложеиа руда, давио уже горел костер. Инжеиер подошел к самовару и действнтельно открыл краи. Потекла чнстая сера.

Пробный автоклав выдержал нспытанне. Нужно построить завод, соорудить поселок, набрать рабочнх, прнвлечь местиых жнтелей и потом, иаконец, привезти большне, настоящне автоклавы н водрузить их иа Буграх.

Одиажды утром к днректору прншел счетовод, навьючеиный тюкамн кииг н папок.

— Вот,— сказал ои, воткиув палец в графы н цнфры,— птнчки. Птнчкн озиачают коиец контрактов. Каждый деиь десятку человек нстекает срок работы по договору. А караваиов иет. Увезти их иекому. Нужиы иовые камеищики, иужиы плотиики. А где же караваиы?

Двестн человек разиых иацнй и разиых профессий, брошенные в сердце песков, в пять часов утра просыпалнсь

на далеком и хмуром острове. Двести человек поднимались на склоны сопок.

Пески были еще холодными, и в сером ночном тумане жесткий ветер хлестал человеческие лица. Песок хрустел на зубах. Стучали камни, мотыги и железо. Двести человек пели на разных языках.

Но среди двухсот было несколько человек, которые не выдержали сопок. Они не могли остаться сверх контракта.

С вечерним колоколом у них начинались тоскливые разговоры.

Иным казалось, что городок не вырастет, что крепкие, загорелые, энергичные люди дрогнут, бросят мотыги и уйдут, оставив котловину ветрам.

...Они молчали, сидели, глядели на огни. Выйти за дверь означало выйти в пустыню. И может быть, от этого или еще от чего-нибудь с наступлением темноты мало кто выходил на улицу. Иногда вдруг заговаривала гармоника. Вокруг

собрался кружок черных фигур. Но гармошка еще сильнее подчеркивала однообразие обстановки и тоску. Она вдруг застенчиво сама собой стихала и незаметно исчезала.

Утром каменщики и землекопы в конторе обступали директора, махали кулаками и ругались по-армянски, по-русски, по-персидски. Когда же придет он, обещанный караван, который заберет очередную партию возвращающихся из песков? Где он? Что с ним? Где его носит, по каким тропам он спотыкается, этот долгожданный и проклятый караван?

— Нам нет никакого дела, вы должны выполнить договор и доставить нас обратно. Если нет каравана, подавайте нам машины! Нам нужно домой, у нас там есть семьи, улицы, мостовые, деревья...

Суровое черное лицо директора мрачнеет. Директор снимает тюбетейку и кладет ее обратно на голову. Он смотрит на бледные лица армян, русских, но не видит их, а видит за их спинами будущий завод, новый, блестящий, сверкающий в песках. И человеку в тюбетейке на миг становится непонятно, почему они не видят того, что видит он, потомок кочевника. Он еще раз снимает тюбетейку и спокойно пожимает плечами. У директора такой вид, будто караван спрятан у него в кармане и ему нужно только вынуть его оттуда и положить на стол.

— Все в порядке. В чем дело? Завтра будет.

А ночью стучит коротковолновик и шлет в Ашхабад нервные телеграммы. В чем дело? Где же караван, куда они пропали, черт возьми? Так невозможно работать!..

Высоко сидя на верблюдах, покачивались каменщики, плотники, землекопы. Они прибывали на серный завод новыми партиями, и эти новые сменяли ушедших, вновь уверенно и весело становились на работу. Города посылали на смену ушедшим новые шеренги пионеров.

В повести о Серных Буграх есть одно любопытное событие, о котором в свое время говорили все Каракумы. Здесь оно сразу приняло пустынный, полуромантический

оборот. Европейцам оно напомнило вдруг старые романы и рассказы о временах завоевания Америки. Еще сейчас среди работников песков можно услышать этот рассказ, успевший обрасти невероятными вымыслами. Начинают эту историю обычно так:

— А вы слышали, как один колдун спас серный завод? Любопытненькая историйка... Был в то время, знаете ли, ужасный ветер. До города добраться нелегко. А тут кто-то, как нарочно, цап все заводские денежки! Как в воду... Да-с-с. И вот — собрание партийной ячейки. Положение, конечно, аховое. Ветер. Нервы. Разговоры. И вдруг приходит на собрание неизвестный колдун и говорит: «Я все сделаю...»

— Все это — насчет колдуна — глупости. Вот как было дело. Однажды утром замки на дверях конторы оказались взломанными, а из кассы бесследно исчезли все деньги. Много значило, что это произошло в обстановке песков.

Когда на плывущем в океане корабле или в далекой экспедиции совершается преступление, люди прекрасно знают, что его совершил один из них. И дальнейшее путешествие они вынуждены совершать вместе и рядом с ним и не знать его. И это незнание еще больше подчеркивало загадочность преступления, нервировало людей. Но что было делать и кто разыщет следы исчезнувших тысяч? До ближайшего района милиции было ровно двести пятьдесят километров песков. В пустыне стоял один милиционер. Он стоял в ее центре — в серной долине, у домика ревкома. Солнце сверкало на горячем стволе его винтовки. Песок и солнце.

Что мог сделать милиционер?

О происшествии знали все через несколько минут, точно новости летели по ветру. О нем знали уже на далеких колодцах и узнавали все дальше, от кибитки к кибитке, через барханы и бугры, к железному полотну, к городу Ашхабаду.

Суммы никто точно не знал, но называли цифры до тринадцати тысяч рублей.

Директор ходил от землянки к землянке по рядам заскорузлых тужурок и загорелых лиц. Он вглядывался в пыльные молчаливые лица, провожавшие его глазами. Серьезные, улыбающиеся, хмурые, молодые, старые, злые и приветливые, но какие все новые, поразительно новые лица! Исчезли все старожилы, с кем вместе начали копаться в этих камнях. Многие, очень многие покинули огоньки котловины. Как много появилось новых, неизвестно откуда взявшихся людей!

Они размешивали цемент, вьючили верблюдов, просто сидели рядами на камнях, смотрели вслед директору, усмехаясь, или разговаривая, или посылая вдогонку едкие насмешки. Это были люди — живые и теплые части, из которых складывается тело коллектива.

Нужно было только уметь направить этот коллектив.

И все же кто-то из них совершил первое преступление...

И для того чтобы не было второго, нужно было во что бы то ни стало ликвидировать и смять первое,— решили руководители завода и ревком.

В 1930 году всех уезжающих из пустыни обыскивали у колодца Бохордок. Может быть, мысль была верна: кто-то в конце концов вывезет деньги из пустыни.

Очевидно, не для того их взяли, чтобы навсегда зарыть в песках.

Но из этого ничего не вышло.

«Товарищи! Мы в песчаном кольце. В трудных условиях. Каждый, кому дорог наш завод, пусть поможет изъять из нашей среды преступника» — примерно так звучало обращение к строителям поселка.

Тогда на помощь пришли те, от кого меньше всего ожидали помощи: рабочие-туркмены, полукочевники, люди песков.

Жизнь в пустыне наделила туркмен особым умением, которого нет у бледных людей, живущих среди трамвайных линий и каменных мостовых. Глаз кумли — песчаного человека — зорок, как микроскоп. Народ, живущий на песках,

передавал из поколения в поколение редкое искусство читать отпечатки ног и пальцев. Среди этих людей еще и в наше время бродят где-то в глубине песков великие виртуозы этого искусства. Их называют следопытами. Они умеют разбираться в сложнейшей мозаике отпечатков на песке, как дактилоскопы в отпечатках пальцев. И недаром по-туркменски кол-басмак — печать руки, прикладываемая к деловой бумаге,— в переводе означает «ступать рукою».

В Каракумах ходят рассказы про особенно знаменитых следопытов. На западе есть целые аулы, славящиеся следопытным искусством. Это так же просто, как у нас может быть деревня опытных ямщиков или рыбаков-лоцманов.

Было так. Высокий человек в высокой бараньей шапке пришел к Буграм. Его провели в контору. Это был следопыт, живой следопыт, потомок следопытов. Его не звали Орлиным Глазом, и был он босой и обычный. Следопыту подали табуретку и коротко объяснили, в чем дело.

Туркмен покачал головой, потом прошел к взломанным

замкам и нагнулся над землей. Там на полу нашел пыль и обрывки следов. Потом он сказал что-то, что на его языке означало: все в порядке.

Следопыт велел собрать всех людей — двести, триста, всех, сколько есть, больших и маленьких, старых и молодых. Люди выходили в котловину, на песок, чтобы разыграть редкое массовое действие. Люди покачивали головами: что, может быть, туркмен вздумает у всех рассматривать пятки?

Двести человек стояли на песке. Потом туркмен велел им пойти. Они пошли по песку, затем тот вернул их обратно. Ловкими босыми ногами следопыт ходил между следами и осматривал их. Потом он разделил людей на две половины и одну из них опять провел по песку.

Затем из этих он отделил новую группу. Группа все уменьшалась. Круг сужался, как аркан.

К вечеру два человека были арестованы. Один из них был счетоводом, а другой чернорабочим. Они тут же сознались в преступлении.

Поселок молча провожал следопыта.

Закат освещал долину и людей, стоящих там, загорелых, черных, в заскорузлых тужурках. Они были старые, молодые, хмурые, веселые, дикие и умные. Это были люди, на плечах которых подымался и вырастал будущий завод.

Они смотрели на следопыта. Тот спокойно и уверенно пошел за Бугры и вскоре скрылся в горячей пыли, пронизанной заходящим солнцем, за Буграми, в бесконечных песках, из которых он появился.

Различные сведения о пустыне

Водяной способ плавки серы требует всего четырнадцати частей топлива на сто частей руды.

Топливо растет вокруг завода на огромном пространстве. Это саксаул, сюзен и другие кустарники.

В сере с Кырк-Джульба нет обычных вредных примесей — селена и мышьяка.

Все эти истины мы узнали, уже побывав на заводе. Они входили в нас с разных сторон: из дирекции, из палатки геологов, из чистеньких домиков, из лагеря караванщиков, из клуба, из будки киномеханика. Котловина давно уже стала большим и организованным поселком. Прошли и забылись тревожные дни неурядиц.

Шли караваны. На холме стучали молотки каменщиков, облицовывающих корпус завода. На цепях и веревках поднимались наверх привезенные нами котлы. Так кончился рейс тринадцатого каравана. Мы пришли к центру Каракумов. Дальше, за Буграми, на север, лежали пути к Хорезмскому оазису, в мертвую долину Узбоя, в степи Устюрта. Мне хочется сказать немного и об этой стороне пустыни.

Каракумский север известен очень мало и отрывочно.

— Туркмению вы пока можете описывать только вдоль железной дороги,— говорил мне в Ашхабаде геолог,— да еще немного к северу. А дальше? Что делается на трех остальных четвертях страны? Мы почти ничего не знаем о Заунгузском плато. Нам точно неизвестно, что такое Унгуз — то ли бывшее русло реки, то ли результат работы ветра или подземных вод. На границе Каракумов и Устюрта почти никто не был. Что мы знаем о прошлом? К северу от Бохардена геолог Данов нашел отпечатки камыша и остатки речных моллюсков. Значит, здесь не всегда и не везде была пустыня? Хорошо. Мы думаем, что знаем район близ Зеагли — пески, и больше ничего. И вдруг там в колодце появляется запах нефти. А потом исчезает. Как? Почему? Отчего? Мировой авторитет по пустыням Вальтер говорит, что пески образовались в результате развевания третичных пород. Значит, долой теорию о бывшем дне океана. Ну, а в Каракумах вдруг находят в глубоком колодце каких-то морских моллюсков. Откуда они там? На Такыр-Минаре

найдены развалины какой-то башни. А сколько их нами не найдено?

Сухое русло Узбой, о котором говорил геолог, широко известно и, очевидно, является бывшим руслом Амударьи, повернувшей некогда в Аральское море. Воды и значительной растительности там пока не нашли. Достаточно взглянуть на карту этого узла — Каракумы, Хивинский оазис, Амударья и Устюрт,— чтобы понять, почему вопрос о высохшем русле в Каракумах всегда вызывал такой интерес.

Существует предание, что когда-то Амударья протекала через Каракумы. Тогда в глубине песков цвели сады, росла зеленая трава и воздвигались города... Ушла вода, сады высохли, и пески набросились на города.

В 1713 году к Петру Великому явился туркмен Ходжа Нефес и заявил: далеко в стране, о которой в России ничего не знают, вокруг Амударьи и среди песков, живут два народа — узбеки и туркмены. Они вечно ссорятся из-за воды, потому что каждая капля воды в той стране ценится очень дорого. И вот узбеки возле урочища Харакай загородили реку, и река повернула в другую сторону. Она не течет с тех пор в Каспийское море, а течет в Аральское. Если повернуть реку обратно, то можно не только оживить пустыню, но и проехать-де по воде из России в Индию. Петр велел позвать капитана гвардии Бековича-Черкасского. Он показал ему на карту и провел пальцем линию по Каспийскому морю, вниз по Астрахани и до желтого берега. Здесь палец высадился на берег, но затем остановился в недоумении, так как кругом на карте было пусто.

«Вот и отправляйся в ту далекую пустыню и, может, пробудешь в оной пять лет или десять лет, но узнай, где проходила там мертвая река и можно ли оную оживить».

В апреле 1715 года десант высадился на полуострове Мангышлак. Вдали Бекович увидел казахские кибитки. Казахи, заметив неизвестный флаг, бросились бежать в степь. Солдаты их догнали и привели к капитану гвардии. Тот сказал:

— Веднте меня туда, где лежит умершая река Узбой.

Казахи попадалн на колеии, с ужасом показывая иа юг:

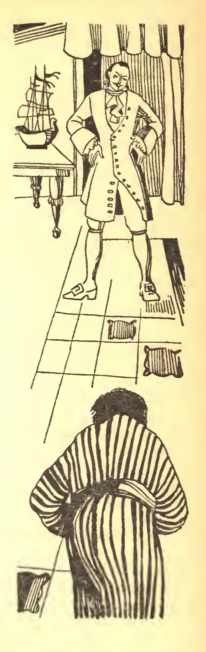
— Там иедостаток корма и воды, злые пескн н злые людн.

Тогда Бекович собрал людей н, держась берега Каспия, осторожио двннулся на юг.

Вериулся он через шесть месяцев, потеряв половииу людей. Он говорнл о злых песках, о безлюдье н о редких колодцах с горькой водой, о ветрах н о самумах в песках, о жаре н песчаиых болезнях... Петр выслушал и приказал отправиться обратно в Закаспию.

Бекович знал уже страиу. Ои прощался с Россией. С иим отправились жеиа его — Мария Голнцыиа — н проводинк Ходжа Нефес.

...В тот деиь у Астрахаии свирепствовал сильиый ветер. Флотнлня нз ста трндцати восьми кораблей подинмала паруса. Одно судио погибло в шторме вместе с Марией Голнцыной, жеиой Бековича. В сентябре 1716 года высадились иа берегу Болкаиского залива шесть тысяч шестьсот пятьдесят пять человек



пехоты, кавалерии и артиллерии, один инженер, четыре лекаря, двадцать один дворянин, пятнадцать писцов, восемь чиновников, «из них два фискала для наблюдения за остальными шестью», вина по ведру на брата. Для купеческого каравана в Индию товаров на пять тысяч рублей — все это стоило «218 031 рубль и 30 алтын с полушкою».

Место было безлюдное, в колодцах вода «малым отменна от морской и пески от моря потоплые и вонь непомерная».

Очень мало сведений о дальнейшем сохранилось до наших дней. Это была темная история. В старое время считали, что Бекович был честный офицер, а туркмены-хивинцы — злые дикари и варвары.

После того как русские завладели Хивой, было напечатано много воспоминаний пленных русских, находившихся там в рабстве. Среди этих записок некоторые были запрещены царским правительством. В них пленные рассказывали о Бековиче со слов потомков участников его похода.

От шести тысяч шестисот пятидесяти пяти человек пехоты, кавалерии и артиллерии, четырех лекарей и восьми чиновников осталось к тому времени три с половиной тысячи человек. Остальные погибли от цинги, от недоедания, жары и схваток с туркменскими всадниками, налетавшими из-за песчаных барханов.

Из тех или иных сведений можно составить картину об одном вечере спустя год и четыре месяца после высадки десанта.

Лагерь раскинулся в глинистой долине у пятнадцати свежевырытых колодцев. Изможденные люди делали вокруг лагеря вал в форме полумесяца. Солнце закатывалось за пески.

Бекович стоял на валу и хмуро смотрел на запад. Целый год он не видел моря, не видел домов, зелени, не возвращался на настоящую землю. Да и нужно ли туда возвращаться? Родина ли это? Туда, откуда царь снова пошлет в страну песков? Он потерял жену, родину. Но может быть, он найдет здесь что-нибудь другое?

— Девлет,— сказал его брат, подошедший сзади,— казахи отказываются рыть ямы. Казахи говорят, что они мусульмане и хивинцы — мусульмане. Так зачем им воевать с хивинцами?

Бекович оглянулся назад. Он знал: это было началом конца. Давно уже половина казахов-проводников убежали. Даже верный Ходжа Нефес ночью покинул лагерь, чтобы исчезнуть навсегда.

Бекович подошел к толпе. Там два его помощника — офицеры Франкенберг и Пальчиков — направляли пистолеты на столпившихся казахов.

— Вы не хотите рыть ямы?..— спросил Бекович задумчиво и посмотрел на валы.

Валы курились пылью. Закат на горизонте. Родины не было.

— Как хотите,— сказал Бекович и хотел уйти.

Тогда грянули два выстрела. Офицеры расстреливали казахов. Бекович недовольно блеснул глазами. Офицеры переглянулись.

— Что он задумал? — тревожно спросил Франкенберг Пальчикова, возвращаясь в палатку, и кивнул на Бековича, стоящего на валу.

Бекович не был русским. Он был когда-то мусульманином, черкесом из рода Гюрджи, и звали его Девлет-Гиреем.

Итальянский исследователь Флорио Беневини уверял, будто Бекович объявил себя ханом пустыни, султаном и «покорителем царства». Но это пока ничем не подтверждено. Правда, в тот вечер он обрил голову и вышел из палатки в черкесской одежде.

В тот же вечер от хивинцев из Хорезмского оазиса прискакали послы с приглашением прийти в оазис в гости. Бекович согласился. И в тот же вечер Франкенберг и Пальчиков отказались подчиняться ему. Они хотели начать битву. Но Бекович приказал им повиноваться.

В богатом оазисе разливалось вино и готовились столы

для встречи дорогих гостей. Изнуренные и худые люди, полтора года бродившие по пустыне, шли в сады и виноградники, как толпы бледных привидений.

Но все войско нельзя разместить в Хиве, поэтому его разделили на пять частей. И пять армий вооруженных хивинцев в темноте садов кольцом незаметно окружали пышные столы.

— Безумие стратегическое,— делиться нам на пять частей! — воскликнул Франкенберг.

— Ничего. К чему стратегия? — отвечал устало Бекович.— Я напишу научную книгу о здешних местах с описанием всех явлений удивительных...

И действительно, от Бековича остались очень ценные географические описания Прикаспия и части Каракумской пустыни, сделанные им после первого путешествия.

...Через пески по великим тропам в соседнее Бухарское ханство катилась торжествующая толпа. Дни и ночи сквозь пыль люди несли на длинном шесте отрезанную голову человека, набитую соломой.

— Это московский посол, гяур Бекович! — кричали люди встречным путникам.

Голова смотрела мертвыми глазами на барханы. Там до горизонта простирались одни пески.

Узбоя не было. Родины не было.

В самом деле, кто был он: ученый, завоеватель, хан пустынь?

Из трех тысяч его спутников ни один не вернулся обратно. Узбой был обследован значительно позже. Это цепь руслообразных впадин к западу и северу от Серных Бугров. Их посетили Маркозов, Карелин, Обручев, Коншин, Глуховской, Молчанов и другие ученые-исследователи.

В Ашхабаде, в маленьком домике у самой железнодорожной линии, живет бывший сотрудник продовольственной комиссии Хивинского ревкома товарищ Забогатый...

— Я был по ту сторону песков. В Хиве...— говорил он, путешествуя с нами по окранным барханам.— Я прошел

пески насквозь пешком и на лошади. Города в Хивинском оазисе пыльны и сонны, на крышах домов поют петухи. На минаретах торчат аисты. Если влезть на минарет, то невдалеке видна пустыня. Вселенная состоит из двух полушарий — голубого и желтого. Плоские крыши спокойны, желты и растрескались от жары. Тогда кажется: ведь мир-то еще сто лет назад позабыл про эти города. Их вышвырнули в пески. И вот внизу живут средневековые улицы. Там проходят люди в чалмах. Скрипят огромные арбы. Идут ослы. Движутся халаты. Там не знают, что делается во всем остальном свете. Да и не мудрено: в одну сторону тянутся пески на пятьсот верст, в другую — тоже на пятьсот верст, в третью — море, в четвертую — река Аму.

По реке Аму до конца пустыни нужно плыть на каюках. Плыть нужно один-два месяца... Я работал служащим управления садоводства в Турткуле. Русские служащие пользовались в ханстве особым положением: фактически оазис принадлежал России. Правительство обирало ханство, назначало чиновников и открывало винные лавки. Внутри же страны хозяйничали хан и его слуги. В то время как у вас произошли уже две революции — Февральская и Октябрьская, мы жили еще в феодальные века. На крепостных стенах стояли эмирские стражники — нукеры. По вечерам ворота городов крепко запирались на засовы. Ночью за стенами выли шакалы и где-то позванивали караваны, идущие из песков. По воскресеньям мы отправлялись в камышовые заросли охотиться за дикими кабанами, и если, случалось, иногда убивали тигра, то везли его на арбе в город, и по улицам сзади бежала толпа — она кричала и плевала на убитого зверя...

Рассказ товарища Забогатого справедлив. В те времена, когда весь мир содрогался от ударов войны, в страну песков они долетели глухим и отдаленным эхом. Оазис жил собственными распрями и волнениями. Революция шла через пески медленно. Она позже всего достигла Хорезмского

(Хивинского) оазиса. Но она докатилась и сюда, причем часто преломлялась здесь по-особому.

В 1915 году на Хиву из песков напал Джунаид-хан. С тех пор его имя в Туркмении шумит кровавой славой. Тогдашний хивинский хаи Эсфендиар отбил полчища Джуиаида винтовками, присланными из далекого Петрограда военным мииистром Сухомлиновым.

— Кто такой Джунаид-хан? — продолжал Заботатый.— Это человек, который хотел сделаться властителем песков. Сперва он дрался с царскими слугами, потом с войсками революционной бедноты. Он хотел отдать пески богатым скотоводам — баям. Ои налетал по ночам как вихрь, и его люди были как звери... Его звали Курбан-Мухамед-Сардаром, и был ои вначале вождем племеии джуиаид, живущего в западных Каракумах. В 1918 году он убил хана Хивы Эсфендиара. Он сделал это за то якобы, что тот арестовал Бахши — главаря огузов, самого священного и почтенного туркменского племени. Но сам Джуиаид не сел на хивинский престол. Он посадил Абдуллу-Саида. «Тебе,— сказал ои,— отдаю Хиву, а себе беру Черные пески, со всеми такырами, колодцами, пастбищами, саксаулом и верблюжьей колючкой».

Посредине пустынь, в Хорезмском оазисе, в бывшем Хивинском ханстве, в апреле 1920 года восставшие рабочие провозгласили Хорезмскую Советскую Республику. Революция докатилась до нас. В городах вооружались русские рабочие и служащие, туркменская беднота. Русские зажиточные казаки-переселенцы жили у Аральского моря. Они подняли восстание против революции. Из песков опять пришел Джуиаид-хан со своими джигитами и ворвался в Хиву. Наш красногвардейский отряд отправился иа Хиву. Оазис вдруг всколыхнулся и выпрыгнул из средневековья... Через несколько дней отряд уходил в пески — преследовать отступающего Джуиаид-хана. Было иачало лета. Окраинные дороги пересохли от жажды, и деревья стояли желтыми. В арыках исчезла вода. На окраине оазиса нас встретили

тучи песчаной пыли: скотоводы спешно гнали баранов с умирающих песков...

Забогатый ехал в головном отряде кавалеристов. Отряд на рысях вылетел в открытые пески и к вечеру покрыл расстояние в шестьдесят километров. Ночью остановились у колодцев, возле кибиток кочевников. Утром поскакали дальше. Отряд ушел в пески на несколько месяцев.

Иногда кавалеристы нападали на следы басмачей. Тогда они мчались по следам, чтобы настигнуть Джунанда у колодцев. Добравшись до места, где раньше проводники видели колодцы, они не находили их. Басмачи накрывали колодцы войлоком и засыпали сверху песком. Иногда ночью, во время привала, подкрадывались басмачи и убивали часовых. Иногда днем, сбоку, из-за гребней барханов, неожиданно на колонну налетали конные басмачи, вооруженные карабинами, кинжалами, копьями... Отряд шел на запад.

В мае отряд вышел на глухие и неизвестные пространства, лишенные всяких колодцев. Ни одного кочевника не встретилось по пути. Начиналась совершенно мертвая страна. Вдали чернела какая-то бесконечная гряда, как будто бы здесь пустыню кто-то разрезал пополам и одну половину вдавил немного книзу. Это была граница, где кончались Каракумы. Наверху же начинался Устюрт, другая пустыня, лежащая между двумя морями — Каспийским и Аральским. Отряд остановился у последнего колодца. Забогатого с четырьмя разведчиками отправили на Устюрт.

— В могильной тишине поднялись мы на плато, ведя коней под уздцы,— рассказывал Забогатый.— Ужасная страна открылась нашим глазам: это был камень. Голый камень, или твердая глина, или что-то вроде этого, сухое и гладкое, как поверхность гигантского стола. Камню не было конца и края. Мы вступили на Устюрт. Со смешанным чувством мы отправились в страну, о которой никому ничего не было известно и вместе с тем рассказывалось столько плохого. Мы ехали по ней, точно по громадной

заброшенной комнате, и даже старались, чтобы кони не слишком громко стучали «по полу». Ничего не было: ни басмачей, ни кочевников, ни единой былинки. Если бы мне рассказали, то я не поверил бы, что есть такая страна. Проехав верст пятьдесят или больше, мы повернули коней. Солнце блестело на поверхности глины. Ветер мел песок по поверхности, шурша и сгребая его в кучки...

Много еще рассказывал Забогатый. Отряд сражался с басмачами без воды и без боевого снаряжения. Басмачи налетали с юга — их гнали оттуда, с противоположного конца пустыни, чарджуйские части. Однажды обе красные стороны сомкнулись. Это большое торжество было в глубине песков, где-то за Иербентом.

Но напрасно Забогатый полагает, что Устюрт неизвестен. Там бывали люди не раз.

Сто́ит, например, рассказать об экспедиции Перовского, известной в истории под именем «ледяного похода».

Он был очень давно, почти сто лет тому назад. После революции исторические исследования касались более важных фактов. Поэтому сейчас эта история почти забыта.

Однажды в Оренбургской губернии в своем имении выстрелом через окно был убит известный генерал Циолковский. Это было в сороковых годах. Убил генерала собственный повар, крепостной. Выяснили, что повар когда-то участвовал вместе с хозяином в походе на Хиву. Больше ничего узнать не удалось, и непонятный случай, мелькнувший в тогдашних газетах, был забыт. Никто не знал еще, что выстрел этот был финалом трагедии, которая разыгралась когда-то на ледяных полях Устюрта.

Генерал-лейтенант Перовский задумал смелое предприятие: пройти через Устюрт и завоевать Хиву. Это был храбрый генерал-лейтенант. Он мечтал о славе. Чингисхан прошел с двумястами тысячами воинов по снегу через степи Гоби в Китай и в 1219 году через степь Бетпакдала, идя сюда же, в Хиву. Почему же Перовский-хан не пройдет с пятью тысячами людей и двадцатью пушками через Устюрт?

Солдаты выстроились в снежной степи за Оренбургом.

— Вас ожидают стужа и бураны,— сказали им после напутственного молебна.

И они пошли.

Действительно, уже в пятидесяти километрах от Оренбурга их встретили стужа и бураны.

Четыре колонны встретились у Караванского озера. Колоннами командовали генералы Циолковский, Кузьминский, Толмачев и Молостов. Несколько тысяч верблюдов везли поклажу. Перовский ехал впереди, на лошади. Ожидалось интересное путешествие. Поэтому с армией ехали известные ученые: естествоиспытатель Леман, астроном Васильев, путешественник Чихачев, писатель и доктор Даль. Они сидели в крытых возках, и Даль набрасывал свои записки. Он хотел рассказать миру правду о походе. Но эти записки не были изданы при его жизни.

Было тридцать градусов мороза. Буран летел из пустыни. Даль выглянул из-под навеса и увидел странное зрелище. Оказывается, шли по снегу половины людей, а нижние половины были скрыты снегом до пояса. Люди не шли, а продирались сквозь снег. Навьюченные ранцами и ружьями, они падали и снова карабкались дальше. Впереди стояла белая стена.

Ночью восемьсот солдат отморозили носы, уши и пальцы. Их положили длинными рядами на снег у хирургических палаток. Когда отреза́ли уши и пальцы, то кровь превращалась в лед, ножи примерзали к ранам, их отдирали силой. В ту же ночь все лошади убежали из лагеря. Пало четыреста верблюдов.

Шел буран. Дул северо-восточный ветер. Массы снега летели такой стеной, что видно было только за двадцать шагов. Громадная армия, занявшая площадь в несколько километров, не была видна. Отстающие терялись в белой неизвестности. Отдельные части ушли в стороны. На одну роту напали голодные волки, и солдаты не могли стрелять, так как курки примерзали к пальцам. Солдаты били волков штыками. Части стали путаться и блуждать и, чтобы собрать всех вместе, начали стрелять из пушек.

Шел буран. Колонны сомкнулись плечо к плечу. Верблюды падали с отмороженными ногами. Даль опять выглянул из кибитки и снова изумился: несколько тысяч верблюдов шли обутыми в полусапожки — их специально захватили с обозом. Перовский уже ехал не верхом, а в теплом возке, крытом войлоком.

Шел буран. Он продолжался семнадцать дней, ничуть не ослабевая и не усиливаясь. За это время Даль много раз выглядывал из крытой кибитки, и много раз приходилось ему удивляться. Люди ползли по снегу. К верблюдам были привязаны лодки в тридцать пять футов длиною. В лодках везли больных, замерзших и изувеченных людей. Вечером армия легла. Просто легла на снег и лежала. Даль вылез из кибитки и пошел по лагерю. У края лагеря поставили

часовых. Кто-то из солдат говорил, что мир окоичился, иачался коиец света. Ои, оказывается, иаходится иа Устюрте. Одии солдат пятого батальоиа вдруг встал, бросил ружье и побежал в белый тумаи. Его поймали далеко в степи, привели в лагерь и расстреляли. В белой вьюге горели сотии костров. Даль подошел к одиому костру и увидел, что три солдата сияли штаиы, смеялись и плясали иа сиегу босиком. В армии иачались сумасшествия. Через два месяца Даль лежал у палатки и писал записки. Костры горели вокруг. Чихачев пел персидские песии и рассказывал о похождеииях в Испаиии и Алжире.

«Пепел от пылающего костра,— писал Даль,— до того завалил писаиие мое, что у меия едва достало духу отдуться».

Чихачев коичил с Алжиром. Ои теперь рассказывал о том, как близ Квито, в Колумбии, ои переходил экватор.

«Край Устюрт, — писал Даль,— лежит в пустыие целые столетия, вероятио тысячелетия, с тех пор как обиажился от морских воли. Кочевой ордыиец раиией весиой

боязливо и торопливо прогонит по этим местам тощие стада свои в Каракумы, считая сыпучие пески отрадным убежищем в сравнении с этой могилой».

Вдруг из центра лагеря донеслись дробь барабана и пение горна. Все бросились туда. Около ям, выкопанных в снегу, стояла кучка казахов, отказавшихся продолжать поход. Взвод русских солдат направлял на них ружья. Расстрелом толпы руководил Перовский. Перовский был храбрый генерал. Он имел две раны: одну — пулей, в турецкую войну, и другую — поленом по голове, в 1825 году на Сенатской площади. Он участвовал тогда в усмирении восстания декабристов.

Теперь он стоял как когда-то на Сенатской площади в Петербурге.

— Расстрелять одного! — сказал Перовский.

Солдаты выбрали казаха. Он обнялся с товарищами и стал у ямы. Грянул залп.

— Следующего,— сказал Перовский.

Грянул залп.

Казахи твердо смотрели на дула ружей.

— Следующего...— продолжал Перовский.

На этот раз никто не кинул в него поленом. Лагерь был спокоен. Офицеры отправились в свои палатки.

Казахи бунтовали из-за жестокостей генерала Циолковского. Он хлестал нагайками часовых. Он бил казахов по лицу и заставлял чуть ли не круглые сутки идти без отдыха. В колонне Циолковского смертность, как говорят официальные отчеты, равнялась смертности трех остальных колонн.

Горнист сыграл отбой. Офицеры отправились в свои палатки. Там их уже ждал ужин.

«Запасы штаба были солидными,— пишет Даль.— Офицеры готовят блины и блины едят с яйцами, с луком, с маслом, со свежей икрой и прочим».

Через некоторое время солдат лишили дров не только для костров, но и для варки пищи. Да и варить было уже

почти нечего. Солдаты растирали сено и мешали со щами. Голодные верблюды съедали веревочные намордники.

В начале декабря солдатам выдали последние запасы просмоленного морского каната вместо дров.

Шестого декабря праздновали тезоименитство императора Николая I. Было минус 32 градуса. Вся армия должна была для парада бриться на морозе, мазать усы мазью из сажи и сала и потом отмывать их.

Солдаты падали в снег, и не вышло никакого парада.

Эта армия не могла воевать. Но может ли она живой вернуться? «Куда же теперь бежать: дальше, в Хиву, или обратно, в Оренбург?» — в ужасе думали генералы.

Солдаты пожгли все деревянное, даже лодки и таблички с номерными знаками верблюдов. Начали жечь приклады винтовок. Офицеры в печках, сделанных из ведер, грели руки и пекли блины. Солдаты ругали офицеров.

Генерал Циолковский дал двести пятьдесят нагаек фельдфебелю Есыреву, раздетому на тридцатипятиградусном морозе.

Казахский мулла с тремя сыновьями шел с армией. Мулла отказался пугать аллахом волнующихся казахов. Тогда взяли одного сына муллы и расстреляли. Мулла молчал. Расстреляли другого. Молчал. Поставили третьего. Мулла упал на колени...

Но вдруг в русской пехоте вспыхнуло нечто вроде мятежа. И тут, как спустя много лет сам Перовский в Италии рассказывал редактору журнала «Русский архив» Бартеневу, он сделал то, что должно было вселить в солдат подчинение и ужас. Он вызвал зачинщика вперед. Потом приказал вырыть могилу. Потом велел похоронить зачинщика и спеть панихиду.

И когда ночью по кострам из снега и бурана вдруг начали стрелять хивинцы, это уже был не лагерь и не войско. Костры были потушены. Циолковский в штабе говорил о тени Александра Бековича, погибшего когда-то с войсками у Хивы, тени, которая начала преследовать его...

Бывшая армия бежала назад, по Устюрту...

«Шесть часов. Бьют зорю. Снег хрустит за кибиткой. Буран стихает. Я выглянул за двери... Лунный свет сверху, зарево огней снизу, а в середине — лазоревая тьма. На земле кипит еще кровь наша, выше земли — тьма, до нас непроницаемая»,— писал Даль.

Армия бежала назад. До Оренбурга добежали три тысячи. Это писали официально. На самом деле из пяти тысяч осталось в живых меньше двух тысяч.

Перовского царь в Петербурге поцеловал.

Циолковский получил орден Анны первой степени.

Позже его застрелил повар — бывший солдат хивинского похода.

Наука о колодцах

«Вопрос о коэффициенте полезного действия верблюда висит у нас в воздухе. Последний и окончательный срок совещания об организации хронометража — восемнадцатого, в пять часов вечера, в новой конторе. Учет водных караванов подлежит разрешению. Те, кто не явится на совещание, сорвут эти мероприятия».

«Могу обменять двух ящериц больших на фотопластинки 9×12. У. К. Спросить у геологов».

«Выдача профсоюзных книжек записавшимся и утвержденным общим собранием будет производиться в фабкоме...»

«Товарищи! Это безобразие! Опять кто-то закрывает двери уборной после использования, не дает просохнуть. От сырости опять заводятся скорпионы... Ему бы самому...»

Мы стояли у большой доски, пахнувшей свежим тесом. Чьи-то руки испещрили всю доску бумажками и синим карандашом. Мимо нас рабочие бежали с чайниками в руках к середине площади, к огромному баку с кипятком. Это был коричневый кипяток с постоянными причудами. Иногда пахнул он серой, иногда нефтью, потом мыльным камнем, известкой, какими-то неизвестными специями...

Ежедневно производились пробные получения питьевой воды из разных колодцев: с такыров Сезенли, Дингли, Бекури, Кзыл-Такыр. Теперь, кажется, окончательно установлена пригодность воды с Кзыл-Такыра. Оттуда ее будут привозить исключительно для бытовых нужд. Для стройки же вполне годятся и другие колодцы.

— Между двумя такырами, Бекури и Кзыл-Такыр, огромная разница — в три копейки! — говорил нам инженер.— Ведро воды, доставляемое караваном с Кзыл-Такыра, обходится в восемь копеек, с Бекури — пять копеек. Сейчас вода идет на стройку. Но вот теперь вы привезли котлы, завод начнет действовать. Вот тогда-то и начнется водное искусство!

Когда завод будет работать с полной мощностью, нужно будет доставлять сюда ежедневно две тысячи ведер воды. Где взять две тысячи ведер воды каждый день? В колодцах, окружающих холмы в радиусе нескольких километров, воды достаточно. Но нужно уметь ее брать. Нужно составить план эксплуатации колодцев. Нужно в этот план вложить инженерию, гидрогеологию, местный опыт. Нужно колодцы двигать в бой разумно и последовательно, как батальоны армии. Нужно знать характер и привычки каждого колодца. Один колодец портится от излишнего расхода воды. Другой колодец теряет воду, если черпать ее у его ближайших соседей. Один колодец можно использовать только для питья, другой — для скота, третий — для стройки. Сеть колодцев — это наше водное стадо. Разумный хозяин стада никогда не будет резать всех баранов без разбору. Молодой баран должен подрасти, другой должен давать шерсть, третий нужен для продолжения бараньего рода. Наш сотрудник спрашивал туркмен и точно подсчитывал, сколько можно взять воды из Кзыл-Такыра. Это лучшая вода в песках. Оказывается, в год можно взять из Кзыл-Такыра четыре тысячи кубических метров воды. Если станете брать больше — вода станет соленой. А вот, например, такая загадка. На одном такыре стоят рядом три колодца. Вы

начннаете черпать воду из средиего, и чем больше вы черпаете нз среднего, тем солоиее стаиовится вода в крайиих. Почему? В чем же тут соль?..

Наука о колодцах Каракумской пустыни стала известна европейцам совсем недавно — после того как ученые как следует занялнсь исследованнем ее глубнн. До этого ннкто не пытался устанавливать связь между колодцами в пустыне и между гориым хребтом Копетдаг, на персндской границе. Ннкто ие догадывался о значенни больших лысин, лежащнх в песках, шоров н такыров — солоичаковых н глиняных площадей, напоминающих аэродромы. Теперь об этом напнсаиы целые тома таблнц и формул. Перед иами встает длнная шеренга имен и исследований, гнпотез, отчетов, самых противоречнвых даииых, под ворохом которых прячутся осиовные, твердо устаиовленные картнны.

...Мы пробнрались к Кзыл-Такыру, проваливаясь по колено в сыпучем песке. Нас обогнал молодой студент-гндролог, скакавший с Сериых Бугров верхом на осле, с маленькнм ведром, привязанным к седлу. Гндролог ехал брать из колодца очередную пробу.

— Я пока еще ничего ие понял из вашей гидрологии! — крикнул я ему.— Зачем вы таскаете с Кзыл-Такыра воду?

— Представьте пески в разрезе. Я же вам говорю: представляйте все в разрезе, это самое мудрое правило! Вы лазаете наверху, а я вот забнраюсь внутрь земли. Сверху вы ничего не увидите и останетесь в дураках! — засмеялся он и погиал ослика.

Я представнл себе пустыию в разрезе, мыслеино разрезал ее, как пирог. Под верхним слоем песка лежит водоносный песок, мокрый, серый, коричневый. Под водоносным песком уже очень глубоко лежнт водонепроницаемая голубая глииа. Голубая глина — это подкладка пустынн. И вот иад иею, если отбросить требованйя точности и всевозможных поправок, еслн говорить просто, каракумская вода течет в два этажа. Нижний этаж стекает с горных хребтов, ндет под землей, под пустыией. Эта вода иачииеиа мниеральиыми

веществами, невкусная, горькая и соленая. Верхний этаж лежит в поверхностном песке, не глубже одного метра. Все растения пустыни имеют очень много корней, но корни не идут глубоко. Они расходятся в стороны, стараясь захватить побольше верхней воды. Верхняя вода получается от дождей, с хребтов Копетдага и от росы. (В ноябре в пустыне днем бывает жара в 20 градусов, ночью — холод до нуля. На ветвях растения черкеза к утру так много росы, что ее можно собирать в чашки.) Итак, эта вода стекает по склонам барханов к площадям такыров и шоров. Туркмены помогают воде делать свое дело: они роют канавки, создают ложбины между буграми. На площадях же они выкапывают колодцы. Шоры туземцы называют водяными мешками. Это правильно, только мешки находятся глубоко под землей.

Посмотрите опять на разрез: два этажа воды на такырах соединены колодцем, как шахтой, как лифтом в большом доме. Верхняя пресная вода стекает в колодцы, но на дне встречает нижнюю соленую воду. Соленая вода тяжелей и плотней пресной, поэтому пресная, легкая вода не расходится, а собирается сверху в мокром песке водяным мешком. Теперь можно решить загадку инженера: три колодца протянуты к водяному мешку, посредине мешок толще, по краям — тоньше. Чем больше забираем воды из среднего колодца, тем больше уменьшаются края по бокам, и в боковых колодцах вода становится соленой. Теперь, если вычерпать всю так называемую пресную линзу (водяной мешок), то в колодце начнется горькая и соленая вода нижнего этажа пустыни.

Соленые колодцы, годные только для водопоя скота, туземцы называют кол-аджи. Это проклятие песков — соль каракумского подземелья. Плохой колодец — все равно что скверный человек. «Болтливый человек с бесплодным и вредным языком — все равно что вредный колодец — дюзлидиль (соленый язык)»,— говорят о таком человеке.

Пресную воду собирают, как пенку на молоке, как зо-

лотой песок. Ее собирают ложками. Ее хранят вдалеке от солнца. Туркмены собирают воду, стекшую с бугров, в каќах и кезимах — широких водоемах, вырытых в глине. Но она испаряется или уходит под почву такыра. Тогда под землей прячут кирпичные бассейны. В подземных бассейнах собирается пресная вода. Это называется сардоба.

Для серного завода нужно умело использовать воду колодцев, нужно устраивать большие и усовершенствованные сардобы, нужно опреснять соленую воду. Опреснять воду можно электричеством. Можно опреснять солнечным выпариванием. И можно опреснять замораживанием. Таковы краткие сведения о воде.

Мы поднялись на холм. Вечерние туманы ползли из-за песков. Уходящий день еще блестел красным заревом на кончике сопки.

Это был наш последний вечер на Серных Буграх Зеагли. Из землянки вышел навстречу нам короткий румяный человек в подтяжках. Он держал в одной руке бритву, а в другой чернильницу и размахивал ими.

— Вот так,— сказал он.— Здóрово я живу. Вот даже бреюсь. Мыло в чернильнице держу, потому что во всем поселке другой посуды не нашел. Я сегодня собирался с визитами по землянкам идти, даже рубашку новую надел. Знакомств масса. Кому как, а я, честное слово, немножко даже как на курорте: у меня ревматизм, в сухом песочке лежать нужно, так чего же больше?..

Это был местный служащий, человек простодушный, бывалый и разговорчивый. Он принадлежал к породе людей, которые неизвестно откуда знают все: как стирать белье, что делать с пятнами от прованского масла, где водятся антилопы, кто на Буграх вчера играл в карты. Жил он в маленькой землянке, оклеенной газетами. Там лежала гитара и какая-то коробка от старинного печенья, наполненная пуговицами, иголками, тряпочками и игральными картами. На стене висели две пожелтевшие фотографии и красочный лубок: «Наступление красных частей на Перекоп».

— Ну так, побывали, значит, в краях наших? Это хорошо, хорошо,—сказал толстый человек.— Это край, я вам скажу, проблематический. Так, облако, мираж, обман чувств, зрения; дунешь — и нет ничего. Ан посмотришь: нет, что-то и наклевывается. Сплошная неизвестность, сыпучий край, одно слово — песок. Я раньше в одной книжке читал, что есть тут пещеры, где-то в глинистом обрыве; там чудовища живут: вот, мол, туда зайдешь — и погибнешь, обратно уж не покажешься. Приехали ученые туда, геологи, археологи, инженеры, вошли с фонарем — ничего. Воздух спертый, темный и ничего особенного. Так всегда уж: чудовища исчезают, как только куда современный человек руку приложит. Один раз приехал тут на сопки туркмен какой-то; смотрит, арбуз уплетает. Что за нелегкая? Не арбуз, а фантазия сплошная — ведь их на сотни верст кругом нет и быть не может! А он спокойно корку объедает и вниз швыряет, будто так и надо.

Стали расспрашивать его. Оказывается, по его словам,

где-то большой оазис есть, деревья растут, аулы стоят, огороды засевают.

Что ж, может быть, ведь есть тут русло, вода глубокая в нем стоит, а нз-под воды разваляны города вндны. И частенько туркмены всякие безделушкн развозят, что сперва н голову себе сломишь: откуда могло взяться все это — серебро, бронзовые предметы всякие? Одии геолог, бывший тогда здесь, оседлал лошадь н поехал в направленни, указанном туркменом, но ничего не нашел н вернулся ни с чем обратно...

Мы селн на скамейку. На сопках уже кончнлась работа.

Рабочне пообедалн н теперь выходнлн в котловниу, группами саднлнсь у крылечка илн шлн в клуб, где кномеханик вознлся над аппаратом н гармонист настраивал лады баяна.

Я взглянул вниз. Там еще по-прежнему взад и вперед двигались караваны. Вечерннй колокол звоннл над площадью котловины. Из темноты кричали верблюды тоскливо и зло. Изыскательная партия, веселая н громкая, как студенты в коридоре геологнческого института, разжигала на камне примус.

— Вы ошнбаетесь,— сказал я короткому человеку.— Древние развалины находятся не здесь. Они в устье рекн Аджаиб, в районе Атрека. О пещерах пнсал еще путешественннк Муравьев больше ста лет тому назад. Там живет волшебный царь с не менее волшебным войском; всех ходящнх туда связывают... Это старо н ненитересно. Но вы много знаете — назовнте же самую большую н самую интересную достопримечательность сегодняшних песков.

Тогда человек замолчал и, подумав, указал наверх.

Я посмотрел туда. Там красный флаг развевался на шесте над маленьким домнком ревкома. Он волновался на ветру, н я заметил здесь, как действительно необычен его красный цвет на фоне вечной желтнзны окружающего.

— Еслн сказать честно, вот самая большая достопрнмечательность сегодняшних песков,— уверенно сказал

человек.— Вы можете ездить по пустыням на верблюдах, лошадях или «роллс-ройсах», видеть оазисы, колодцы, антилоп и баранов, но вы никогда не найдете ничего подобного! Вы хотите знать почему? Туркмены песков никогда не знали собственного государства. У них не было государства. У них туманная история. Они селились вдоль гор по Узбою, пока он не перестал быть рекой. Они жили племенами, и вы не можете сосчитать всех племен и родов. И вот это первая пустыня под красным флагом. Он воткнут в самом ее центре...

Колокол позвонил еще раз. Тогда человек схватил бритву и начал бриться. Потом пришли соседи-рабочие, люди в трусах и с большими бородами. Здесь были грузины, армяне и персы. Потом появились туркмены, молодые парни, работающие на карьере. Они взяли мой фотоаппарат и начали смотреть в его стекло, как смотрят в аквариум, наполненный удивительной рыбой.

Днем я был в комсомольской ячейке, только что организовавшейся на Буграх.

— Скоро у нас будет создана школа для детей рабочих,— сказал молодой туркмен, черноглазый, веснушчатый, любознательный и подвижный человек.— Мы будем учить читать и писать. Мы плохо умеем читать и писать. Вы хорошо умеете читать?

— Нет, по-туркменски я совсем не читаю. Я вот не знаю, что написано на этой бумажке.

— Здесь написано заявление в ячейку. Это Рахмат Бобо. Он пишет, что отец его — караванщик на нашем заводе — против того, что сын его будет в ячейке. Но Рахмат все-таки просит записать его в ячейку. Он у нас хороший парень. У вас много человек в ячейке? Вы были в Хорезме? Сколько ваша машина может пройти в час?

— Если машина идет по мостовой...

— Если идет по мостовой? Что такое мостовая? Я не знаю этого по-русски.

Тогда я вспомнил, что он действительно не знает этого

ни по-русски, ни по-туркменски. Это сын пустыни, он здесь родился и рос. Он не знает, что такое мостовая, что такое дерево, что такое река, что такое телега и много тысяч других вещей.

После этого я его фотографировал, и он немного боялся.

Я пошел заряжать пластинки. Здесь это делается в сыром погребе; геологи предупреждают, что там сверху может свалиться фаланга или скорпион.

Нарцисс мелькнул однажды в столовой между длинными рядами обедающих рабочих. Он кричал что-то, и все смеялись и размахивали ложками. После обеда рабочие ушли на киносеанс, а мы с товарищами отправились к караванщикам, пили чай, рассматривали фиолетовую, малиновую и желтую глину, нюхали мыльный камень, читали стенгазету. Это было маленькое полотно с надписями двумя шрифтами — арабским и русским. Сверху шли малиновые верблюды, похожие на обложку дореволюционного чая «Караван». Сбоку неплохо был нарисован серный завод.

Вдали, под сопкой, еще шли последние караваны. Возле столовой стояли наши машины. Шоферы наполняли бочки водой перед завтрашней дорогой.

Я поднялся к домику ревкома. Здесь горели лампы и собралось несколько работников завода на собрание. Ожидали председателя ревкома.

Председатель уехал четыре дня назад в Ашхабад, на заседание Совнаркома, и сегодня днем должен был вернуться, но что-то задержало его в дороге.

Он приехал значительно позже.

Вот описание его поездки.

В полдень председатель вышел на крыльцо. Долина Сорока Бугров начинала куриться пылью. Каждый день аккуратно до шести часов здесь проносились вихри. Воздух Центральных Каракумов наполнялся сухой пылью. Солнце покрывалось желтой пленкой.

Заседание Совнаркома Туркменской республики было назначено на десятое. Председатель ревкома оседлал

лошадь. Она вновь почувствовала предстоящие тропы и задвигала ноздрями.

Работа в котловине утихала. Постройка опустела. С Бугров спускались бакинские каменщики...

Председатель подтянул стремена и взглянул на котловину...

Странная дорога вела на заседание. В учебниках географии описывается, как в пустыне носятся смерчи и бредут усталые караваны. Бамбери писал о Каракумах:

«Бесконечные песчаные холмы, грозное молчание смерти, багрово-красный оттенок солнца на востоке и западе — все говорило, что мы в огромной, может быть, самой огромной пустыне земли...»

Теперь в центре пустыни стоял письменный стол с важными бумагами пустынных Советов. Иногда председатель закрывал его на ключ, печать клал в карман и ехал на заседание в город. Тогда вокруг одинокого стола бушевали пески и стихии. Котловина была полна заботами и тревогами. Намечался прорыв в финансовом плане: ассигнованные два миллиона были же съедены песчаными дорогами. Тормозилась постройка завода. Но это — центр песчаной жизни. Здесь вырастали кадры рабочих из кочевников. Эти кадры были пока очень сыры: они приходили в котловину с патриархальными бородами и босиком; они трогательно берегли свои первые расчетные книжки и верили в шайтана: шайтан сидел в радиостанции и в ящиках кинопередвижки, привезенной на завод.

В пустыне рождается первая партячейка. Первые кочевники-комсомольцы учатся всему, чему стоит удивляться: как вертится Земля, кто такие баи — кулаки, что такое города и улицы. Дети пустыни, они сейчас сидели на склоне холма и играли в камешки. А что делается за Буграми в песках, на бесчисленных колодцах, к которым жмется население песков?..

Председатель вскочил в седло и хлестнул лошадь.

Через два часа он выехал на разветвление. Три явствен-

ных тропы расходились из-под ног коня. Конь мотал гривой и кусал удила.

Прямо лежала кратчайшая тропа в город.

Направо находились «неохваченные», очень далекие колодцы. Это были кочевники, тяготеющие к побережью Каспийского моря. Там разводят одногорбых верблюдов, там болеют проказой, там бродят персидские лекари и продают английские лекарства, там почти нет Советской власти, там продажа и похищение девушек — кантарма, там опий из Персии и законы из прошедших веков... Туда далеки дороги, и там еще не тронутая целина.

Налево лежали колодцы, на которых была начата кое-какая работа, которую нужно было поддерживать.

Четыре дня назад он приехал на колодец. Мужчины и дети высыпали из кибиток. Он сказал, чтобы на собрание вышли и женщины. Они вышли, стыдливо закрывая лица и пряча под себя ноги в красных шароварах.

— Итак, товарищи, по поручению революционного комитета всех песков и ЦИК Туркменской Советской Республики, вы должны выбрать Совет дехканских депутатов,— сказал он.

— Бар-и-бир (все равно),— ответили бородачи меланхолично и выбрали в Совет старика, имеющего самую длинную бороду.

— А у нас тоже будете отбирать колодцы? — спросили они более оживленно.

— Советы не отбирают колодцы. Они отдают их всем. Колодцы и вода — для всех прохожих, проезжих и жителей песков...

Так в песках появился еще один Совет.

Председатель свернул налево и стегнул коня. До того колодца лежал еще один колодец. Это тот, где стоят две глиняные бабы. К ним нужно ехать, держась солончаковых площадей — шоров. Когда лошадь едет по шорам, из-под копыт поднимается белая удушливая пыль. Брюхо лошади становится белым.

Через час белая пыль кончилась. Показались вдалеке две глиняные развалины. Въехав по песчаному сугробу наверх, конь вылетел на открытую площадку колодца. Это всегда в песках бывает неожиданно, как и все в песках.

У колодцев стояли две палатки. Кибитки туркмен чернели вдалеке.

Гидролог вышел из палатки.

— Как жизнь? Как поживает ваша вода? Скоро вы ее кончите мерить?

— Наша вода...

Гидролог вернулся в палатку. Он вынес лист бумаги. Лицо его было встревожено. Листок был разграфлен вдоль по числам и поперек по сантиметрам. В клетках стояли цифры.

— Как так?! — поразился председатель.

— Так! Две недели вода стояла прочно на двадцать

одном сантиметре. Мы уже собирались сниматься отсюда. Сегодня ночью вода исчезла...

Они пошли по такыру.

— Какой? Этот? — спросил председатель.

— Этот. Мы его закрыли. Туркмены пока не знают. Мы наложили санитарное вето. Очевидно, дело в подземных сдвигах. Легкие землетрясения, вода уходит иногда в одну ночь с большого пространства...

Сруб колодца зиял чернотой. Жуки-навозники ползали около ведерка.

— Землетрясение, землетрясение, черт возьми! — закричал председатель.— Знаете вы, что они пахнут контрреволюцией — эти сдвиги! Два поля, черт возьми...

Не успев кончить, он вскочил на лошадь и дал шпоры. Конь взвился вверх по бархану, оставляя на гладком песке разорванные полосы.

Не доезжая до колодца, он спрыгнул на песок и нагнулся над следами.

— Здесь уже были кони. Меня кто-то опередил. «Санитарное вето»! Грош ему цена, когда здесь все и всё видят.

На холме показались два тощих аджара — песчаные акации. Он научился уже узнавать дорогу по бесчисленным кустам. За акациями должны стоять колодцы, где организован Совет.

Конь взобрался на холм, и оттуда открылся большой глиняный такыр. Он был пуст. Не было ни кибиток, ни колодцев, ни Совета; они исчезли в неизвестном направлении.

Конь въехал на такыр. По глине кружились от ветра цветные тряпочки, мусор, угли. Колодцы были завалены ветками и сверху засыпаны песком. От колодцев конские следы бежали куда-то в сторону.

Эти следы, несомненно, продолжали начатую кампанию. Они вели к новым колодцам, чтобы рассказать, как от Советской власти исчезает вода.

Председатель повернул коня. Он знал прямую дорогу

наперерез следам. Он мчался весь вечер и всю ночь, но к утру сбился с тропы и вернулся к большому колодцу, где стоял кооператив и были национальные работники.

— Пэхлеван болур сен-ми?[1] — спросил он туркмена пословицей.— Сделай все, что ты можешь, чтобы успокоить эти колодцы. Лучше туда ехать тебе. Ты туркмен, а я плохо знаю туркменский язык. Проведи беседу, что ли.

— Хорошо, я поеду на эти колодцы провести беседу,— ответил молодой туркмен в пиджаке, в белой бараньей папахе, человек, только что проехавший триста километров верхом на лошади из города. Он напоил коня и положил за пазуху пол-лепешки. Он согласился быть героем.

Глаза его слипались от усталости. Утром он увидел колодец. Хмурые и любопытные шапконосцы вышли из кибиток. Они недавно прикочевали с дальних песков и жили у национализированных колодцев. Они утверждали, что вода в свободных колодцах стала портиться, стала горькой, соленой, пахнет нефтью и серой. Они собирались откочевать обратно к дальним колодцам. Они сидели на песке, поджав под себя ноги, и смотрели на туркмена в пиджаке.

— Товарищи! — сказал он.— От имени революционного комитета Черных песков...— И остановился.

Недоверчивые глаза окружили его кольцом. Он увидел людей, которые шли из пустыни, из ее веков. Они пронесли через эти века дутары с шелковыми струнами и грифами из персиковых косточек, цветистые разговоры и легенды, боязнь нового и веру в ишанов... Он неожиданно оборвал фразу, махнув рукой, и сказал:

— Вот что: дайте-ка воды напиться.

Старик зачерпнул пиалу из ведра, стоявшего возле кибитки, и подал докладчику. Тот снял тюбетейку, вытер пот с головы, хлебнул воды, потом понюхал, поставил чашку на землю и задумчиво посмотрел поверх голов.

---

[1] Согласен ли ты быть героем?

Кумли нетерпеливо ожидали начала доклада. Но приезжий опять взял пиалу и хлебнул воды.

— Да...— сказал он как бы самому себе.— Да... Вы говорите, она пахнет серой? Она пахнет нефтью. Так, так.

Он выпил еще воды и вдруг встал и направился к своей лошади. На полдороге он остановился и обернулся:

— Вот что. Жил-был один ишак и один верблюд, иккиеркуш — двугорбый верблюд. Они принадлежали очень жестокому хозяину. Он их бил, заставлял работать много, а есть и пить давал мало. Однажды они шли с караваном, отстали от него и сбились в сторону. «Давай убежим»,— сказал верблюд ишаку. И они убежали. Долго они шли и захотели пить. Воды же не было. Уже они совсем отчаялись, как вдруг навстречу попался им человек с полной бочкой воды. «Пейте,— сказал он им,— я ничего с вас за это не возьму, и вы останетесь на свободе».— «Нет, подожди пить,— сказал ишак верблюду,— этого не может быть».— «Чего не может быть? Это же вода, вы умираете от жажды, нате пейте».— «Нет,— сказал упрямый ишак,— нет, этого не может быть». Когда наконец его уговорили, он, еле живой, подполз к бочке, попробовал воду и вдруг сплюнул. «Фу, говорит, какая это скверная и невкусная вода! Знаешь что, верблюд, давай вернемся к хозяину. Там вода гораздо аппетитнее». И вот...— Приезжий взглянул на собравшихся, взмахнул плеткой, взял опять пиалу, отхлебнул и сказал: — Она пахнет не серой. Я знаю, чем она пахнет...— Здесь он вплотную подошел к старшине и вдруг спросил, глядя на него в упор: — Чьи следы ведут к Джунанду? Кто приезжал сюда сегодня утром, а? Посланцы ишанов? Слуги святых людей? Они вас звали обратно? Ну что ж! Знаете что? Можете уходить. Прощайте.

Собрание давно забыло про доклад. Но любители легенд не могли успокоиться. Они стояли с полуоткрытыми ртами, с глазами, полными любопытства и тревоги: собрание боялось, что странный докладчик сейчас же исчезнет с лошадью.

— Как же ишак с верблюдом? — крикнул какой-то молодой кумли.

— Я не знаю, чем это кончилось. Вам виднее. Прощайте! — хмуро ответил докладчик.

Он вскочил на коня и ускакал прочь.

Председателю нужно было сократить путь, так как он задержался и мог опоздать на заседание Совнаркома. Поэтому он ехал не только ночью, но и днем. Утром он увидел синюю полоску гор над песками и услышал паровозный гудок с невидимой железнодорожной линии.

Вечером он видел вокруг себя велосипедистов, лимонадный ларек и городской ашхабадский сад, в котором играла духовая музыка из железнодорожного клуба, и все это было похоже на мираж. «Так у нас появляются в воздухе озера,— говорил он.— Очень просто. Отсвечивают шоры, солончаки. Они голубые под лучами солнца. Милая страна! В ней все исчезает: вода исчезает, Советы исчезают! Я ничему уже не удивляюсь. Я уже учусь у кочевников ездить в город по звездам».

«Скоро ты будешь на улице привязывать к столбам тряпочки — по привычке, чтобы заметить дорогу»,— шутя говорили ему на заседании.

Но заседание на этот раз не состоялось. Вернее, оно было, но стояли другие важные вопросы Туркменской Советской Республики, и серный завод был отложен.

Тогда снова начались солончаки, исчез мираж из велосипедистов и лимонада, в глазах прыгали кусты саксаула и бесконечные барханы, желтые и однообразные, как продолжительный бред.

Через три ночи председатель ехал по тропе у далекого Кзыл-Такыра. Налево, на северо-запад, вела тропа полузасыпанных следов. В той стороне страшно редки кочевья, та сторона не охвачена никакой работой, там бродят беглые стада богачей и иногда мелькают басмаческие кони.

Прямо же идет дорога к Буграм Зеагли, к заветным Буграм, у которых строится завод.

Через час он увидел в долине огоньки серного завода.

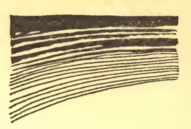
В домике ревкома было много людей. Его здесь уже ждали. Здесь накопилась масса дел. Здесь были работники завода и делегаты из отдаленных аулов. В числе их были люди с национализированных колодцев.

— Мы слышали,— сказали они,— про ишака и верблюда. Мы постановили остаться на месте всем аулом и не будем больше слушать ишанов...

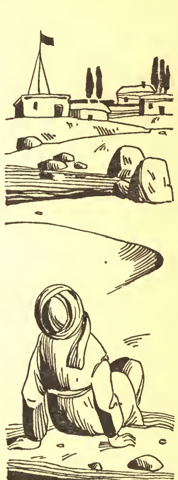
Это всё были люди с суровыми чертами лица, с палками, в сандалиях из бараньей кожи, с лицами грубыми и черными, как ночь пустыни за окном.

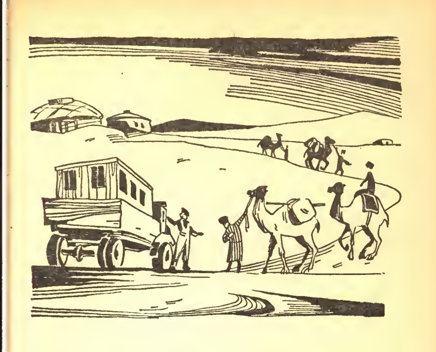
Председатель сдвинул в сторону бумаги и положил портфель на стол.

— Итак,— сказал он,— заседание революционного комитета Черных песков считаю открытым. Сегодня у нас стоит вопрос о дальнейшей советизации песков. Кто желает что-нибудь добавить?



Рассказы о пустыне и дорогах





БЕЛЫЙ СЛОН

Старый Хаджнмн был хромой, потому что слон наступнл ему на ногу. Это был плохой слон, который не умел осторожно ходнть по улнцам. Так рассказывал Хаджнми. Может быть, это н не так, но там это вполне могло случнться.

У нас слоны не наступают на ногн потому, что н слонов у нас не так уж много. Это было в городе Карачн, далеко на берегу Аравнйского моря, в Индин.

Это было давно, лет семьдесят тому назад. Теперь уже давно н слона того нету, да н старого Хаджнмн уже нету. Но Мумнн, его внук, живет в ауле Балучн, недалеко от Кушки. Здесь от него я н услышал всю эту нсторню.

Жил он на высоком холме со своим дедом Хаджими, а холм этот стоял в Афганистане, по ту сторону границы. Жили они там вместе с другими людьми одного из племен белуджей.

Белуджи эти очень интересный и живописный народ. Они носят халаты, ружья и длинные ножи, головы их обмотаны большими, длинными чалмами, концы которых свешиваются, точно полотенца. Когда они скачут на конях, эти концы мотаются по ветру.

Они очень любят скакать на конях, стрелять из ружей, петь песни. У них много песен. Но очень мало коней, и скакать многим не на чем. Даже своей страны у них нет.

У афганцев есть Афганистан, у иранцев — Иран, у туркменов — Туркменистан. А белуджи разбросаны по разным странам. Есть местность Белуджистан в Индии, но принадлежит она англичанам, и там белуджей живет меньше всего. Больше всего их в других местах Индии и еще в Иране и Афганистане. Они не признают границ и живут по всему Востоку. Многие из них переходят с места на место, как цыгане. Они живут в шатрах, среди гор и под городами. Некоторые из них имеют своих верблюдов, коз и овец — они их пасут в диких горах и на чужих лугах.

Но у старого Хаджими с Мумином не было и верблюдов с овцами. У них была собака Ап, один ветхий шатер, котел и медный кувшин. Хаджими был старый, хромой. Он не мог даже добыть себе где-нибудь коня или хотя бы козу.

Поэтому он был пастухом у Риза-Кули. Он жил в шатре с Мумином и собакой. Он сторожил скот Риза-Кули и рассказывал Мумину свои бесконечные истории и сказки. Они были бы плохими белуджами, если бы не любили хорошую сказку.

Так вот про слона, который отдавил ногу старому Хаджими.

— Это было давно. Очень, да. Очень давно. Да,— так говорил Хаджими. Он говорил так медленно и тягуче потому, что в это время дремал, чесал голову под чалмой и еще

жевал табачиый порошок.— Да...— говорил ои и доставал табакерку из тыквы.— Очеиь давио...— говорил ои и выиимал из тыквы горсть табаку.— Мы жили тогда иа нашей святой земле...— Тут ои отправлял табак под язык, и Мумии теперь должеи был ждать, пока его язык освободится для рассказа.— Да, иа иашей святой земле белуджей...

Но Мумии ие мог ждать! Хаджими был стар, а Мумии был молод. Ои хотел бы жить тоже очеиь давио и тоже иа земле белуджей. Мумии смотрел в ту сторону, где должиа быть эта земля. Там верблюд чесал бок о камеииый уступ. За верблюдом ходили овцы. Еще иiже была долииа и дремал афгаиский поселок — иикакой земли белуджей!

— Ну, дальше! — говорил Мумии и теребил старого Хаджими за рукав.

— Да. Слои был большой, а я малеиький. На ием ехал важиый чииовиик по улице. Да, ои иаступил мие иа иогу...

Все это Мумии давио уже слыхал. Но ему было интересио зиать, что дальше.

— Ты убил этого слоиа? — восклицал ои, сверкая глазами и кусая иогти от иетерпеиия и мыслей; ему уже было завидио, что ему, Мумииу, слои ие иаступил иа иогу, что ои ие хромой и что ои ие может иикому об этом рассказать.

— Да, убил слоиа. Да! Да! — Тут старик переставал дремать и тоже иачииал сверкать глазами.

— Да, ио прошлый раз ты рассказывал, что слоиа ие убивал, а убил чииовиика?..— сдерживая дыхаиие, осторожио спрашивал Мумии.

Старик остаиавливал глаза и яростио выплевывал табак иа землю.

— И слоиа и чииовиика! — восклицал ои и хлопал себя по лбу.— Да, да! Я вспомииаю — я убил того и другого!

Ои выиимал даже из-за пояса иож и показывал, как ои убивал нм слоиа,— ои уже твердо верил, что ои его убивал имеиио этим иожом. Мумии тоже верил — ему хотелось только, чтобы ои тоже убивал слоиа. Мечтательио ои

оглядывался по сторонам — никаких слонов под рукой не было.

У него не было слонов, не было родной земли белуджей, ничего не было — даже отца с матерью. Правда, у него был такой замечательный дедушка, который мог убивать слонов и чиновников.

— Ты был очень сильным? — спрашивал Мумин.

— Да, очень,— говорил дед, успокаиваясь.

Он лез за тыквой с табаком.

— Очень, очень, да, да. Очень...— бормотал он, жуя табак и раскачиваясь на корточках, пока Мумин рисовал себе множество картин, вызванных в голове рассказами деда.

— Ну а тебе ничего за это не сделали? — спрашивал Мумин.

— За что?

— Ну, вот за слона, что ты убил.

— Какого слона? — удивленно спрашивал дед. Он на минуту открывал свои слезящиеся глаза и снова закрывал их. Он уже дремал и ничего не помнил.

Мумин махал на него рукой и, вскочив на ноги, легкой походкой белуджа шел с холма к шатрам своих соплеменников. Собака Ан молча вскакивала и, виляя хвостом, бежала за ним.

Утро вставало над шатрами, легкий дымок, перемешанный с туманом, поднимался от пепла костров. Последние сновидения уходили из волшебных замков, сделанных из старых тряпок и консервных ящиков, из ям, в которых спали белуджи, согревая друг друга тощими своими телами.

Шумный и говорливый народ белуджей вставал и собирался толпами и уже кричал и размахивал руками. Одни вскакивали на коней и ехали вниз, в долину, другие пешком тоже спускались по дороге к поселку.

Они шли пестрой толпой, смеясь и сверкая глазами, подведенными сурьмой. Они были в чалмах, свешивающихся на плечи, в широких халатах, босиком, с орлиными бровя-

ми и белоснежными зубами — гордый и нищий народ белуджей.

Они спешили: солнце стояло высоко, а мир был велик. Его нужно было обойти, посмотреть, многое повидать и послушать. Один базар в поселке чего стоил! О, это великое дело — базар! Много тут дел для белуджа.

Они рассыпáлись по улицам, шли в толпу, заглядывали в чайханы.

Некоторые — те, которые имели коней,— скакали верхом из одного конца города в другой и обратно. Они хмурили брови и подхлестывали коней, мчась галопом,— пусть все знают, какие они важные, эти белуджи, и как много у них дел в этом мире.

Другие шли, продираясь сквозь базарную толпу, строго рассматривая товары. Они разглядывали козу, и ощупывали шерсть, и пробовали на язык табак, и смотрели лошадям в зубы — пусть знают, что у белуджей тоже есть дела на базаре.

— Балучи пришли! Балучи! — кричали некоторые купцы из лавок.— Следите за своим товаром покрепче.

Но белуджи проходили мимо, презрительно сплевывая через зубы: пусть знают все, что белуджи не слушают всякий вздор, который мелют досужие языки.

— Балучи! Вот балучи! — говорили матери маленьким детям.— Они положат тебя в мешок и унесут в горы.

Маленький Мумин тоже шагал по городу. Он тоже был в огромной чалме и с ножом за поясом. Он воображал себя очень храбрым воином. Он сидел перед навесом чайханы и смотрел на проходящих. Его собака лежала, свернувшись калачиком, у его ног и дремала и сквозь дрему иногда хватала зубами блох на своем животе и грозно рычала. Она тоже что-нибудь из себя воображала. Белуджская собака не может не воображать.

«Она считает, что она барс»,— подумал про нее Мумин, оглядывая своих соседей.

Рядом с ним сидел толстый человек с чашкой в руках.

Он открывал огромный рот н клал в него сперва куски сушеиой дынин, потом вливал туда горячий чай.

Мумии смотрел ему в рот и восхнщался — это был огромиый рот, необыкиовениый рот, в ием моглн бы уместнться два медиых кувшииа. «Когда я буду богатым, я буду есть сушеиую дыию и запивать чаем»,— подумал ои. Но он сегодня утром инчего не ел, поэтому отвел глаза от толстого человека н стал смотреть в другую стороиу.

В другой стороие стоял человек н держал в руке большой кусок теста. Он держал тесто за коичик и крутил его в воздухе — тесто вытягивалось и превращалось в колбасу. Тогда человек начинал вращать тестяную колбасу вокруг себя, н она вытягнвалась еще тоиьше. Человек делал лапшу.

«Нет, я буду делать лапшу и есть ее»,— подумал тут же Мумнн, увлекшнсь этой процедурой. Но тут слюиа наполиила ему рот, н, чтобы не вндеть нн лапши, нн дыин, ои стал смотреть на другую стороиу улицы.

— Послушай, балучи! — сказал вдруг толстый афганец с большим ртом.— Ты, наверио, хочешь сушеиой дыни?

— Хочу, да,— сказал Мумин, обрадовавшись.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я дал тебе кусочек?

— Очень хочу.

— Ха-ха! — сказал толстый, вытирая губы.— Я так н думал. Виднщь, какой я умный человек! Я все вижу. Только я тебе ннчего не дам. Зачем мне отдавать тебе дыию, когда я могу ее съесть сам, а?

К вечеру онн возвращалнсь на свон холмы, шлепая босымн иогамн по дороге. Пышные н грязные нх чалмы группамн белелн над лугамн, как старая вата.

Онн былн усталы, но веселы.

Онн иеслн за собой все, что послал им мнр за день: рассказы н песнн, арбузы н кускн хлеба, тыквеиные семена н медные монеты, разбитую кастрюлю, странные тряпкн, ие нмеющие ннкакого значеиия.

Их перегонялн конные; онн еще продолжалн гарцевать как безумные.

— Э-э-эй! Э-э-эй! Дорогу! — орали они пронзительными голосами, выворачивая белки глаз и размахивая руками и тряпками, думая, что они разбойники, и воины, и важные чиновники сразу, что они едут в поход завоевывать святую землю белуджей, о которой все они слышали от предков.

Но пешие со смехом и шутками стегали по крупам их лошадей, и те отскакивали в сторону и мчались дальше, пока их всадники, поскакав между шалашей, не изнемогали и, слезая с коней, тихо присаживались у костров рядом с товарищами.

Сюда они сносили все подарки дня, все, что удалось достать правдами и неправдами: выманить, выпросить или просто взять в городе. Только песни и всякие истории они ни у кого не выпрашивали. Они не были бы белуджами, если бы у них не было своих рассказов.

— Я был в городе,— сказал один белудж, подбрасывая палку в костер.— Там шел один человек. О, очень необыкновенный человек... У него был смешной нос, такой длинный и смешной нос...— Он задумчиво посмотрел вокруг себя.

Пламя освещало окружающих: они сидели вокруг костра на корточках, спокойные и непроницаемые. «О,— подумал белудж,— как бы им сказать, до чего был этот нос смешной и длинный, чтобы они поняли».

— Он был такой, как эта палка,— сказал он.

— Как эта палка? — спросил другой, отламывая кусочек ветки.

— Нет! О! Как эта, как эта вот палка,— сказал белудж и выбрал самую длинную палку.

— Да, бывают такие носы. Да, я видел такой нос,— заговорили белуджи, не выказывая удивления.

— Я был в Герате, там у всех такие носы,— заявил один из белуджей.

— Нет, это был совсем особенный и смешной нос! — заговорил первый белудж, вскакивая и горячась.— Там собрался народ на базаре, и все щупали нос. А он брал две афгани за это с каждого. И я тоже заплатил две афгани и

щупал. А один купец повесил даже на его нос большую гирю, и все смотрели...

Мумин сначала подумал: почему не у него такой нос, на который можно вешать гири? Но когда он услышал, будто белудж заплатил две афгани, то понял, что тот врет. Он встал и отправился к другому костру.

У других костров тоже сидели белуджи. Они кипятили супы и чаи в котлах и чайниках. Белые и черные шатры колебались за их спинами в зареве костров. Не мигая смотрели они в огонь и на окружающие холмы; там сейчас жили страшные и чудесные тени воображения.

У костров говорили неторопливым и громким шепотом: о думах предков, о чудовищах с двумя головами, о тиграх, о святой Мекке, о земле белуджей, о городах далеких и замечательных, какие в них толстые стены и богатые дворцы, как много живет там людей и как дешевы там замечательные товары.

Поздно ночью Мумин пришел к шатру деда. Тот спал, укрывшись мешком и сунув босые ноги в горячую золу. Ай, увидев Мумина, ударила три раза хвостом по земле и снова уткнула голову в лапы.

— Ну что, ты принес чего-нибудь поесть? — спросил дед, открывая глаза.

— Нет,— сказал Мумин.— Но вот слушай: я видел человека с длинным носом...

— Что? Да, нос, да. А?..— забормотал дед и снова уткнулся в тряпки.

Мумин отвернулся от деда и посмотрел на небо. Звезды мерцали на черном небе, показывая разные дороги. Одна дорога, как говорил дед, вела в землю белуджей, другая — направо, в Иран, третья — налево, в страну высоких гор... Мумин еще раз посмотрел на звезды и подумал, как, должно быть, холодно было бы идти босиком по этим дорогам. Тут же была дорога в Мекку, дед говорил, будто и туда он ходил поклоняться святому камню, но, наверно, врал: как он мог, хромой, ходить в Мекку?

— А сколько дней нужно идти в Мекку? — спросил Мумин.

— В Мекку? — приподнялся на минуту старик, воодушевленный разговором о Мекке.— Да, в Мекку. Сто дней и сто ночей нужно идти в Мекку. Там черный камень Кааба. А кормят там пловом... Да, пловом и дынным медом, это раз...— Тут дед совсем воодушевился и потянулся за жевательным табаком.

В это время собака зарычала во сне, отвечая далекому лаю городских псов. И на холмах белуджей тоже начали тихо, сквозь сон, переговариваться собаки.

«Должно быть, городские собаки ругают наших, белуджских»,— подумал Мумин и посмотрел на деда; тот уже лег, свернувшись калачиком.

— А ты сегодня опять ничего не ел, дед? — спросил Мумин.

Толстый и скупой Риза-Кули стал давать пастухам все меньше еды. Последний раз он дал всего лишь пять сухих лепешек на неделю, и они уже их позавчера съели.

— В Мекке? — спросил дед, опять вскакивая.— Ел, ел! О, я ел в Мекке! Да, плов, дынный мед, потом...

— Нет, сегодня?

— Да, да, нет, нет, не ел,— зашамкал дед и повернулся на другой бок.— Ты ничего не принес из города?

— Знаешь, что я придумал? — спросил Мумин и начал тормошить старика.— Вот что я придумал: ты сильный, ты слона убил. Я тоже сильный...

Да, да, я слона убил! — сказал дед, подымаясь и довольно ударив себя кулаком в грудь.

Мы пойдем завтра к Риза-Кули и скажем, что пусть дает нам больше лепешек. И не одних лепешек. Пусть дает нам кулеш. И суп с лапшой.

— Да, да,— заговорил дед, окончательно проснувшись.— И дынный мед. Я люблю мед. Я скажу: старый Хаджими очень, очень любит дынный мед. Он всю жизнь пас твоих овец. Да!

Оин сиделн друг против друга, сверкая глазамн н предвкушая, как оин пойдут завтра к Риза-Кули. Наконец онн леглн. Мумни посмотрел на шатры племенн. Среди иизких и дырявых палаток и ящиков возвышался большой шатер Риза-Кули. Ои был сделаи из бараиьнх шкур н войлока. Мумин представнл себе, как там сейчас тепло. На суидуках и койках спят четыре жеиы Риза-Кули. Посредиие на перине лежит толстый Рнза-Кули, широко открыв рот, и храпит. Его чалма осторожно повешеиа на гвоздик в стеие шатра. Там же висит его цветиой пояс. А с ннм вместе — мешочек с землей. Это святая земля из страиы, откуда они все когда-то вышлн.

«Да, онн все когда-то вышлн нз этой страны,— подумал Мумин.— И это неважио, что один вышел толстый, а другой тонкий и хромой. У Хаджнми тоже такая чалма и даже есть тоже такой же мешочек с землей из страны белуджей. Так почему же Риза-Кулн такой сквериый, что все остальиые его так не любят?»

— Вот что,— сказал Мумни, трогая деда за руку.— А еслн он откажется, мы его просто убьем. И все.

— Да, это, пожалуй, верио. Убьем совсем,— согласился старик.

Так они и порешили. Решнв так, оии окончательно леглн и засиули.

Утром Мумии разбудил старика и попросил его вставать поскорее. Мумниу иужио было поспеть в город, а перед этим еще иужио поговорнть с Риза-Кули, потом еще убить его н еще много дел совершнть за деиь.

— Да, да,— сказал старнк, доставая дрожащими рукамн тыкзу с табаком.— Да, вот что. Мы ие пойдем к иему сегодия. Подождем еще немиожко. А?

Мумии очеиь рассердился.

— Нет, иет, посмотрим — может, ои еще стаиет лучше, этот Риза-Кули,— сказал старнк.

Тогда Мумии ушел в город. Белуджи опять шли по базарам и улицам, веселые н важиые, как бомбейские

приицы, забыв, что иочью им было холодио. С иими шагал Мумии. Ои опять увидел в чайхаие толстого афгаица. Тот опять ел сушеиую дыию. Мумии ие посмотрел иа иего и прошел мимо. Два полуголых человека строили дом. Одии сидел иаверху, иа стеие, другой лепил виизу круглые лепешки из глииы. Ои подбрасывал их вверх, ие подиимая головы, а его верхиий товарищ подхватывал их и прилаживал куда следует. Делали оии это так быстро и ловко, что Мумии замедлил шаг.

— Эй, балучи, куда идешь? — крикиул верхиий.

«Куда я иду?» — подумал Мумии.

— Я иду далеко,— сказал ои.— Я иду в страиу белуджей.

— О! А где же твоя лошадь?

— Ои ее съел,— сказал иижиий.— Известио. Ои ее съел, потому что балучи всегда голодиые.

Они засмеялись. Потом одии из иих сказал Мумииу, хлопиув его по плечу:

— Ну ладио, иа, балучи, тебе лепешку. Съешь, а то ты ие дойдешь до своей земли, ты очеиь худой.

Мумии взял лепешку и пошел дальше.

«Хорошие люди,— подумал он.— Я ие буду их убивать. Пусть строят дом. Я тоже буду строить дома».

Ои свериул в узкую улицу, где иаходились торговцы тюбетейками. Потом ои прошел ряды одеяльщиков и попал в еще более узкую улицу.

Тут иаходились лавки портиых, стекольщиков, лудильщиков, делателей бурдюков, колесииков, почиищиков арб, кузнецов и парикмахеров.

Парикмахеры сидели прямо иа улице и брили всех желающих прохожих. Оии мочили их бороды водой и, вытерев большой иож о фартук и поплевав иа лезвие, сдирали иожом усы и бороды.

На улице стоял страшиый шум: кричали ослы, которых подковывали, звеиело железо и еще кричали люди из лавочек. Улица была такая узкая, что люди разговаривали через

нее друг с другом. Мумин сел иа камешек и вытер концами чалмы пот с лица. Он здесь никому не мешал, потому что у каждого было свое дело.

— Ай, Пешавер! Ай, Пешавер! Ай, какой город этот Пешавер! — говорил толстый иранец, которого брил парикмахер.

Он кричал «ай!» и качал головой и морщился, и, наверно, не оттого, что такой город Пешавер, а оттого, что ему было больно.

— Да вы, господии, наверно, всё видели на свете,— почтительно говорил парикмахер, удерживая его за нос, потому что хотел больше заработать.— И Кабул, и Тегеран, и Стамбул, а?

— Что Кабул, что Тегеран!..— сказал иранец.— Ай, Пешавер, ай, ай, ай...

— Автомобилей, иаверно, много? — крикиул портной, задерживая иголку в зубах и глядя на толстого.

— А больше, чем ослов в нашем несчастном, проклятом городе, а? — сказал стекольщик.

— Автомобили, автомобили! — закричал вдруг шорник, высовываясь из своей лавочки.— Когда была коронация Аммануль-хана, в Кабуле ехало двадцать пять автомобилей и за ними двенадцать слонов и потом двести верблюдов! Я сам видел!

Все они переговаривались, крича друг другу через улицу, сколько слонов и автомобилей шло при коронации, и какой был Кабул, и какие там полицейские, и аэропланы, и пожариые, и телефои.

— Ваш Кабул...— сказал толстый иранец.— Вот Пешавер, ай, ай...

— Да, Пешавер, иаверно, куда лучше! — вежливо согласился парикмахер, хватая иранца за иос.— Не крутите, господин, головой...

— А то ты отрежешь ему язык, Махомед,— сказал усатый и хмурый лудильщик, который до сих пор молчал. Ои был весь черный от сажи, усы его висели книзу, потом

был черный нос, потом оловянные очки, а глаза были еще выше.

— Вот Ашхабад еще, говорят, тоже. Чудеса! — сказал парикмахер.— Я слыхал — строят дома выше этого дерева. А улицы политы жидким камнем. А посреди улицы стоит человек — понимаешь — советский полиций, милиций, но совсем другой полиций — такой же человек, как мы, но только очень много знает. Он стоит посередине, а кругом идут караваны, идут всякие люди — и туркмен, и иран, и афган, и такой вот балучи, и он отдает им всем честь. Да, отдает им честь, а потом посмотрит на звезды и показывает рукой каждому — кому куда дорога. Говорят, он был раньше самый большой караванчи, проводник, и знает все дороги по звездам...

— Ай, советский город нехороший город, зачем ты так говоришь! — недовольно закачал головой толстый иранец.— Я там был, продавал шерсть, плохо продавал.

— Что, там гнилую шерсть не берут? — сказал шорник.

— Зачем гнилую шерсть! — совсем рассердился толстый.— Аллаха забыли, все забыли...

— Значит, без аллаха живут? — спросил парикмахер.— Ай, ай, не крутите головой, господин!

— Отрежь ему язык! Отрежь ему язык, Махомед,— опять сказал молчаливый лудильщик парикмахеру.

Но тут заговорили все: шорник, портной, стекольщик, другой портной. Все говорили о земле, на которой были Советы.

— Советы! Советы! — кричал толстый, подпрыгивая на скамейке.— Они мне говорят! Что такое Советы?!

— Советы — это вот я Советы,— сказал лудильщик.— Это вот Махомед, и шорник, и вот тот балучи — Советы. Я пастух, а ты хозяин. Я пошел и отрезал тебе язык. Вот и все, очень просто.

Но, наверно, совсем это было не так просто, потому что Мумин ничего не понял, а остальные стали кричать еще больше.

«Одному только луднльщику все поиятно. Нужио будет как-нибудь спроснть у него»,— подумал Мумин н отправнлся домой.

— Мумин,— сказал старый Хаджимн,— я сегодня совсем больиой человек. На́ тебе мою палку, ты сегодия будешь пастух.

Старик потяиулся за тыквой с табаком, но потом махиул рукой, лег и закрыл глаза.

— Хорошо. Да. Я пастух. Я большой иастоящий пастух,— сказал Мумин н взял длииный посох старика. Ои даже закряхтел, как дед, и, позвав собаку, отправился на холмы.

Потом он вериулся и взял у деда из-за пояса мешочек с землей нз страиы белуджей. Ои привесил его к своему поясу и отправился иа холмы.

— Нет, это еще не все,— сказал ои, опять вериулся и взял дедову тыкву с табаком.

— Я теперь чабаи. Ты меня ие иазывай больше Мумииом,— сказал он собаке.

Ои сунул в рот горсть табаку. Табак был горький н противиый. Мумин начал плеваться. Ои взял горсть табаку н дал пожевать собаке. Собаке табак тоже не поиравился. Мумии подошел к стаду.

Отсюда было вндио очеиь миого земли, ио больше всего она состояла нз холмов. Холмы былн такие рыжие н скучиые, что от них тошнило, как от жевательиого табака. Даже собака посмотрела вокруг себя и зевиула.

«Направо иа холмы ие гоняй, там земля афгаиов, онн прогоият,— говорил дед.— На левые холмы тоже ие гоияй, там не нашн белуджи, отиимут скот и угоият в горы».

«А где же иаша земля? — подумал Мумнн.— Да, она в мешочке за поясом. Как мало у нас осталось землн!»

Верблюды смотрели иа Мумииа. Они были облезлые, как деревья с обглодаииой корой. Овцы стояли толпой н смотрели внuз на дорогу. По дороге двнгались люди.

— Я погоию вас внuз к дороге,— сказал Мумии овцам

и верблюдам.— Вы паситесь, а я буду смотреть, что там делается...

Он стал гнать овец и верблюдов вниз, но они не хотели туда идти и начали разбегаться от него в стороны.

— Как хотите,— сказал тогда Мумин.— Я пойду один. Я вам сказал, что там интереснее.

Он спустился с холмов и уселся у дороги. Мимо него шли и ехали разные люди. Тут афганцы и иранцы, туркмены и хозары. Одни ехали направо — в город, другие налево. Там, недалеко отсюда, начиналась страна, о которой вчера говорили на базаре: Советы.

Вдруг он увидел одного белуджа. Тот ехал верхом на коне; за плечами у него было ружье, в руке он держал чемодан, а голова его была покрыта красной фуражкой, а поверх фуражки была намотана чалма. Он ехал со стороны Советов. Белудж размахивал чемоданом и пел.

Он пел странную песню.

Мумин вытаращил глаза и чуть не умер от удивления и зависти. Он никогда не видел белуджей в красных фуражках. Наверно, это белудж со стороны Советов. Мумин давно уже слышал, что туда перебралось много их родственников, в страну Туркменистан. Многие из них ездили туда и обратно. Но рассказывали они об этой стране так много удивительного, что никто не знал, хорошо это или плохо.

— Здравствуй, товарищ мальчик! — сказал белудж, поравнявшись с Мумином.— Салам алейкум! Как живешь с тех пор, как ты появился на свет?

— Очень плохо,— сказал Мумин.— У меня разбежались верблюды. Я не умею строить дома из глины. И я не был в Пешавере.

— Это ничего,— сказал белудж.— Я тоже не был в Пешавере.

— Но ты был в Кушке и в Ашхабаде,— сказал Мумин.— Скажи мне, как проехать, чтобы посмотреть на ту землю? А где ты взял такую фуражку?

— Эту фуражку мне подарил старший милиционер

товарищ Курбанов. Он сказал — я тоже буду миллионером. Если не вернишь, спроси в Тахта-базаре товарища Курбанова, тебе каждый скажет. А идти нужно мимо старой мечети, потом мазар-кладбище, потом стоит дерево карагач, потом последний аул, потом будка. В будке солдаты живут, ты осторожнее.

И, ударив лошадь чемоданом, белудж ускакал.

Шел Мумин долго. Он прошел старую мечеть, стоящую в стороне от дороги. На развалинах мечети сидели черные орлы. Они злобно посмотрели на Мумина, потом опять принялись клевать что-то.

«Наверно, умер человек голодный. Должно быть, белудж»,— подумал Мумин.

Потом он прошел мазар. Потом увидел дерево карагач, большое и круглое, как шапка туркмена. Наконец он вошел в последний аул.

— Балучи! Балучи! — закричали ребятишки.— Смотри, твоя собака сейчас развалится.

Мумин оглянулся на собаку. Она шла за ним, опустив голову и хвост.

За аулом дорога совсем опустела.

Мумин подошел к будке. Дверь будки была открыта, на двери висели штаны. На крыльце сидел человек без штанов, в рубашке с блестящими пуговицами.

— Ты куда? — строго спросил он.

— Я посмотреть...— сказал Мумин.

— На, посмотри,— сказал солдат и показал Мумину кулак.

Кулак был большой и волосатый. Мумин посмотрел на него и повернул обратно.

Зайдя за холмы, он свернул с дороги и пошел в холмы по траве. Далеко обогнув будку стороною, он спустился в долину. Перед ним текла маленькая, узенькая речка. Это была река Кушка, и на той стороне была страна Туркменистан.

В речке ходили красные коровы.

На том берегу сидел мальчик в большой бараньей шапке и болтал ногами в воде.

Мумин спустился к реке, сел напротив мальчика и начал его разглядывать. Это был молодой туркмен, как и все туркмены, которых он видел. Он был немного побольше Мумина. Он тоже начал разглядывать Мумина. Это Мумину не понравилось.

— Ты что глядишь? — крикнул он по-туркменски, так как знал слова этих людей, среди которых они с дедом жили.

— Ничего,— отвечал мальчик.— А ты что, разве запретишь мне смотреть?! Я на своей стороне.

Это было верно. Мумин помолчал.

— Это твои коровы? — спросил он мальчика.

— Нет, это колхоз.

— Как? — переспросил Мумин.

— Колхоз.

— Значит, не твои.

— Нет, мои. Я тоже колхоз,— ответил мальчик.

Они помолчали. Потом мальчик с той стороны спросил:

— А ты тоже колхоз?

— Да,— ответил Мумин.— У меня тоже много коров, И верблюдов.

— Ты врешь,— ответил мальчик.— У вас нет колхоза. У вас солдаты, баи и ханы. А у вас есть заседание правления?

— Нет,— сознался Мумин.

— Ну, вот видишь. И у вас, наверно, нету радио?

Мумин смутился: он даже не знал такого слова.

Он осмотрел себя, палку, собаку, ножик, мешочек у пояса.

— Вот! — закричал он.— У нас есть земля. Земля белуджей! О!

— Покажи, сколько же у вас земли.

Мумин поднял мешочек. Мальчик вдруг упал на спину и захохотал. Он взялся за бока и хохотал так, что даже

коровы оглянулись на него, а Ан подняла уши. Но мальчик, к удивлению Мумина, продолжал хохотать.

— Земля! — крикнул наконец он.— Ха-ха! Сколько же вы на ней сеете картошки, а? Посмотри, сколько у нас земли! Смотри вон туда, за холмы, и туда, к заставе, за тот лес — все наша земля.

Он встал и показал рукою вокруг себя. Мумин тоже встал.

— А я тебя зарежу,— сказал он и вынул нож.

Мальчик перестал смеяться.

— Ну, не зарежешь,— сказал он.— Я на заставе скажу, и тебя возьмут. А если зарежешь, то наши объявят вам войну. Вот и все.

Мумин молча повернулся и пошел обратно.

«Вот плохо,— подумал он,— ничего у нас с дедом нету. И овцы не наши. И заседания правления нету. Только одна собака...»

Послушайте, мой дорогой конь!
Пожалуйста, предлагаю ехать скорее:
Я еду на заседание правления,
Я радио. Я колхоз. Я тоже буду старшим
милиционером!..—

так пел Мумин, возвращаясь назад.

Он даже не заметил, что пошел обратно по дороге, забыл обогнуть будку с солдатами. Вспомнил он, когда уже очутился возле самой будки и солдат без штанов смотрел на него, выпучив глаза.

— Как? — переспросил он, прислушиваясь к пению.— Куда ты едешь? На чем же ты едешь — не на собаке ли, герой, а? Господин начальник, посмотрите-ка, какой здесь негодяй! Я ему не велел туда ходить, а он обошел кругом.

Господин начальник вышел в расстегнутой куртке. У него были еще более вытаращенные глаза и еще более блестящие пуговицы.

— Ты кто? — спросил он.

«Кто? — подумал Мумин.— Я — Мумин. Человек. Я убил слона. Нет, правда, этого мало...»

— Я — колхоз! — гордо сказал он.

Оба солдата еще шире вытаращили глаза. Потом оба они, как по команде, вдруг схватились за бока и захохотали. Мумин повернулся, чтобы пойти.

— Подожди-ка, я еще намну тебе бока,— сказал начальник и двинулся к нему.

Но Мумин не хотел, чтобы ему намяли бока. Поэтому он побежал. Он бегал быстро, как горная коза, поэтому его никто не догнал, и скоро он был в ауле.

— Эй, белуджи, откуда ты спешишь? — кричали ему.

Он сказал было, что он миллионер и что он из страны, где Советы, но в ответ ему тоже стали хохотать.

Мумину стало очень обидно.

— Почему мне никто никогда не верит? — спросил он собаку.— Хорошо, я им докажу, что это правда.

Но собака ничего не ответила и даже не вильнула хвостом. Она очень устала и хотела есть...

Тогда Мумин ускорил шаг.

«Наши белуджи мне поверят»,— подумал он.

Когда он вернулся на свои холмы, был вечер. Белуджи сидели на земле большим кругом и устраивали бой перепелов. Два перепела-петуха с подрезанными крыльями стояли один против другого и дрались. Белуджи кричали все сразу, вскакивали, хлопая себя по коленкам.

Они хохотали. Они стонали и выли от восторга. Мумин растолкал народ и тоже сел в круг: в это время один петух гнался за другим по кругу, и все хохотали.

— А! Он бежит, как конь! Как барс! Как купец, как мулла, как судья на извозчике! — кричали они.

Это было так интересно, что Мумин забыл на минуту все свои приключения и смотрел на перепелов. Но один из них победил другого, и их обоих унесли. Однако народ продолжал сидеть в кругу, обсуждая и переживая зрелище.

Тут Мумин вспомнил, что он должен стать старшим милиционером.

— Ай, хорошо на том берегу! — сказал он небрежно.— Радио. Стоит милиционер, всем людям дорогу показывает...

Он все хотел, чтобы его спросили, был ли он в той стране, и тогда он рассказал бы, как он долго там ездил. Но его никто даже не спросил об этом.

— Да, хорошо, я был,— ответил один.

— О! Хорошая страна, и я был,— сказал другой.

Тут все забыли перепелов и заговорили о Туркменистане.

— Я опять туда пойду,— сказал Мумин.

— Да, правильно. Люди в домах живут. Каждому белуджу дом дают. А иногда и два. Обязательно иди...

Мумин знал, что никто из них там не был и все они врут. Но они продолжали говорить обо всем, что слышали про ту сторону и что сами выдумали... Про то, будто в шатрах там цветы растут и деревья, на деревьях фрукты растут — сто афгани каждый, и всякий может подходить и срывать сколько хочет. Про то, что белуджи там — тоже начальники, а баев, вроде Риза-Кули, сажают в клетку и возят по городу. Что женщина, как и мужчина, в штанах ходит.

— Один купец на базаре говорил — аллаха там забыли,— сказал Мумин.

— Да, верно, там аллаха нет. Там неверные мусульман гонят, правда,— согласились с ним.

Тут все стали говорить, что в той стране злые люди, и скот, и одежду, и бога отбирают, и жить там вообще очень плохо, и что Мумин пусть и не думает туда ходить. Он будет последним ослом, если туда пойдет. Он будет неверной собакой и дураком, а не белудж. И все это знают — все там были.

Так, понемногу рассуждая, все стали уходить по своим шатрам, и Мумин остался один. С холмов потянул ветер, и бледный месяц, тонкий и ржавый, как нож за поясом у белуджа, осветил холмы, и пепел костра, и шалаш Риза-Кули.

Женщины уже закрыли дыры в шатрах, и дети давно перестали кричать и плакать.

Зато невдалеке начали выть шакалы, выть и кашлять, как простуженные.

К Мумину подошел белудж в истерзанном халате и опустился рядом с Мумином.

— Мне очень весело,— сказал он мрачным голосом.— Я все слышу. Это не шакалы кричат. Это барсы. В них сидят души разных больших и маленьких людей. Когда я умру, моя душа переселится в перепела...

Мумин посмотрел ему в лицо, глаза белуджа блуждали, как у помешанного; это был опиекурильщик. Мумин встал.

— Подожди,— сказал тот, беря его за руку.— Ты говоришь, что был в Туркменистане, а я знаю, что ты врешь. Все знают, и все врут. Ага...

Мумин сбросил его руку и пошел к деду.

Старый Хаджими был уже совсем болен. Он даже не мог протянуть руку за табаком. Он сказал, что он больше не пастух. Хозяин сказал, что ему не нужны такие пастухи. И Мумин тоже не пастух: он разогнал стадо в разные стороны.

— Да. Я не пастух,— сказал Мумин.— Я милиционер. Вот кто!

— Как? — спросил Хаджими.

— Да. Я уйду в Советы. Пойдем в Туркменистан, а? Там Риза-Кули возят в клетке, как зверя.

Дед в ужасе поднял руку.

— Что ты! Правоверные мусульмане... Аллах! Мы — белуджи,— сказал он и закашлялся.

Мумин махнул рукой.

— Ты был в Мекке,— сказал он.— Эх... А как же мы собирались убивать Риза-Кули? Скажи мне — ты был в городе Карачи, а? Скажи...

Он нагнулся к старику, ожидая ответа. Старик стукнул было себя кулаком в грудь и воодушевился, но закашлялся и, махнув рукой, лег.

К утру он умер.

Он лежал, свернувшись в клубочек, обыкновенный маленький старик в большой грязной чалме. Он валялся на чужой земле, а на груди его лежал маленький грязный мешочек с землей белуджей, про которую он выдумывал столько необыкновенных историй. С ними ему было, наверно, легче жить. А теперь ему совсем не нужны ни истории, ни мешочки.

Мумин понял, что старый Хаджими никогда не убивал слона в Индии. Это была индийская сказка.

Собаку Мумину не отдали. Риза-Кули сказал, что она сторожила его скот и поэтому принадлежит ему. Ее привязали на веревку к шатру, чтобы она не убежала. Мумин остался один.

— Хорошо! — сказал Мумин и погрозил кулаком шатру Риза-Кули.

Он ушел на север, за речку Кушку.

Он ходил по советской земле долго. А может быть, и недолго — этого я совсем не могу сказать.

Но только он увидел все, что хотел: и радио, и колхоз, и, главное, человека, который стоял на перекрестке улицы и поднятой рукой останавливал караваны. Потом он поворачивался и показывал нужную дорогу по звездам.

А если он не помнил какую-нибудь дорогу по звездам, то смотрел в книжку — там были записаны все дороги.

И шли по ним разные люди разных племен. У всех были дела. И туркмены, и русские, и иранцы, и афганцы, и белуджи.

Мумин пошел вместе с белуджами. Все они ходили толпой по городу, все вместе ехали по железной дороге и всё щупали, удивлялись и громко восклицали. Поезд был очень удивительной штукой.

Очень сильно его поразила железная тарелка, которая говорила на его родном языке.

Но еще больше удивил его почтовый ящик, в который можно бросить письмо, и оно придет к кому угодно. Ему

сказали, что он сам может поступить в школу и выучиться грамоте, написать письмо и бросить его в почтовый ящик.

«Кому бы мне написать письмо? — подумал он.— Деду? Его нет. Я могу написать собаке Аи. Но она не сможет прочитать письмо. Да и учиться нужно долго и скучно. Лучше ездить верхом на лошади».

Но нельзя сказать, что все в этой стране оказалось так, как он слышал и сам представлял. Так, его огорчило, например, то, что не было деревьев, про которые рассказывали: растут драгоценные фрукты, и каждый приходи и рви сколько хочешь. Нужно было много работать, чтобы есть эти фрукты.

И к тому же ему очень захотелось посмотреть на свои места. Ночью ему снился его холм с дырявым шатром, и собака Аи, и дед, и хотя он знал, что деда нету, но все равно он ему снился. Ему даже жалко было брошенного мешочка с землей белуджей. Когда он вспоминал этот мешочек, который так любил дед, валяющимся на земле под дождем, сердце его сжималось.

И потом очень уж ему хотелось рассказать толстому афганцу, который ел сушеную дыню, и солдату без штанов, да и всем, что вот он — из Страны Советов. Он — милиционер, и колхоз, и машинист на паровозе.

...Однажды ночью он подошел к берегу речки Кушки. Он вошел в воду и зашагал на тот берег.

«В будке могут заметить,— подумал он.— Ну так что ж, теперь они увидят, что я не обманываю, а иду с того берега».

Вода оказалась холодной, и было очень темно. Только река была белая и отражала звезды, и по бокам этой белой полосы было все черное.

Обходя острые камни, он подошел к берегу. Когда он ступил на ту сторону, две сильные руки схватили его и повалили на камни. Он не закричал. Над ним сверкнул ручной фонарик, и он увидел усатое лицо знакомого солдата. Тот поднял Мумина за шиворот и потащил к будке.

В будке Мумин увидел начальника.

— Ты? Сын ящерицы! Ишак! — сказал он, ткнув в Мумина пальцем.

— Я не ишак,— сказал Мумин.— Я из колхоза. Знаете, я кто?

— Как же! Как же! — сказал начальник очень тонким голосом и приблизился к Мумину на цыпочках и так осторожно, будто боялся его разбить.— Очень знаем.

И вдруг он ударил Мумина кулаком в лицо. Он ударил так сильно, что Мумин упал на спину и в его глазах все закачалось и перевернулось кверху ногами: начальник, солдат, стол, лампа и распахнутая дверь со звездами на небе. И тут же начальник и солдат принялись бить Мумина. Они били его ногами и кулаками.

— Чтобы ты на всю жизнь запомнил, откуда ты пришел! Чтобы забыл эту землю!

И тут Мумин понял, что та земля, с которой он ушел,— единственная его земля, которая ему дорога. А вся остальная не его, чужая земля и злая.

А когда он понял это, то замолчал и сделал вид, что умер. Тогда солдаты на минуту остановились посмотреть на него, действительно ли он умер. Ему больше ничего не было нужно. Он был ловок и быстр, как кошка. Он вскочил с земли и тотчас же исчез за дверью, через которую все так же видна была ночь и небо со звездами.

ИШАН И СТЕКОЛЬЩИК

— Что такое басмачи? — говорил старый туркмен собравшимся в чайхане дехканам.— Джигиты с ружьями. Их почти нет уже. Их было много. Эти люди приходили из гор и из ночи. Здесь похоронен мятущийся человек, большой человек, начальник Советской власти. Он хотел перевернуть землю, реки повернуть в обратную сторону, а цветы растить так, как он хочет. Я стар. Я не знаю, кто прав, кто виноват. Но этот человек носил на себе большую красную печать.

Басмачи — разбойники. Я не знаю, почему они убили его. Может быть, их послали горы, обрушивавшиеся на этого человека, ночь направила их руку?.. Вот его могила. У него была красавица жена. Хоронили его с медной русской музыкой.

Эта речь была построена достаточно хитро, туманно и цветисто. Я отошел от чайханы. Я знаю историю этих могил — они возникли при мне. Это было в самый разгар весенней кампании. Свежие поля. Сочная шелковица. Набухающая трава. Я в первый раз тогда получил урок распознавания растений — сложного искусства спецкора, политической ботаники полей.

Мы кончили обследование тракторного парка в окраинных кишлаках Кокандского района.

Мой спутник на крыльце разбирал свою сумку, перегруженную записями, бумажками, какими-то картами. Мы должны были ехать в соседний Бувайдинский район, центром которого был Уч-Купрюк.

Я вышел на дорогу и поднялся на пригорок, кончающий большое поле. Вечер спускался на поля. Вдали блестела вода рисовых посевов. Комары кружились над нами.

Из-за поворота дороги показался человек в черной шапке и черном пиджаке; я заметил красный бант, приколотый к его пиджаку. Он шел вдоль поля, внимательно его разглядывая.

— Добрый вечер,— сказал он на ломаном русском языке.— Смотрите погоду? Я тоже гуляю. Смотрю неважная картина. Ах, плохая картина!

Он подошел ко мне. Это был полный пожилой узбек высокого роста, в пиджаке и в кепке.

Вот наши поля,— сказал он.— Это Бувайдинский район. Как вам нравится этот район? Ах, джюда яман район!

— Я не вижу района,— неопределенно ответил я.

— Ты же смотришь район, товарищ!

Я посмотрел на поле.

— Я вижу поле. Шелковица. Горы. Хорошо...

— Угу! Вы все смотрите район из бумажек канцелярий. Вы видите только в резолюции райисполкома.— Он вспыхнул и выругался: — К черту резолюцию! Не смотри бумажку, смотри на воду. Ты видишь, гуза-пая — прошлогодний хлопок — еще не убран. Прелестная картина! В этой картине живая контрреволюция. Два дня, как я переброшен в Бувайду из Коканда. Я приехал и сразу сказал: «В этом районе слишком плохо пахнет». Значит, здесь кулаки и оппортунисты. Здесь нет работы, значит, плохие колхозы. Плохие люди.— Собеседник вынул папиросу, закурил и сказал, затягиваясь: — Я обошел полрайона. Мне не нужны бумажки. Дай, думаю я, посмотрю на поле. Я не видел трактора. Я не видел уполномоченных. Я видел гуза-паю. Помни мое слово — это плохая картина!

И он ушел в обратную сторону.

— Это был Халилов,— сказал мой спутник.

— Халилов?

Я слыхал про него. Старый большевик, краснознаменец. О нем говорили во всей Кокандщине. Если о человеке говорилось во всех чайханах, то он стоит разговоров. Это имя развешивалось на пуды авторитета.

— Халилов, Халилов... Он был героем в Красной Армии. Он не зря сейчас занимается хлопком в Бувайде...

Мой товарищ собрал свою сумку, и мы отправились к Бувайдинскому району.

Южная ночь спускалась быстро. Она нас застала в дороге у последнего кокандского кишлака. Мы не могли уже в темноте разбирать дороги. Темные силуэты деревьев стояли ровными рядами. Вдруг впереди заколыхались какие-то темные фигуры.

— Ким?! — закричал грубый голос.— Сизга нима кирэк?

И одновременно грянул выстрел. Мы ответили, ругаясь по-русски.

— Что иадо? Кто такие? — сказал тот же голос, и три человека подбежали к нам.

Оии схватили иас за руки, отобрали сумки и повели куда-то в темиоту.

В дальиейшем я помию иизкую комиату, освещеииую керосииовой коптилкой. За столом сидели бородатые узбеки в халатах и тяжело смотрели иа иас. Оии все быстро говорили по-узбекски, и мы ие могли поиять из их разговора ии слова. Потом вошел молодой узбек. Он посмотрел на иас, потом иачал рыться в сумках.

— Хоп! — воскликиул ои, смеясь.— Все в порядке! Не бойтесь! Наш колхоз и актив бедиоты поставили сегодня иочью заставу вокруг кишлака. Наш кишлак пограничиый. Наш райои — район сплошиой коллективизации, вы зиаете. На диях будет в райоие торжествеииый праздиик завершеиия сплошиой коллективизации. Но иаши баи-кулаки бегут за границу. Граиица кишит вооружеииыми кулаками. Они

убегают ночью, бросая дома. Мы по собствениой ииициативе решили задерживать их.

Я вспомнил иебывалый подъем колхозиой волны, охватившей Кокандский районн. Зверства кулаков были ей ответом.

Мы остались ночевать в колхозе. Из плеиииков мы превратились в гостей. На другой деиь мы ели плов и составляли предварительиую статью о Бувайдинском районе. Мне из иее запомнилось такое место: «Бувайдинский район следует считать иеблагополучным. Это резкий контраст с соседними районами сплошиой коллективизации. Неблагополучио иа полях и в иекоторых районных организациях. Задаиие по увеличению хлопковых площадей не выполняется. Тракторы МТС стоят без плугов, а конные ие используются. Кулачество, оргаиизуя басмаческие шайки, ведет бешеиую кампанию против колхозов. Близость гор и большая территория района создают благоприятные естествеиные условия для маневрироваиия бандитов»...

Мы вступили в Бувайдиский район и, проведя день в одном из кишлаков, иаутро отправились к Уч-Купрюку.

Войдя в него, мы увидели на площади странное оживлеиие. Стояли толпы дехкаи. Под деревом рыли две ямы. Через площадь пробегали люди с красно-черными повязками иа рукавах.

Нас ввели в райком партии, и мы увидели в небольшой комиате два трупа, лежащие на столах. Один из них был в черном пиджаке и с красиым баитом ордена на груди. Я узнал Халилова, красиознаменца Халилова, героя Красной Армии, переброшеиного иа хлопок.

Ои проводил собраиие колхоза в кишлаке Найман. Во двор примчались коиные всадники в масках. Одии из них остаиовился против оратора.

— Так вот он, Халилов! — сказал ои.— Ты организуешь колхозы! Хорошо же!

Кроме иего, убит молодой агроиом Алимов. Басмачи умчались к горам...

Вот все, что я знаю о происхождении двух могил на площади под громадным деревом в Уч-Купрюке.

...Площадь эта большая и зеленая. В тот вечер на похоронах она была наполнена колхозниками. Напротив чайханы у ворот плакала жена краснознаменца. Дул легкий ночной ветерок. Площадь была освещена фонарем трактора. Он рычал по-боевому, как машина, готовая к работе.

В широкой полосе света стоял на земле письменный стол. Стоя на столе, секретарь райкома, очень молодой узбек, дрожащим звонким голосом говорил молчащей толпе:

— Вот наша кровь, пролитая проклятыми бандитами. Они нас не устрашат. Мы создадим новые колхозы, мы отомстим убийцам. Но мы скажем прямо...— Он остановился и посмотрел на толпу.— Мы не знаем, кто пойдет с нами и кто нет.

Толпа стояла молчаливой стеной бледных лиц в снопе тракторного прожектора.

Потом голос плачущей женщины прекратился. Жена Халилова вскочила на стол.

— Я дочь дехканина,— сказала она.— Вы дехкане. У этих могил дехкане решают, с кем они пойдут.

Из-за райкома партии всходила луна. Мы сидели у чайханы, над мостиком. С площади расходились демонстрации колхозников. Они шли в халатах, босиком, ровно размахивая руками.

— Посмотрите,— сказал мне сосед,— этот человек — бывший ишан. Ишан — духовное лицо, все равно что мулла. Он несет красное знамя.

Я увидел полного человека, идущего во главе колонны мягкой качающейся походкой. У него было свежее лицо ребенка с будто приклеенными черными усами.

— Что же он, ишан, с красным знаменем? — спросил я.

— Может быть, все может быть, бывает и так.

Ишан шел с непроницаемым лицом, поднятым кверху, как святой и как знаменосец.

Он тоже был босиком и в халате.

Он одной рукой держал знамя, а другая размахивала, точно маятник часов...

На рассвете мы отправились в колхоз имени убитого краснознаменца Халилова. И хотели во что бы то ни стало на другой же день после похорон провести собрание колхозников и на не остывших еще следах убийц поднять возмущение колхозников против кулацкой расправы.

— Вы идете в неспокойный район,— сказал нам член райкома.— Сегодня район не выйдет пахать.

Это утро помнится мне тишиной, свежестью и рисом на полях. По обе стороны дороги блестела иногда вода рисового поля.

Над болотами в теплом пару кружились комары. Дорога была пустынная.

Ни одного прохожего нам не встретилось до полудня.

Моим спутником был Гулам Гафизов, узбекский писатель и спецкор газеты «Новая Фергана». Он носил красную бархатную тюбетейку и — под пиджаком — небольшой браунинг. Он был писателем, сыном старого мусульманина и большевиком. Он знал каждую тропинку Ферганы, в каждом кишлаке ему кланялись знакомые, из-за многих углов на него смотрели злые глаза. Его дороги проходили через взволнованные кишлаки. Он любил литературу и знал священные книги. Отец его был стекольщиком, и он был стекольщиком. Он проводил теперь вторую большевистскую весну. Так называли посевную кампанию в 1931 году. Его мать носила еще паранджу. В его сером пиджаке лежал партбилет. Он носил с собой анкеты и письма редакции и раздавал их корреспондентам в кишлаках. По их заметкам в кишлаках расстреляли несколько контрреволюционеров. Браунинг мог ему пригодиться.

Рисовые поля сменились невспаханными квадратами

земли. Кишлак показался на повороте дороги. От неизвестного свиста вдали мы вздрогнули. Пролетела птица. Я решил нарушить молчание.

— Товарищ Гафизов,— спросил я,— как вы стали корреспондентом?

Он посмотрел на кишлак, как будто не слушая меня.

— Сейчас будет Султан-кишлак. Я его узнаю, хотя давно-давно здесь не был... Вы помните вчерашнюю встречу?

— Похороны? Демонстрация? Ишан? Босой толстяк с розовыми щеками?

— Да, ишан.

— Откуда вы знаете этого ишана, Гулам?

— Приостановимся,— сказал Гулам, трогая меня за рукав.— Сегодня очень тихая дорога. Это мне мало нравится. Давайте не будем спешить к кишлаку. Прежде чем мы в него войдем, я вам должен рассказать несколько

интересных вещей о корреспонденте Гуламе и о Султан-кишлаке вместе. Это было двадцать лет назад. Не спешите, уртак Лоскутов. Узбеки говорят: волк, идя к западне, обдумывает каждый шаг. Может быть, сегодня, спустя двадцать лет, в Султан-кишлаке произойдет важная встреча. В воздухе пахнет кулаками, Лоскутов.

— Не делайте вступлений, Гулам.

Он засмеялся и замедлил шаг.

— Рисаля, товарищ, рисаля! Их пишут всегда с длинными вступлениями, так принято со времен Магомета. Рисаля — это по-русски, кажется, сочинение, трактат? Когда-нибудь вы, если сегодня кончится хорошо, напишете рассказ. Это будет уже тогда, когда вы вернетесь на север.

Мы посмотрели на далекие горы. Север не мыслился за ними. Жаркий туман обтекал вершины. Гулам сорвал ветку с ивы и замахал ею.

— Так что же сочинение?

— Ничего, коротко. Вы его назовете: «Дорога стекольщика и ишана». Или так: «Дорога Гафизова и Султан-кишлак». Вот жил-был мальчик Гулам, сын бедняка с окраины города Коканда. Они с отцом ходили по пыльным улицам и предлагали вставлять стекла. Представьте себе жару. На улицах невозможный зной, базары пахнут пловом, шашлыком, чехельдеками. Стекольщики глотают слюну, так как они ничего не ели с утра. Они ходят босиком и очень мало зарабатывают. Они кричат по-русски: «Стыкло, стыкло!» — и за ними гоняются ребятишки. Это несчастье: в старом городе не вставляют стекло. Там глиняные дома с дырками, стекла — это роскошь русских кварталов. Вспомните — дело происходило до революции... Впрочем, был один дом узбеков; этот дом знал весь город. Он был очень большой и важный, этот дом, и в нем были настоящие большие стекла! Этот дом принадлежал знатному ишану — богатому и святому человеку. Мы шли мимо, и я помню, как весь мир отражал-

ся в больших и суровых стеклах: Коканд дрожал в стеклах, в стеклах ехали арбы и шли прохожие. «Айна! Стыкло! — восхищенный, восклицал я.— Это не стекло, а сплошной заработок». И меня всегда тянуло схватить камень и кинуть в стекло: тогда нам бы дали заработать лепешку и кусочек шашлыка. Но сейчас душа мальчика пугалась, в стеклах исчезали дрожащие арбы и появлялся аллах и всякие страхи: там, за стеклом, жил ишан, известный и святой ишан.

Иногда, правда, нас звали в этот дом. Нужно было вставить, починить или обновить стекло. Мы работали прилежней обычного, как если бы мы вставляли стекла самому богу. Когда мы кончали работу и шли с черного хода на кухню, сюда выходил полный и розовый сын ишана, бросал нам остаток обеда и кусок лепешки — это все, что получали мы за работу...

Мы подходили к кишлаку. Гулам застегнул свой пиджак.

— Ну и что?

— Ну, ишан умер. Его сын стал тоже ишаном. Он уехал из города. Прошло много времени. Сын ишана перестал быть ишаном, помирился с Советской властью. А сын стекольщика стал спецкором газеты. История с превращениями. Добродетель торжествует. Рассказ с благополучным концом. Вам нравится?

Мы входили в широкую улицу кишлака. Она была пуста. Все двери были наглухо закрыты. Глиняные дувалы молча обступили нас.

— Нет, не нравится. Но мне не нравится и сегодняшнее утро. В воздухе пахнет кулаком.

Здесь, на повороте дороги, показался человек, и мы вздрогнули от неожиданности. Я увидел вчерашнего ишана, несшего знамя. Он шел все той же качающейся, мягкой походкой. Но сейчас он улыбался. Он был розов, с ослепительными зубами, с чистым детским лицом, на котором приклеены черные усы.

Я все понял: стекольщик опять встречался с ишаном у дверей Султана-кишлака. Вот идет продолжение рассказа Гулама. Я понимаю, откуда этот человек.

Ишан остановился и распростер руки.

— О-о! — сказал он радостно.— Трижды приятная встреча. Большие люди пришли в наш маленький кишлак. Нет, нет, не говорите ни слова! Вы будете говорить только после того, как выпьете у меня чашку чая.

И он схватил нас за руки и побежал вперед. Он открыл скрипучие ворота, и мы очутились за глиняной стеной в просторном, чистеньком дворике. Хозяин скрылся в задних дверях и вытащил ковер и подушки.

Он много и беспрерывно говорил. Я помню упоминания о посевной и вопросы о делах корреспондентов. Он на вопросы отвечал сам.

— Да, да, колхозы очень хорошо работают в наших краях! — И улыбка радости освещала его.— Плохи зато дела с урожаем урюка и яблок! — здесь грустная волна с быстротой пробегала по выразительному и здоровому лицу.

В нем было много лести, но и какой-то подкупающей искренности. Он успел сообщить на пороге о делах колхоза. Он сам — член правления колхоза и фактически первая голова в нем. О, он читает последние газеты и знает, что Большой Курултай в Москве сказал, что нужно вводить сдельщину в колхозы. Он сам вводит уже сдельщину. Можете написать это в газеты.

Он скрылся опять в дверях и наконец вышел оттуда с великолепным подносом гостеприимства: там были пышные лепешки, дынный мед, сахар, зеленый чай и кишмиш. Мы сидели на ковре. Хозяин был в халате и в скромной тюбетейке. Он опускал поднос, улыбаясь. В это мгновение между нами пролетело двадцать лет. Я вспомнил большой дом в Коканде, сына стекольщика, сидящего на кухне, и сына ишана, небрежно сующего ему лепешку. Как изменился мир: скромный жест, вдруг вос-

красивший двадцатилетие. Я думаю, что вспомнили это все трое. Я посмотрел на сына стекольщика, потом на сына ишана. У того чуть заметно дрогнули руки. Лицо его стало грустным, и он отвернулся. Вот точно, что сказал он тогда, отвечая моей мысли:

— Да. Я не могу быть первым в колхозе. И не должен. Я буду работать по мере сил. Я знаю: ко мне всегда вы будете иметь недоверие. Я рожден от проклятых отцов. Мы помним о моем прошлом. Я не заслуживаю доверия. Я это очень хорошо знаю. Не надо говорить. Пейте чай.

И он опять улыбнулся. Они говорили по-узбекски, ишан рассказал два анекдота. Потом он поднялся.

— Я сейчас,— сказал он и вышел в ворота.

Мы сидели спиной к воротам, не хотели оборачиваться. Ожидание показалось нам очень долгим и напряженным.

— Куда он исчез?

Кто же он — ишан или член колхоза? Но почему на улице нам встретился только он один, именно он? Я посмотрел на глиняные стены и вспомнил, что расстрел собрания колхозников произошел во дворе. У Халилова были красные, вздутые раны ниже живота. Он голый лежал на столе.

«Гафизов, сегодня неплохая погода. Куда ведет задняя дверь?» Наконец, спустя вечность, ворота заскрипели. Мы не обернулись. Хозяин остановился за спиной. «Раз, два, три»,— считал я...

— Ну вот! — воскликнул он.— Я уже был в правлении. Сегодня вечером будет созвано собрание колхоза. А жене я уже заказал плов. Вы ночуете у меня...

Мы увидели вопрос на его лице. Немного грустный, он ожидал обиды, отказа.

— Да,— сказал я скорее Гуламу, чем ему.— А сейчас идем в правление.

Мы вырвались на воздух, и за воротами остался двор

фантазий: все было спокойно, ехали арбы, за дувалами в поле работали колхозники. В правление мы шли по вспаханным бороздам. Дехкане взмахивали блестящими кетменями и громко здоровались с бывшим ишаном.

— Яхши-ми-сиз! — кричали они.— Хорошо ли вы себя чувствуете? Когда получим крупу и муку? Что слышно из города?

Хозяин весело улыбался и отвечал, что дела идут хорошо, мука будет, все в порядке.

— Нет, это не ишан,— сказал я.— Рисаля испорчена. Он стал хорошим колхозником, пользующимся авторитетом.

В низкой и тесной хибарке правления мы нашли трехногий стол, плакаты и председателя колхоза, молодого узбека, больного малярией. Он лежал на глиняном полу, завернутый в два халата, и тускло поводил глазами.

— Я не умею читать,— сказал он.— Я не знаю о сдельщине. Я болен. Мы созовем собрание, хорошо. Вы расскажете новые решения.

— Да, да, ты созовешь собрание,— сказал бывший ишан.— Товарищи из города сделают важные сообщения, как нам жить и работать. Так надо.

Я начинал понимать соль этой странной рисаля, которой мы были свидетелями. Дорога стекольщика стала важной и ответственной дорогой. Ишанов больше не было. Они беспрекословно подчинялись стекольщику, полпреду новой власти. Их жало было вырвано.

Я открыл дорожную сумку и вытащил газеты. Ишан подсел ближе. Председатель опять молчал. Гулам позвал бывшего ишана и вывел на двор. Тут председатель поднялся с пола, посмотрел на дверь и сказал, заворачиваясь в халат:

— Товарищ, в кишлаке нашем совсем плохие дела. Я не умею сказать. Вы посмотрите в поле и в дом... Вот все.

Гулам вызвал меня во двор, отвел в сторону и задумчиво провел сапогом по глине.

— Так,— сказал он.— Нужно от собрания отказаться. Мы не знаем еще, что за плов готовится нам на сегодня. Бесцельный риск никому не нужен. В кишлак мы еще вернемся поработать. Я знаю кишлак. Вы — нет. Сделаем так.

Мы провели беседу с правлением и попрощались.

У ворот на улице кишлака стоял бывший ишан, полный человек с черными усами, с грустной улыбкой на розовом лице.

Он каждый раз вставлял в нить рассказа перебои неожиданной откровенности и прямоты.

— Товарищи,— сказал он,— товарищи! Вы уходите? Может быть, вы поступаете правильно. Я знаю, чего вы боитесь. Я скажу вам так... Он посмотрел на нас пристально и показал нам рукой на поле: — Вот растет хлопок. Его грело солнце. Он думал, что вечно будет белым цветком. Потом пришла осень. Хлопок завял. Вот опять весна, он думает, что он еще хлопок. Опять посевная кампания, и ездят корреспонденты. Он опять белый цветок. А оказывается, нет — он только черная палка и называется гузапая, прошлогодний хлопок. Его сорвут и отдадут лошади. А вместо него будет новый, молодой хлопок, белый цветок. Может быть, я — палка. Пожалуйста. Вы правы. Мир вам... Ехали два человека на арбе. Один сидел в тени под навесом, а другого палило солнце. Тот, что сидел в тени, не верил страданиям другого и всю дорогу смеялся. А потом арба повернула, и первый попал на солнце. Он понял товарища. Но тот ему уже не верил... Арба давно уже свернула на другую дорогу. Ишан раньше жил в тени, теперь он работает в поле... Ладно, вас ждут дела. Я вам скажу, что басмачи от вас очень далеко. Все спокойно. Другое дело — вы не забывайте наш кишлак. Помощь нам нужна, работа плоха, партийцев, я вам скажу, мало, колхоз молодой, а я человек маленький...

Он махнул нам рукой. Мне показалось, что он смахнул слезу. Мы оставили его на окраине кишлака и вскочили в дехканскую арбу, едущую в район.

Дороги уже ожили, на полях сверкали кетмени. По дороге шли толпы загорелых мужчин, без рубашек, с вязанками за плечами. Они несли гуза-паю с полей. Район встречал весну.

В Уч-Купрюке мы пожалели о нашей трусости. Гафизов нашел корреспондента и поручил ему скакать в Султан-кишлак и провести собрание.

Мы отправились в город.

Последнее впечатление от Уч-Купрюка: я помню площадь под деревом, ровный треск за стеною. Это выкатывали тракторы с базы МТС.

Солнце шло вниз. Тракторы шли на ночную работу.

Мы сели в пролетку.

— Так где же конец рассказа? — спросил я Гулама.— Чего-то тут недостает, в этой истории стекольщика и ишана.

— Почем знать,— сказал он.— Ишаны живучи, а рассказы не всегда имеют одинаковые концы. Пока дорога стекольщика продолжается...

Мы уехали.

Наш районный корреспондент вскочил на коня. Он ехал в Султан-кишлак проводить собрание. Мы поехали в другую сторону — в сторону Коканда. Мы не видели больше корреспондента. В Коканде, в редакции «Янги Фергана», мы нашли от него письмо. Оно было спешно написано на измятом клочке бумажки и опять напомнило рисовые дороги Бувайды.

«Я не доехал до Султан-кишлака,— писал корреспондент,— по дороге я встретил бегущих людей. Большая тревога случилась в Султан-кишлаке. Через час после того, как вы ушли, на кишлак налетел отряд басмачей. Но он быстро улетучился, потому что приняты были

меры. Дехкане отразили налет. Мы знаем виновников этого налета...»

Да, мы знаем виновников налета... Так кончилась дорога ишана.

В заключение корреспондент сообщал об оздоровлении колхоза в Султан-кишлаке и вообще об учкурпюкских делах. Это были районные новости: найдены конные плуги для прицепа к трактору, произошли изменения в районном колхозсоюзе, приехал наконец районный счетовод...

БАНКЕТ В АКТЮБИНСКЕ

Несколько суток мы гнались за горизонтом. Но горизонт отступал и, отступая, оставлял нам только степь и ветер, а все остальное бежало, собираясь за горизонтом в толпы, они бежали от нас — города, деревья и люди.

Эта огромная степь шла до самого города Актюбинска, степные зарницы и ночные пожары трав бродили по земле, по небу. Черные тучи шли целыми караванами.

Под тучами, на пустой земле мы разжигали костры и кипятили чай, молча сжав зубы. Мы ничего не ждали от Актюбинска: увидев степной городишко, мы снова уйдем в степь.

Больше всех злился один хмурый водитель, ехавший с нами. Он был чудовищно подозрителен. Он полагал, что все люди, небо и земля сговорились напакостить его машине.

— Тонна перегрузки! — кричал он на остановках.— Смотрите, смотрите все: у меня прогнулись рессоры. Это он нарочно — завхоз — навалил мне два ящика сыру и полон кузов консервов. Я выкину его сыр! Я выкину консервы!

Когда он перегонял нас, он говорил, что мы остано-

вились нарочно, чтобы срезать ему дорогу, чтобы испортить тормоза.

В Актюбинск мы вошли днем, в ветер, и увидели следующее.

Около низенького дома стояли человек двенадцать стариков, выстроившись в две шеренги под аркой. Один из них был без руки, другой стоял на деревянной ноге, равняясь одной оставшейся ногой по шеренге и поднимая бороду, которую трепал ветер. Огромное внимание и напряженные лица поразили нас; старики готовились к какому-то необычайному моменту, затаив дыхание, следя за старшим. И вот, когда первый автомобиль наш поравнялся с толпой зрителей, старший махнул рукой, шеренга подняла вдруг винтовки и выстрелила в воздух, небо над городом загремело, и так как винтовки были старыми, то многие выстрелы отстали и лишь спустя некоторое время полетели вдогонку другим. Шеренга поставила винтовки к ногам. И тотчас же сбоку заиграл небольшой оркестр. Он играл в степь, и ветер трепал и рвал на куски марш; на улице оставались отдельные обрывки медных и торжественных звуков. Начался митинг.

Напряжение суток вдруг разорвалось. Бессонные ночи и степь мотали нас. Сейчас нам хотелось лечь на землю и забыть автомобиль. «Я выкину сыр!» — крикнул было где-то хмурый водитель, но сейчас же умолк. Мы не трогали даже пыль на наших лицах, и грязь падала с комбинезонов. Широкий город, положенный среди степи, продолжал бежать под нашими ногами, как детские сны. Мы шли по улицам, и улицы бежали, низкие деревянные дома бежали вдаль, плыли мимо лиц необыкновенные старики с ружьями, хотелось прислониться к дереву, но деревьев не было.

— В этом городе негде было бы даже повеситься,— сказал один водитель.

Так мы шли и ехали через город, и впереди гордо

шла шеренга с винтовками, причем все время я видел деревянную иогу, отмахивающую по земле такт с другими. Потом шеренга покрылась тумаиом и вдруг исчезла.

Мы прнехали на стоянку, к новому каменному дому. Он был высок и поднимался над городом, как скала. На крыше рвался красный флаг, домогаясь оторваться н улететь вместе с тучкамн, бегущими по небу. Мы ввели автомобили во двор. И вдруг перед нами опять появились страииые актюбннские старики — шеренга людей с винтовками. Они молчаливо, по неслышной команде повернули иаправо, пошли парами, разошлись и стали по углам, держа виитовкн на караул.

Захватив узлы и спустнв на машннах генты, мы отправнлись к дому. В этот момент двери открылись, и на двор вышла страиная процессня: парамн друг за другом шли жеищины, прнчем каждая из ннх держала в одиой руке ведро, а в другой, через плечо, точно ружье,

длинную щетку. Так они прошли по тропинке, проложенной в траве, обогнули автомобили, остановились сзади, потом поставили ведра на землю и молча стали мыть машины, мыть водой, соскребать грязь с колес, вытряхивать пыль из тентов.

— Идите, идите, товарищи! — крикнул кто-то.— Ступайте же за нами.

Нас ввели в просторный дом, там мы прошагали через коридоры и вошли в комнату, из которой валил пар. Это был горячий душ. Здесь у нас отняли комбинезоны и унесли стирать. Потом появились мыло, горячая вода, полотенце — степь и пыльная дорога, степные ветры спали с нас и исчезли в тумане. И вдруг мы очутились в роскошной необъятной комнате, похожей на оранжерею. Перед огромными стеклами окон стояло множество кроватей с чистыми простынями и одеялами. Все бросились на кровати, чтобы размяться. Мы гоготали и кричали друг другу какие-то смешные и непонятные слова, рассматривая стекла, чистый пол, белоснежные стены, и вдруг у дверей увидели опять стариков. У дверей — возле рядов кроватей — молчаливо стояли два человека в пиджаках, с винтовками к ноге. Они смотрели сурово и не мигая в воздух. Это нас смутило, и все притихли. «Кто вы? Что вы?» — хотелось нам спросить часовых, но никто не решался. Почему они стояли везде на нашем пути, почему мы видели их перед входом в залу столовой, перед машинами, в коридорах? Может быть, эти старики пришли из степи, из расстроенного воображения, мираж и сон?

— Кто вы, товарищ? — спросил кто-то тихо у одного.

Старик молчал и смотрел мимо нас, переминаясь...

— Зачем вы стоите? — решительно подступили мы тогда к нему.

Но старик супил брови и молчал. Он набирался воздуху, потом наконец прорвался, смущенно кашлянул в руку и открыл рот.

— Мы, товарищн, ие должны говорить, мы в почетном карауле и помннм устав караульной службы.— Он испугался н скосился иа дверь; дисциплина боролась в нем со страстиым желанием исполнить иашу просьбу.— Я ничего вам не говорю,— сказал ои иаконец нам твердо.— Я только скажу вам между иамн...

— Мы красиые партизаиы,— прервал здесь его другой, ие выдержав. Волнуясь, оин стали перебнвать друг друга.— Мы же красиые партнзаиы...

— Актюбниская организацня красиых партизаи и красногвардейцев,— гордо сказал другой,— иас тут сила. Оргаинзовали все загодя, за две иедели до вашего приезда. Две иедели мы ждалн колонну...

Прошли, как одни, военный строй.

— Жены нашн организовалн мойку там, стирку барахлишка.

Опять же постелн, ужнн, столовая. Город у нас, коиечно, вот маловат, товарнщн, против Москвы...

Но нам не удалось иа этот раз дослушать партнзан. За окном загудела машнна, н все, кому нужно было на почту, броснлнсь во двор. Несколько водntелей, журналнстов и иижеиеров влезли в дырявый кузов местного грузовика. Перед домом стояла толпа. Оиа смотрела на огромную карту, иарнсованную местным художнником,— маршрут каракумского пробега. Это была фантастнческая географня: моря красного цвета, земля фиолетовая, города переменнлись местами. Каспнйское море висело сморщениое, как резнновая колбаса, нз которой выходнт воздух.

Около карты стоял теленок с голубым ошейииком и терся о Каспийское море. Теленка нзо всей снлы мнлнцнонер гиал прочь. Мы поехали.

Выехав на главиую улицу, мы увндели сыпучне пески. Это были первые барханы, встреченные иамн в пробеге. Машнна прошла полквартала и завязла. Мы соскочнли и стали ее подталкивать. Оиа ие шла. Накоиец

нашелся кусок доски, который мы бросили под колесо, и автомобиль двинулся. Но, пройдя сажень, он снова завяз. На помощь нам бросились прохожие. Некоторые из них шли с работы, другие шли смотреть колонну, третьи просто вышли на улицу; город был возбужден, колонну ждали уже полторы недели и два месяца готовились к ее приходу. Партизаны маршировали по улицам, клуб чистился, женщины шили новые платья. Для сегодняшнего вечера, оказывается, были скуплены все цветы в Актюбинске.

Так, беседуя с прохожими и толкая перед собой машину, мы пришли к почте. Мы поднялись в темную конуру, которая оказалась телеграфом. Двери стояли открытыми, но телеграф был пуст. Мы могли унести стол, могли сами отправить любые телеграммы по всему свету, но появился сторож — босой старик в рубахе без пояса, с лампой в руках. Он сказал, что дежурный телеграфист побежал к нашей колонне, чтобы на самой стоянке открыть для нас отделение по приему телеграмм. За ним вдогонку была пущена девочка. Через две минуты телеграфное отделение вернулось. Оно состояло из раскрасневшегося молодого человека, кипы бланков, чернильницы и стула, который человек нес в руках. Все это было немедленно предложено нам, но вдруг оказалось, что на телеграфе есть одна ручка, но она без пера. За пером была послана девочка.

Мы вышли на улицу, когда уже стемнело. Мы отказались от грузовика и побежали к себе в клуб. Нас опять сопровождали прохожие. Весь город был осведомлен о новостях, интересующих нас. Они кричали, что дальше, за городом, дорога очень плохая. Ездил пробный грузовик. Он мог пробраться только за девяносто километров. Дальше идут пески.

В клубе ревел духовой оркестр, и зал наполнялся людьми. За столами собирался весь городской партактив, делегаты профсоюзов, красные партизаны.

По длинным коридорам фланировали люди в праздничных платьях и белых воротничках. Борис Николаевич, наш ученый, сменивший комбинезои иа чериую пару, спешил куда-то рядом с невысоким, коротко остриженным человеком.

— Вот наш иовый пассажир,— сказал ои,— директор Репетекской песчаной станции. Еще тут приехал одии товарищ из Приаральской станции...

Я взглянул на директора и вспомиил глухую станцию Закаспийской железной дороги, на которой шесть лет работал этот человек: научиая станция стоит посреди песков, где-то в самой большой тишине мира, она там занимается растениями пустыни. У ученого завязаио горло. Он простудился в степи. Ученый был радостно взволнован, видно, получил хорошие иовости с песчаной станции.

Я вошел в зал. Там все уже было готово к торжественному моменту. Ряды бутылок стояли, как войска перед сражением. На нашем конце стола сидели в ряд партизаны. Как главные оргаиизаторы вечера, они были по-хозяйски важны. Рядом со миой иедвижио, как стоят на часах, подняв головы и не произнося ни слова, сидели двое в вычищеиных люстрииовых пиджаках. Баикет начался, и шум заколыхался в зале. Против меня, рядом с партизанами, сидели хмурый водитель наш и Боковский, толстый и крепкий человек со шрамами на лице. Мы предложили партизаиам выпить за их здоровье, мы расспрашивали их об актюбииских делах и рассказывали анекдоты, они охотио отвечали «да» и «иет», смеялись и, в свою очередь, старались всячески развлекать нас. Хмурый водитель подмигнул мие и ахнул стакан водки, хотя и был уже изрядно «иа глазу».

Окно комнаты распахнулось, и ворвавшийся ветер помчал по столу песок с улицы и из степи. Партизан захлопиул окно.

— Город у иас степной,— сказал высокий парти-

зан.— Ветер кругом, город — как кол в поле. Когда мы дрались с Дутовым, степя были жесткие, зимой было дело. На ветру лицо в один момент обмораживалось. У нас здесь в организации народ со всего Казахстана и с Сибири.

Видно было: он хочет рассказать нам то, что его волновало. Он откашлялся и рассказал:

— Мы в автомобиле, конечно, понимаем на копейку. Но зато степь мы свою знаем. Много наших товарищей полегло за Актюбой, в заиргизских, в тургайских песках, да и где их не легло — от Урала до Байкала! Мы эти степи помним все наизусть. Тому прошло сколько лет; которые теперь на советской работе, которые в инвалидной кооперации. Жизнь в другое русло вошла. Но когда дошло до нас сообщение, что пройдет через наш город, это большое дело для Союза, пройдет колонна пробега,— все мы, актюбинские партизаны, как один, поняли, что наша труба опять трубит. Весь Советский Союз, сказали мы, смотрит сейчас на актюбинского партизана. Нужно сделать все, что необходимо будет колонне, когда она пойдет в степь. На машинах, признаться, мы ездили маловато, больше пешком да на конях... Но кто же ведет эти машины? Их ведут наши кровные товарищи. Когда-то мы четверо суток шли через степь, и винтовки держали помороженными руками, и ничего не ели, а пили талый снег, и нам негде было уснуть,— но то ж была гражданская война. Дутов наваливался, Средняя Азия отрезана, Урал горел. Горел! Я партизанил за Уралом, у Минусинска, в Сибири. Командир нашего партизанского фронта был балтийский моряк. Когда в Кронштадте произошла революция семнадцатого года, он взял командование над своим кораблем и привел его из Гельсингфорса в Кронштадт. Два раза он был ранен. Потом он пошел с экспедицией по Ледовитому океану, судно его погибло в океане, и он со спасшимися товарищами высадился у Енисея. Здесь его белые три раза

арестовывали, потом повели расстреливать и товарищей его расстреляли, а он, раненный в грудь и в ногу, уполз. В лесах он собрал четыре тысячи партизан, бился с белогвардейцами. За всю свою жизнь был он ранен, между прочим, ровно шестнадцать раз. Однажды его партизанский отряд под Огииском окружили интервенты. Здесь были побиты многие партизаны, и командир получил три пули в голову, одну в плечо, и одна разбила ему челюсть. Белогвардейцы тут окончательно окружили нас. Тогда он упал на землю и велел всем отступать и его приколоть штыком на месте. Партизаны стали плакать и уговаривать его, но он категорически велел исполнить приказание. Тогда один из партизан взял винтовку и приколол командира штыком насквозь к земле.

Партизан кашлянул в кулак и исподлобья посмотрел на слушающих. Хмурый водитель был то ли пьян, то ли взволнован, он моргал глазами. Боковский сидел с красным лицом, вытирая со лба пот и нервно крутя салфетку.

Откашлявшись, партизан продолжал:

— Его, значит, прикололи. Прикололи его штыком, но тут его судьба еще не кончилась. И вот сейчас он сидит рядом с нами, товарищ Иван Трофимович Боковский, бывший балтийский моряк,— вот он. Сейчас он едет в вашем автопробеге. И все товарищи его помнят, как его, командира Боковского, которого ни пуля, ни штык не берет, несли на носилках 1200 километров, отступая через тайгу в Монголию...

Хмурый водитель вскочил и побежал во двор. Боковский окончательно вспотел и не знал, что делать с салфеткой, и что-то говорил ей. Я вышел за водителем. На дворе была ночь. Из окон через ветер и пыль пробивались снопы света. Теленок еще стоял у карты и грыз уголок Каспийского моря, завернувшийся от ветра. Водитель вдруг выбежал на середину двора и стал ругаться неизвестно на кого в ночь, он ворчал, швырял из-под

ног камни, потом подбежал к своей машине, открыл почему-то капот и стал возиться в моторе.

— Сволочи, сволочи! Фильтры засорились,— сказал он мне.— Надо фильтры прочистить.

Когда я вернулся в зал, там партизаны качали Боковского. Он был тяжел. Партизаны поднимали и опускали его. «Ура, ура!» — кричали они, вежливо размахивая руками. Потом один партизан сказал речь:

— Мы хотим передать через пробег просьбу нашему правительству,— сказал он.— Пусть будут спокойны за актюбинских партизан. Они не забыли здесь своего дела и стоят всегда начеку.

После того выступил Борис Николаевич, торжественно поднимая тарелку.

— Товарищи! — сказал он в наступившей тишине.— Я должен вам сделать радостное сообщение. Вот первые огурцы и капуста, выращенные в песках нашей Челкарской станцией.

Тогда тишина прорвалась громом аплодисментов, и все закричали «ура». Это было необычайное «ура» огурцам и капусте наших пустынь. Мы приветствовали их все — водители пробега, ученые, актив степной Актюбы, шоферы местных троп, партизаны, прошедшие когда-то через пустыни с боями. А огурцы и кочан капусты поднимались над толпой, сияющие, как дюжина солнц, в дрожащих руках взволнованного ученого.

Так закончилась торжественная часть вечера, и начались художественные выступления. Директор железнодорожного техникума вместе с какой-то девушкой спел романс, который они тщательно разучивали две недели. Потом спела одна девушка. Представитель местных шоферов начал играть на баяне. Мы стали в круг, и бывший моряк и командир партизан Боковский, блестя автомобильными очками и стуча сапогами, начал кавказскую пляску.

СОБАЧИЙ ХАРАКТЕР

Днем на степной дороге, между Актюбинском и Иргизом, мы нагнали какой-то грузовик. Огромный допотопный «фомаг» был молчалив. Он глядел холодными фарами в степь. Открытую дверцу кабины раскачивал ветер. Облака плыли мимо грузовика над степью. Мы поравнялись с «фомагом» и остановили свою машину. Грузовик был пуст. Шофер сидел в стороне, на обочине дороги, спиной к машине, лицом к степи.

— Сволочь, последняя гадина,— говорил он.— Я с тобой знаться не хотел бы вовек.

Мы подошли к грузовику и заглянули под колеса.

— Должно быть, жиклер засорился,— сказал контролер, поднимая крышку капота.

— Не тронь машину! — крикнул шофер, оборачиваясь.— Не тревожь ее. Пусть стоит. Она характер выдерживает.— Он саркастически скосился на свою машину, потом обиженно отвернулся и плюнул: — Мерзкая кровь! У нее характер с зазоринкой.

Он был совершенно пьян. Пытаясь встать, он пошатнулся и схватился руками за бугор. Мы отбросили из-под колес грузовика песок, контролер осмотрел мотор, слазил под кузов — все в машине было в порядке. Водитель наш сел за руль, дал зажигание, мы обхватили сзади кузов, машина зарычала сердито и глухо, как цепной пес, но не двинулась с места.

— Ничего не выйдет,— спокойно махнул рукой шофер со своего места.— Я ее характер очень хорошо знаю. Пока не захочет, ты ей хоть кол на голове теши. Она мне всю жизнь истаскала. Ты думаешь, машина машине пара? Я всякие видал, глядишь — все одинаково: мотор, кардан, четыре колеса, а характер разный. Такой ведь больше нет на свете. Единственная.

Он встал, и ненависть отчаяния блеснула в его глазах. Видно было, как десятки разных чувств и желаний

боролись в нем. Шатаясь, он подошел к машине, лег поперек кабины и накрылся тужуркой.

— Я спать. Спать буду. Вот,— сказал он и вдруг заплакал.— Я не могу, товарищи,— сказал он опять, поднимаясь,— не могу, когда живого человека машина режет... Раз она не хочет, так теперь ни за что уже не поедет. Вы думаете, я с чего напился? У меня от нее тоска. Почему меня жизнь на «фомага» на этого бросила? Я от Актюбинска на нем семнадцатую остановку делаю. Иногда едешь на нем двое суток куда-нибудь, так хоть плачь.

Его вдруг осенила хитрая идея. Он сел за руль, пустил машину, но сам слез и пошел на траву. Он стал смотреть на степь и облака, пролетающие мимо на невероятных скоростях. Шофер зевнул:

— Ну тебя, хочешь — стой как истукан. Мне плевать.

Он даже сплюнул для равнодушия и отвернулся. Одним же глазом он коснулся назад, чтобы поймать намерения неприятеля. Но видно было, что машина не такая уж дура, чтобы дать себя перехитрить. Она теперь тоже начала дипломатничать. Когда шофер отходил, она начинала дергаться, фыркать, как будто собираясь пойти, когда же шофер оборачивался, она вдруг затихала и становилась смирной. Первым терпение потерял шофер. Он подбежал к грузовику и пнул его сапогом в бок, но здесь непонятно для себя вдруг оказался сам лежащим спиной на земле и увидел небо. По небу мчались облака. Шофер хотел заснуть, но вспомнил партнера и встал. Игра продолжалась.

— Ага, я понимаю, что ты хочешь сделать, аспид,— сказал он.— Ты думаешь, я пьян, так и лыжи на ветер. Ты хочешь, чтобы я заснул. Этот номер тебе никак не получится. Тебе не удастся вором уйти.

Видно было, что воображение его бешено росло с каждой минутой. Он подошел к кузову, вытащил оттуда веревку, привязал один конец за задний борт машины, а другим обвязал свой сапог и лег на траву. Теперь он ус-

покоился и накрылся опять курткой, чтобы уснуть. В это время подъехала задняя машина нашей колонны и тоже остановилась. Узнав, в чем дело, два инженера и механик слезли и подошли к грузовику. Они осмотрели машину, но не нашли в ней ни одной видимой причины остановки.

— Да нет, я ж говорю, характер в ней такой,— сказал шофер, не вставая с земли.

— Бес ее знает,— сказал инженер.— Нужно в моторе покопаться. Вообще-то ей полтораста лет, и она не идет, видно, от старости. В ней живого места нет. И нужно удивляться не тому, что она стоит, а как могут такие грузовики ходить и не рассыпа́ться по этим степям, болотам, канавам. Вы посмотрите, что за дороги — ад, ад, милые товарищи, что делается...

Мы сели в кузова, за руль, на подножки и поехали по дороге через степь, в холмы, падающие вниз и поднимающиеся к небу. Оглянувшись, мы вдруг увидели, что «фомаг» неожиданно задрожал и закачался, шофер сел за руль, и грузовик спокойно побежал по дороге.

ПОЕЗДКА В БАНЮ

Вечером мы все едем в баню, и к гостинице нашей подают местный грузовик. Он подкатывает, как тройка. Шофер выглядывает из кабины и смотрит, как кузов его машины наполняется шоферами и инженерами, людьми в автомобильных очках на фуражках. Автомобиль гудит, срывается с места и летит по улице.

Перед нами дрожит кабина. Мы видим, что шофер волнуется. Он дергает машину, опять выглядывает из кабины, плюет. Он мучается. Его распирают вопросы.

Наконец он оборачивается и кричит:

— Как тормоза?

— Хорошо, хорошо! Держат! Во всей колонне тор-

моза пока целы! — кричим мы и падаем, так как машина застопоривает и снова бросается вперед.

Шофер молчит, потом снова выглядывает из кабины.

— Как дюфера? Не клюют? спрашивает он.

— Не клюют, не клюют! Держи руль, а то свернешь к дьяволу! — орем мы сквозь ветер и цепляемся за борта.

Но мы знаем, что этим не отделаться. Мы кричим шоферу, как идут баллоны, как карбюраторы, как подсосы, не кипит ли вода, хороши ли спидометры. Потом инженер Великанов нагибается к кабине и просит водителя не задавать вопросов и не оборачиваться.

Шофер не оборачивается и нем как могила. Но муки автомобилизма еще терзают его. Машину, наполненную целым букетом шоферов, гонщиков и инженеров, вести приходится не так часто. Делать это обыкновенным образом было бы прозой. Шофер решает преподнести нам класс езды. Он дает четвертую скорость и полный газ Он задевает тротуар. Он бешено срезает дорогу извозчику, отлетает к противоположной стороне улицы так, что мы падаем друг на друга.

— Он убьет нас, дьявол! — говорит водитель Кузнецов.— Вот я несчастная личность! Думал поехать в баньку, а тут без ребер останешься. Лучше пешком пойти.

— Стой! Стой! Машину рассыплешь! Сбавь скорость! — кричим мы шоферу.

Но он не слышит, и машина, круто завернув в переулок, задним бортом ударяется о столб, потом пролетает две сажени и вдруг останавливается. Шофер выглядывает из кабины с торжественным лицом. Но на свете для него нет лавров. Мы равнодушны.

— Какой ты парень, однако! — говорит один водитель.

— Сам учился ездить-то? Или батька научил?

— Вы, товарищ, не гоните машину с неположенной скоростью,— говорит инженер Великанов.— И вообще следует знать правила езды.

Шофер отворачивается и берет стартер. Но машина не идет. Он подходит к радиатору и заводит мотор — машина молчалива. Инженеры и шоферы соскакивают, осматривают машину, садятся за руль, заводят мотор.

— Вот! — говорит шофер, сплевывая.— У ней всегда так. Как здорово разгонишь, карбюратор захлебывается.

Водители пускают машину. Она идет два шага и снова останавливается. Тогда мы все слезаем и идем в баню пешком.

— Ну ее! Страшно не люблю на автомобиле ездить,— говорит водитель Кузнецов, старый автомобилист и гонщик.— Куда лучше пешечком по погодке пройтись. Да. И боюсь я их, ну ее, шею сломаешь.

РЕЛЬСЫ

Не доезжая до моря, мы встретились с караваном из Челкара, пересекавшим пустыню.

Встречи караванов освящены тысячелетиями. Их традиции непреложны, как прибой волн; сперва надо поговорить о здоровье дальних путешественников, потом поделиться новостями, затем отправиться дальше по своим тропам. В данном случае не было отступления от законов.

Сперва смуглые и бородатые вожаки остановили ослов и верблюдов. Как волхвы, с посохами в руках, они подошли к нашему каравану, отвесили нужные поклоны и спросили по казахскому закону: «Как здоровье ваших животных?», скосив глаза на фары машин. Мы также сперва справились о здоровье верблюдов и затем перешли к самочувствию хозяев.

Потом караванщики сказали, что давно уже не читали свежих газет, и попросили поделиться «Казахстанской правдой». Мы дали пачку газет и завели моторы.

Волхвы же поехали своей дорогой, сидя на ослах и разворачивая перед собой листы с последними новостями мира.

...Мы ехали вечером. Пятые сутки под колеса мчались степь, кочки, потрескавшаяся земля.

— Посмотри, что это? — крикнул мне товарищ.

Вдалеке мы увидели огонек, двигавшийся к нам. Потом показались две темные фигуры.

— Сюда, сюда! — донес к нам ветерок их голоса.— Сюда! Мы ждем вас уже четыре часа. Тут есть хорошая дорога.

Мужчина и женщина подбежали к машине и стали пожимать нам руки.

— Кто вы такие? — удивились мы.

— Мы со станции. Полустанок, пост наш, он там.

Они показали руками назад, и мы увидели контуры каких-то будок. Оказывается, мы блуждали около самой железной дороги. Колонна разорвалась, задние машины отстали где-то за горизонтом, в буграх.

Потом мужчина и женщина бежали впереди, высоко поднимая фонари, чтобы осветить нам дорогу.

— Как мы ждали!..— кричали они.— Читали в газетах... Осторожнее, канава! Идите за нами.

И вот они вывели нас к полустанку. Здесь не было ни заборов, ни деревца. Десять машин, качаясь и гремя на буграх, проследовали за мужчиной и женщиной через дворик; прошли между курятником и помойной ямой, задели веревку с бельем, потом обогнули домик полустанка и прокатили по земляному перрону. На фасаде полустанка в свете фар блеснул маленький колокол.

— Отправляй поезд, дежурный,— пошутил один водитель.

Машины сошли с перрона и удалились. Меня командор попросил обождать отставших.

Мы стояли у станции. Спустилась ночь. Казалось, что все вещи мира исчезли. Я боялся двинуть ногою, чтобы не оступиться куда-нибудь и не потерять фонари-

ка «летучая мышь». Стало холодно. Подул ветер. Странные звуки послышались вдалеке: точно катал кто-то ржавые консервные банки. Мне захотелось, чтобы кто-нибудь заговорил.

— Ничего не видно,— сказал я в темноту.

Мне никто не отвечал.

— Что это, ветер? — спросил я, но опять без ответа.— Что это, ветер? — спросил я, подбежав к мужчине.

— Что вы? Да, да, ветер,— удивился мужчина.— Больше некому. У нас оттуда никто не приходит.

Потом женщина сказала, что она была несколько лет назад в Москве — это хороший город.

— Планетарий построили? — спросила она.

Опять загремели банки.

— Планетарий построили.

Мы стояли в темноте втроем, и мне казалось, что меня опустили в банку с чернилами. Я решительно ничего не видел, кроме болтающегося в воздухе фонарика. Темноту мне хотелось ощупать руками. Сколько времени уже это продолжалось? Я решил, что колонна ушла другим путем, а меня покинула среди пустыни.

Здесь ветер качнул фонарь, и на одно мгновение вдруг под ногами сверкнул кусок рельса. Холодный и, как всегда, строгий рельс убегал во тьму. Я обрадовался рельсу, как другу, про которого почему-то забыл раньше. Мне вдруг захотелось сесть на корточки и держаться за эту ниточку, по которой можно прийти к живому миру. Это смешно, но я нагнулся и потрогал рукой железо.

— Неужели по этим рельсам можно дойти до Москвы? — спросил я.

Я представил себе Мугоджарские горы, берег моря, пески, оренбургские степи — по ним всё бегут и бегут рельсы. В конце находится моя квартира и площадь Большого театра. А такие вот маленькие станции раз-

бросаиы на гигаитской этой грудн земли, точно маленькне спичечиые коробки. Мужчина не поиял меия.

— До Москвы, конечио, можио,— удивнлся ои.— А как же, поезда ведь ходят. Правда, онн у нас редко остаиавливаются.

«Поиятио, поиятио,— подумал я.— Рельсы эти связывают людей полустаиков».

Жнвя на лннии, можно чувствовать своих товарнщей справа н слева, как бы плечо к плечу, и это единая цепь большой дружбы.

Я попросил иапнться, н женщнна ввела меня в дом. Прн свете лампы я увндел стены, оклеенные порыжевшнмн «Известнями», комод, раднопрнемник. В комиате оказалнсь еще люди. Какой-то старнк нграл на гнтаре. В кроватн лежал мальчик.

— Четыре дня ои ждал вас н бегал в туган. Для иего такое иесчастье: вы прншлн иочью.

Мальчик спал. Над кроватью виселн автомобнльные очкн, сделаииые нз бумагн. Я напился воды, снял свои шоферскне очкн, повеснл их над мальчнком и вышел. Ветер опять налетел, залязгалн банкн н закрнчалн какне-то голоса.

— Что это? — спросил я.

— Шакал. Шакал бесится, паршнвая собака,— сказал мужчниа.— Онн тут всё норовят стащнть что-нибудь.

Вдруг иебо засветлело от зарева, н послышался шум машнн. Шла колоина. Мужчина и женщина снова побежалн иавстречу.

— Нужно помочь на дорогу выйти,— говорилн онн.

Я встретил машины. Два человека снова проводили нас через свой двор, н долго ветер доносил к иам нх крнкн.

ТЕНЬ ИНЖЕНЕРА ПАНЮКИНА

История необыкновенных похождений Сени Панюкина будет понятней, если заглянуть в папку секретаря комитета автопробега Москва — Каракумы — Москва, в папку, которая содержит в себе многочисленные заявки и просьбы на участие в пробеге. Перед пробегом эта папка пухла по часам. В нее летели заявления из Коломны и Ленинграда, из Винницы и с острова Сахалин. Старые и молодые люди писали просьбы, предложения и проекты. Все хотели ехать, независимо от своих сил и возраста. Говорят, что Панюкин, молодой инженер, который назван здесь вымышленной фамилией, фигурировал в папке секретаря сразу в нескольких вариантах. Он предлагал себя пробегу в качестве контролера, специалиста экспедиционного повара и фотографа. Он выступал с бумажками от имени местной секции Автодора, от Латышского клуба и от редакции журнала «Охотник». Его упорство оправдывается горячим и бескорыстным желанием во что бы то ни стало увидеть своими глазами Каракумы. Если бы он был на восемь лет моложе, он удрал бы от родителей и побежал за колонной пешком. Но здесь случилось иначе.

Близ города Горького в колонне был обнаружен «заяц». Молодой застенчивый человек в очках и с длинной шевелюрой, зачесанной вверх, сидел в автомобиле и близоруко смотрел по сторонам. Когда его спросили, какую функцию он выполняет в пробеге, он скромно назвал себя представителем. Это подействовало на его соседей, и этого хватило до следующей остановки колонны. Но нельзя непрерывно сидеть в автомобиле. И когда различные участники пробега поинтересовались подробностями, он погубил себя универсальностью. С точки зрения искусства самозванства он совершил необдуманный, незрелый шаг. Одному он назвал себя представителем Автодора, другому — контролером, по третьей же версии он оказался

механиком по ремонту. В Горьком контролера, механика и представителя позвали к командору.

— В Москве накануне старта я вам последний раз отказал в месте,— вежливо, но убедительно сказал командор.

— А я поехал,— ограничился Панюкин скромным констатированием факта и покраснел.

— Прощайте,— сказал командор.

И они разошлись в разные стороны. Но в Казани им пришлось опять встретиться. На одной из машин был обнаружен человек, который называл себя чуть ли не вице-командором, хотя эта вакансия была уже занята с избытком: в колонне было три вице-командора.

— Вы на свои деньги вернетесь в Москву? — спросил командор.— Или вам дать на билет с плацкартой?

— У меня нет денег. Вот все, что у меня есть.

Панюкин показал узел, сделанный из двух носовых платков и заключающий в себе книгу, кружку и рубашку.

Нужно ли говорить, что в Чебоксарах, и в Самаре, и в Оренбурге эта история повторялась почти дословно? В Чебоксарах Панюкину удалось получить у завхоза комбинезон, ватник, котелок и синие очки. Он надел их с гордостью, точно рыцарь, наряжающийся в кольчугу и панцирь. Он стал уже своим человеком в колонне и перестал стесняться. Он лазил под автомобили, мазал себя машинным маслом и с особенным удовольствием давал населению сел и городов объяснения по поводу колонны.

— Это импортные машины, это вот наши опытные трехоски,— говорил он,— а вот гордость нашей колонны — шина-сверхбаллон. Смотрите, какая она толстая.

Население смотрело на Панюкина с бо́льшим восхищением, чем на толстую шину. Сеня был доволен.

Все дело в том, что в колонне было двадцать три автомобиля, в которых сидело сто человек, и это было вроде небольшого леса, в котором легко мог прятаться Сеня

Панюкин. То ли забывали о нем сообщить всем ста человекам, то ли были какие-то другие неувязки на ходу, но, во всяком случае, скоро к Сене Панюкину все привыкли, как привыкли к проселочной дороге, к сигнальным гудкам, к доктору Нечаеву, к обгорелому на солнце носу вице-командора Катушкина. Как-то случилось, что Сене стали даже поручать дежурства по колонне, по охране и по хозяйству. Сеня цвел. Он выполнял свои обязанности строже, чем все остальные дежурные, лихо резал колбасу, сурово будил по утрам каракумцев и делал им жесткие и внушительные выговоры. Однажды вице-командора вдруг посетили какие-то неясные воспоминания о Сене, и он спросил его что он, собственно, делает в колонне.

— Я? Я? — изумился Панюкин.— Я заведую оформлением колонны.

Здесь же вдруг оказалось, что в колонне присутствует еще один заведующий оформлением, но так как тот тоже оказался «зайцем», то его немедленно и с позором выгнали. Оформление осталось за Сеней, и, чтобы как-нибудь оправдать эту обязанность, Сеня начал рисовать плакаты с лозунгами и развешивать их на автомобили. Плакаты были отменно плохие, всем надоели, и все были довольны, когда Сеня незаметно свел вывешивание их на нет.

В Оренбурге судьба резко повернулась спиной к Панюкину. Командор поймал Сеню и строго спросил:

— Вы еще здесь? Зачем вы едете?

— Как так?! — удивился было Сеня.— Я агитработник и заведую...

— Положение с грузом в колонне очень тяжелое. Мы списываем с пробега ряд участников, чтобы на машинах поуменьшить вес,— сказал командор.— Вы тоже немедленно отправитесь обратно.

— Я хочу ехать в пустыню,— ответил Сеня.

До самого Ташкента молодой человек в очках и с шевелюрой вращался вокруг колонны, как некая туман-

ность, как спутник планеты. В городах он первый встречал колонну, стоя среди толпы, у арки, в комбинезоне, с воодушевлением размахивая фуражкой и узелком с книгой и кружкой. При стартах по колонне отдавался приказ осмотреть все машины — нет ли где-нибудь Сени Панюкина. Колонна бежала от него в ужасе, все-таки зная, что он опять обнаружится среди каракумцев. В Актюбинске он еще раз получил деньги на железнодорожный билет до Москвы, и, когда колонна покидала город, один из трех вице-командоров отвел Сеню за руку в противоположную сторону и, дав сигнал колонне трогаться, вскочил в свою машину и умчался. Сеня сел на поезд и тоже поехал в Ташкент.

Свидание командора с Панюкиным в Ташкенте кончилось так:

— Если вы еще раз покажетесь в колонне — вы будете арестованы. Соответствующие органы предупреждены о вас.

— Я...

— Если вы еще раз придете упрашивать меня, вы будете также арестованы. Прощайте...

Где-то близ Чарджоу было получено письмо от среднеазиатского филиала комитета пробега, в котором сообщалось, что некий молодой человек угрожает покончить жизнь самоубийством, если его не возьмут в колонну. Он худеет на глазах членов комитета, он мучает всех; нельзя ли помочь ему и комитету? Командор ответил телеграммой, которая была кратка и сурова...

Все это я вспомнил для того, чтобы показать небольшую частичку энтузиазма, окружавшего колонну. В нем есть смешное и трогательное. Тут ничего не преувеличено. Я не бросаю камень в Сеню Панюкина и даже жалею, что мы вошли без него в пустыню. Я ходил между рыжих холмов, окружавших колодец Дахлы, в середине пустыни и вспоминал роговые очки Панюкина. Он был энергичен и работоспособен. Такие люди нужны там,

где природа упряма, зла и сопротивляется человеку... Мы с товарищем погружали свои сапоги в песок, поднимались на песчаные сопки, опускались в молчаливые котловины. И вдруг мы невольно вздрогнули...

Перед нами появились темные очки Сени Панюкина и сам Сеня, с узелком и шевелюрой, с загорелым лицом и широченнейшей улыбкой!

— Послушайте, Сеня,— произнес один из нас,— если вы тень инженера Панюкина — тогда вы, конечно, ничего не весите и вас возьмут поэтому в колонну. Но если вы не тень, тогда мы ничего не понимаем.

— Я не тень! Я... приехал... в автомобиле уполномоченного Туркменсовнаркома... Навстречу вам! — захлебываясь и сияя, кричал Панюкин.— Я не тень. Шесть дней ехали!.. Нас десять человек. Я организовал встречу... Инженер Амелин... Автомобиль... Красноводск...

И он убежал за машиной, крикнул еще напоследок:

— Командор ничего не скажет. Все равно меня здесь некуда девать — пустыня!

ПОСЛЕДНЯЯ МАШИНА

Утром я вышел на улицу. По мостовой шел отряд пионеров. Впереди шагал барабанщик. В окне сидела кошка и зевала. На углу чистильщик сапог пел песню. Росло дерево.

— Все кончено,— сказал я.— Пустыни больше нет.

Я еще раз ощупал себя и посмотрел по сторонам, нет ли барханов под ногами,— может быть, сейчас нужно будет лезть в кузов за лопатой. Из-за угла выехал грузовик. Мне захотелось побежать за ним, чтобы подтолкнуть сзади. Но в грузовике ехали рабочие-тюрки, они спокойно сидели на мешках с хлопком, свесив босые ноги. Грузовик быстро промчался в переулок и скрылся в пыли.

Я перешел улицу и зашагал к порту. Замечательный мир открывался передо мною! Мир, в котором есть мостовые и кошки, пыль и музыка, мальчишки гоняются за собакой, железнодорожники идут на станцию, в порту ревут пароходы, женщина кушает помидор — лучшая из женщин толстая, как баобаб, с улыбкой, как солнце! Это был прекраснейший из городов, маленький Красноводск. Он похож на стакан воды, первый стакан воды после жажды. Стоит город, слышен шум, ходят люди.

Значит, все кончено! Кончились барханы, солончаки, кончились консервы, водная комиссия, колодцы. Это удивительно — я мог идти по дороге, не отыскивая следы. Я мог купить газету, мог зайти в музей, выпить лимонаду, искупаться в море... Я выбрал музей. Пройдя через площадь, я остановился перед домиком с колоннами. Это был музей памяти двадцати шести бакинских комиссаров. В него вела низенькая дверь, свежевыкрашенная белой краской, она пахла маслом. Я толкнул дверь и вошел в переднюю.

На скамеечке сидела девушка с черными волосами.

— Вы хотите осмотреть музей? — сказала она.— Нужно начинать вот с этой комнаты. Здесь развешаны экспонаты

о Кавказе в революцию и войну. Вот газеты и воззвания того времени. Вот снимок Баку...

Я прошел комнату и шагнул в следующую. Бакинские комиссары взглянули на меня со стен — Степан Шаумян, Джапаридзе, Арсен Амирян... Их строгие лица были обрамлены трауром.

...Это было много лет назад. Бакинских комиссаров привезли в этот городок. Ночью в Красноводске совещались англичане с эсерами. Ночью повезли комиссаров в пески, высадили за станцией Перевал и повели расстреливать. Пески были холодные. Шли туманы.

— Вот очки,— показала девушка.— Их недавно нашла на том месте одна экскурсия. Они принадлежали одному из комиссаров, он обронил их при расстреле.

Она показала ржавые очки в футляре. Я вышел.

Во дворе нашей базы я застал оживление. Каждый занимался своим делом. Люди чистили брюки. В будочке покупали лимонад. В кладовой получали чемоданы, шли на телеграф. Один брился, другой надел галстук и теперь на крылечке писал письмо в Москву. Профессор Н. забирал с машины вещи, чтобы уехать в Ташкент. Мне захотелось повидать нашу двадцатую машину. Я разыскал ее в шеренге автомобилей. Она стояла, тихая и спокойная, под навесом. Я вспомнил, как мы ехали на ней по дну высохшего озера Сарыкамыш, стоя на крыльях и прислушиваясь к стуку ее мотора. Мне захотелось погладить ее, как лошадь погладить и похлопать по спине. Ее трудно было сейчас узнать — на колесах не было песка, сбоку не висели доски и канаты, из кузова исчезли лом, бочки, лопаты. Как хорошо — пустыни нет! Что же дальше?

В домике столовой заиграла музыка. Она играла военный марш. Там начинался банкет. Люди входили в домик. Трубач давил на щеке комаров и крутил трубою. Столы опять стояли рядами, как солдаты. Двор понемногу опустел. Музыка играла какую-то сюиту, и «Кармен», и «Черные глаза». За окном почернело. В домике зажегся свет, про-

бежал распорядитель. Теперь все были в сборе, и музыка заиграла туш.

— Товарнщн...— сказал председатель райнсполкома, и стал слышен стук иожей и вилок.

Ножн и вилки мы виделн давио — по ту стороиу пустынн. Теперь оин опять леглн перед намн стройными шеренгамн иа белых скатертях. Почти те же бокалы и салфеткн, внноград, и даже те же тарелки с надпнсью «За общественное питаиие», и те же лица за столом.

Вице-комаидор стоял н говорнл что-то, блестя золотыми зубами. Он продолжал, кажется, ту же речь, которую иачал в Казанн. Ему хлопалн. Стоял шум, и ннчего не было слышно. Началн качать комаидора, потом вице-комаидора. Он снял в воздухе, как воздушный шар.

Инжеиеры восседали в свежнх воротннчках. У другого конца стола Аркаша Костни собнрался танцевать лезгннку. Передо мной сидел Шебалов, ои откупорнвал бутылку... Опять начался марш.

В сторонке, у окиа, я увндел шофера Суркова н вспомннл разговор у костра ночью, возле колодца Чагыл. Это был скромный парень, вечио державшнйся в стороне, у своей машниы; одет он был в трусы, гимнастерку н в мягкую войлочиую шляпу. В таком виде он вошел в колоину.

...В колоине воднтель Сурков заиимал не совсем обычиое место.

Машнна его шла сзади всех — старый автомобиль, не входнвший в состав пробега. Автомобиль этот прннадлежал ашхабадскому гаражу серного завода. Серный же завод стоял в центре пустынн, а Ашхабад — на другом ее конце, и какими путями машина прншла в Хорезмскнй оазнс — неизвестио. Командор согласнлся взять с собой машину до Красноводска, она радостно загудела своими сигналамн н пошла.

Был это скрнпящнй, выцветший грузовик, закоптелый и чериый, как тендер паровоза. На боках его была иари-

сована цифра «26» — номер его гаража. С этой цифрой он совершал свои рейсы где-то там, к центру песков.

Он отставал на каждом шагу, и колонна боялась его потерять. То у него лопались покрышки. То засорялся карбюратор. То в радиаторе кипела вода. То случалось что-то неизвестное, отчего он стоял и не двигался с места. Тогда Сурков открывал капот и терпеливо лез в мотор, и под мотор, и под кузов. Колонна уходила вперед, и Сурков оставался один в пустыне.

С его машины сняли часть груза и послали вперед. Но грузовик не хотел идти впереди. Мы пролетали мимо «серного форда» — он всегда стоял в стороне по частям: с него были сняты баллоны, болты, гайки, бензинопроводы — все это лежало на песке.

— Опять «фордишка» зацепился! Не обронил ли мотор по дороге? — кричали водители, проезжая мимо и придерживая тормоза, чтобы высказаться.— Цепляйсь, парень, довезу!

Сурков высовывал из-под машины голову, мокрую от масла и пота, и без обиды смотрел на пролетавшие мимо него сверхбаллоны и трехоски.

На стоянки он приезжал после всех, когда костры догорали, бензобаки были заправлены, а суп был сварен и съеден. Рассказы подходили к концу. Месяц поднимался и снова опускался. Тогда приезжал Сурков. Он ставил свой «форд» в сторонке, очевидно, из уважения к трехоскам, вытирал своей шляпой пот со лба и лез в мотор и под кузов. Потом он доставал сумку, вынимал из нее сухую лепешку. У колодца Чагыл к нему подошли два водителя. Колонна спала. Это было под утро. Мне помнится бледный и холодный рассвет, начинавшийся в тот час за песками. Перед колодцем Чагыл лежал холм — братская могила красноармейцев. Ветер стремительно сметал с ее гребня песок и нес в пространство. Далеко на бледной пустыне стоял куст; он казался всадником, монахом, сгорбленным человеком, идущим неизвестно куда.

— Ты нзвнин за своего «форда», товарнщ,— сказал водитель.— Ты нзвнин, ио ои идет по-свинскн. Нужио бы тебе что-то прндумать, пареиь...

Сурков вниовато улыбиулся н подвннулся у костра. Ои уважал хорошие маркн машни и хорошнх шоферов.

— Коиечио,— сказал ои,— старый «форд» ие трехоска. Вот трехоска — да, хорошая машина. А потом — мне бы баллон: у меня все покрышкн изорвались, далеко не пойдешь. Вот была у меня машииа. Нет ее...

Ои вздохиул н посмотрел иа углн. Там шипелн н метались искры, какие-то дьяволы сталкнвались друг с другом и улеталн к иебу.

— Что ж, покрышка... Покрышка — нежиый предмет. Она как штиблет, когда в городе. Здесь, прн чрезвычайиых обстоятельствах, обувь ие соблюдаешь. А тебе не приходнлось так ндти, иа спущениых, вообще иа диске, без воздуха? Вот тогда ты скажи, что ты шофер. А?

— На спущеииых покрышках? — Сурков посмотрел на шофера.— Был у меня случай, зиаешь ли, одии...

Тогда он рассказал случай из своей жизии. Этот краткий н простой случай произошел с ннм в глубиие пустынн, на трассе Ашхабад — Серные Бугры.

Вот история шофера Суркова. Демобнлнзоваиным красиоармейцем ои прншел в ашхабадские гаражн серного завода. Ему далн пятитоику — ЯЗ-5. Посадилн за руль н послали в пустыию. В пустыие ои проработал два года, вывозя серу нз цеитра Каракумов к железиой дороге. Два года ои вндел пустыииые ночи, костры, Серные Бугры Зеагли, колодцы Бохордок, Иербент, Зеаглнйскую радиостаицию. Два года он подбрасывал саксаул под колеса, спал иа кошме, пил чай из кумгаиа. Я говорю — иочи, потому что ои, как миогие водителн в песках, предпочитал ходнть ночью, когда иет жары, когда «снлы велики, звезды высокн, вода недорога, а песок крепче». У Суркова был товарнщ — помощиик шофера Хвостнков. Это был такой же скромиый человек, как н шофер н нх работяга ЯЗ-5. Две вещн любнл

Сурков — своего помощника и свой ЯЗ-5. Триумвират этот спаялся на серной трассе. Он освящен был бивачными кострами и звездным небом. Вместе они страдали на барханах, вместе спешили к Ашхабаду, и, когда выходили на фашинную трассу, старый ЯЗ-5 радовался вместе с шоферами и рычал, как победитель.

Можно привыкнуть к пескам, как к табаку. Можно любить автомобиль на бархане, и Большую Медведицу, нависшую над двенадцатью срубами колодцев Иербент, и часы, когда по голым пескам пустыни шуршат колеса, когда вокруг — необыкновенные леса, ветки-тени, оленьи рога и вообще кругом творится что-то непонятное. Мне неизвестно, нравилось ли именно это Суркову и Хвостикову, и совсем так, как здесь все это описано. Они шоферы, и шоферская «песковая работа» в жизни труднее, чем кажется. Когда Суркову и Хвостикову говорили: «Сыпьте на завод», они садились за руль и ехали, и каждая поездка была как боль-

шой бой. Он продолжался от четырех до десяти суток. До Бугров шла «фашинная трасса», начиненная хворостом, но это был миф, разрушавшийся под колесами. В глубине пустыни машины ломались и исчезали в песке.

Однажды они несколько дней тащили ЯЗ-5 на руках, и по радио из Зеагли все время говорили, что их все еще нет, а из Ашхабада спрашивали, куда же они делись. А в это время посредине два полуголых человека подталкивали автомобиль, который посерел от беспомощности и стыда.

— Ничего! — кричал веселый помощник Хвостиков.— Ничего, что мы не пили второй день. Зато уж в Ашхабаде дадим отпойную. Полведра чистой за нами.

Он хитро подмигивал, и всем становилось весело.

Однажды они заблудились и потеряли дорогу, кружили всю ночь, а утром оказались на дороге.

— Так и следовало ждать, сказал Хвостиков.— Я сказал, ЯЗ выведет,— он дорогу нюхом чует. Эту машину вместо собаки можно поставить дом сторожить.

Как-то они ехали на серный завод. На день остановились в Ербенте, чтобы к вечеру выехать дальше. С ними ехал уполномоченный Союзсеры товарищ Шишкин. Это было в очень неспокойном году, когда в пустыне, кроме рева моторов, частенько гремели и выстрелы. Несколько машин было сожжено басмачами, а их шоферы остались в пустыне навсегда.

— Ерунда, ничего не слыхать что-то уже сколько времени,— сказали шоферы и залили бензин в баки.

С закатом они выехали с такыра. Необъятная плоскость с мачтой и дымками осталась сзади. Машина въехала в кусты, пошла подыматься на холмы. Сурков зажег фары.

— Дай-ка я сменю тебя,— сказал Миша Хвостиков,— а ты поспи в кузове.

— Ничего, ты сам вчера не спал. Иди поспи, потом сменишь!

Помощник стал на подножку и закурил, уполномоченный сел рядом с Сурковым.

— Вот какая пустыня — кусты,— сказал он.

— Мы скоро побоку эти кусты. Довольно поездили! Ты, Миша, что будешь делать, когда с серной трассы уйдешь? Я в гараж пойду.

— А я тоже в гараж. Примуса починять. Квартиру найму. Ты будешь приходить. Я патефон заведу. Галстук надену. Жизнь!

Он сплюнул папироску в сторону, посмотрел на бегущий песок, зевнул и полез в кузов. Через десять минут Сурков взглянул за окно кабины и вдруг увидел: из-за длинного бархана справа ровно, цепочкой вдоль всей гряды поднялись черные шапки.

...Они стояли в каких-нибудь пятнадцати шагах и провожали автомобиль. У Суркова похолодели ноги. Он моментально выключил фары и переключил скорость. Он чувствовал твердое подбрасывание — под колесами были фашины. Нужно, чтобы их хватило километра на три, тогда машина уйдет. Теперь, без света фар, было видно, что цепь людей лежала за барханом и целилась из винтовок в автомобиль. Первый выстрел попал в окно кабины, разбил стекло и ударился в стену. Потом стали стрелять очередью.

— Мишка! — обернулся на миг Сурков.— Ты не спишь? Вставай! Мишка, Мишка!..

И дал газ. Машина теперь звенела и дрожала от предельной скорости.

Тогда стали стрелять в колеса. Они стреляли, целясь по очереди, так как автомобиль шел вдоль цепи. Но шофер чувствовал — все покрышки целы, машина держит ровно. Она оставляла позади себя цепь шапок, и спереди их осталось всего четыре.

— Ну, ЯЗ,— сказал Сурков,— ну, выноси, ну!

Три шапки остались. Потом две. И вот последний человек в цепи прицелился и выстрелил. Передняя покрышка порвалась, тот выстрелил еще раз, и Сурков почувствовал,

что обе покрышки спустили и машина села на правый бок. Но она продолжала идти, рвать фашину, скакать без покрышек, на дисках, потом вдруг сошла с фашин, села в песок и зарылась.

— Мишка, Мишка! — крикнул Сурков и открыл левую дверцу.

Справа бежали басмачи, Сурков соскочил налево, за ним побежал Шишкин.

— Должно быть, Мишка соскочил раньше,— сказал Сурков, прыгая в кусты.— А может, он там еще.— Потом вдруг подумал по-шоферски: «Не выключил мотор», но вспомнил, что — глупость.

Цепляясь за кусты и проваливаясь в песок, они отбежали метров за сто и сели отдышаться. Пригнувшись к земле, они чувствовали запах холодного песка. Теперь здесь было тихо, дорога скрылась в темноте за буграми, черные тени кустов стояли вокруг них толпой, как люди, остановившиеся прислушаться. Там, в стороне дороги, загремели какие-то тяжелые удары, еще продолжались выстрелы, доносились голоса; люди, пришедшие из ночи пустыни, овладели железной машиной, советским пятитонным ЯЗ-5. Потом голоса стихли.

— Они идут сюда,— сказал уполномоченный Суркову, и они снова побежали.

Далеко уходить нельзя — можно потеряться в холмах. День застанет без воды и без пищи. Спереди же дорога и басмачи.

Опять послышались удары. Потом огромное зарево осветило небо над песками.

Всю ночь до утра Сурков и уполномоченный проходили по барханам, боясь выйти на дорогу. А утром, в стороне на дороге, зарычал грузовик. И когда новый огромный автомобиль победно вылетел из-за бархана и пассажиры увидели двух человек перед радиатором и стали их спрашивать, те не могли ничего произнести.

Их отпоили водой. Тогда они рассказали о ночи. Проехав

полкилометра, они увидели на песке груду металла и досок. Изуродованная, почерневшая пятитонка ЯЗ-5 лежала молчаливо, как труп. Передние колеса зарылись в песок. Тормоза были отпущены и мотор еще теплый. ЯЗ-5 работал до последней минуты, как боец, как честный автомобиль, он все хотел преодолеть песчаный вал.

Миша Хвостиков лежал тут же, в двух шагах, с простреленным черепом. Помощник шофера был мертв, и ему, как и всем мертвым людям, больше не нужен был патефон. Его положили в кузов и прикрыли шинелью. Сурков посмотрел на помощника, на ЯЗ-5 и отвернулся.

Он остался один.

Приехав в Ашхабад, он пошел в больницу. Его положили в нервное отделение. Там было скучно. Он вернулся на работу, но не мог больше ездить ночью. За Иербентом нужно в одном месте проезжать мимо разрушенной пятитонки ЯЗ-5, лежащей при дороге. Каждый рейс по два раза — это слишком много для человека. Проездив еще полгода, Сурков ушел с линии и перешел в ашхабадский гараж.

Любит ли человек дни, отмеченные барханами, звездами пустыни, неудержимыми автомобилями, подминающими пустыню под колеса? Сурков жил в городе, в гараже, в комнате, и когда к нему приходила пустыня, он смотрел просто, как человек, отдавший ей свою дань.

Когда же автопробег приблизился к берегам каракумских песков, чтобы еще раз победить их, Сурков не выдержал и помчался в Хорезм. Вот вся история шофера Суркова, ведшего последнюю машину в нашей колонне.

Вечер еще продолжался долго. Оркестр продолжал играть, потом устал, и трубы свалились изнеможенные. Над белыми скатертями, пронзая папиросный дым, еще горело электрическое зарево. В окна заглянул ветер и ушел обратно в красноводскую ночь.

Потом говорили тосты, и все стало проще.

Потом спели песню и еще пели песни.

Шоферы и инженеры размахивали в такт руками, за-

тягивались папиросками и снова пели об Украине и любви, слова простые, как земля и небо.

Потом где-то раздвинули стулья, чтобы начать танец Шамиля, потом кто-то крикнул еще один тост. Он говорил о победе и победителях и напоминал о сотнях километров, оставшихся еще впереди. Но, глядя на лица товарищей, все поняли, что время бежало. Мы сидели на последнем полустанке, на котором люди увязывают чемоданы, чтобы разойтись. Завтра Ковалев и Данович уедут в Ташкент. Профессор Берлинг вернется для обследования староречий Амударьи. Ботаник Гранов вернется к ботаническому саду. Шофер Сурков отправится с машиной в ашхабадский гараж. Перед нами же ляжет путь на Москву.

Потом кто-то поднялся и сказал два слова о тех, кто открывал каракумские тропы, кто остался там...

И все вспоминали скалы, с которых мы вчера спустились, и подъем Сары-Баба, и колодцы Чагыл и Дохлы, братские могилы и высохшие тропы и многое другое. И о тех, кто сегодня и ежедневно открывает эти тропы.

Тогда все встали, и музыка играла марш траурный, потом бодрый, потом все пели «Интернационал», который вылетел в окно, как прибой. Шоферы стояли и пели «Интернационал», и среди них стоял Сурков, смущенно прижимая к себе войлочную шляпу.

Я вышел во двор и вдруг увидел огромную стену, стоящую за домами,— это были скалы. А вверху сверкала Большая Медведица, нависшая одновременно над двенадцатью срубами колодцев Иербент и над морем, над городом, лежащим у самого краешка среднеазиатских республик, и над скалами, за которыми лежит огромная пустыня. Там, где-то за тысячу километров, лежал сейчас сожженный ЯЗ-5. Здесь, в маленьком домике с освещенными окнами, у подножия скалы, пели «Интернационал» шоферы, только что пересекшие пустыню.

Еще в окно был виден Сурков: он сидел за столом, держа руками тарелку, как руль, и по временам войлочной шляпой

вытирал смущенное лицо. В ночи где-то продолжался еще рев машины, пробивающейся через пески, продолжался ЯЗ-5 и автопробег, и падали еще очки с лица бакинского комиссара, и тысячи незаметных точек-людей на огромном материке, лежащем за нашей спиной, поворачивали по-новому старую Азию.

РАССКАЗ О МОЛОДОСТИ

Утром странный человек ходит по крыше. На фоне зари он похож на фотографию, снятую контражуром. Он в ночной сорочке и в брезентовых сапогах со шнурками. Холодный ветерок раскрывает грудь и треплет мягкие волосы. Человек стоит и смотрит. Дело происходит в день выхода нашего в пустыню. Под ногами человека простираются ночные тени развалин древнего Куня-Ургенча. Солнце появляется из-за глиняных крыш, из-за минаретов, из пустыни. Оно освещает серые глаза и маленькие усики человека.

Люди, спящие на веранде, просыпаясь, замечают солнце, крышу и человека на ней.

— Профессор! Что вы там делаете? — кричат они, натягивая на себя синие и желтые комбинезоны и подбегая к холодной воде колодца.— Доброе утро, профессор!

— Доброе утро! Я привык вставать рано. Вот рассматриваю солнце. Ожидается нынче хороший день.

Каждое утро он встает раньше всех, он долго ходит вдоль шеренги холодных автомобилей. Он с самой зари занят самыми разнообразными делами: на холмах он собирает какие-то травки, стругает палочки, пристраивает какие-то баночки, прибивает гвоздики. Он ходит и тихо поет романс, какую-то старую песенку, известную только ему одному, пожилому, седеющему человеку.

Он похож на наших автомобилистов, громких и разговорчивых, сверкающих историями и анекдотами, с голосами хриплыми и раскатистыми, точно рев автомобильных гудков.

Самая большая и заманчивая загадка пустынь Каракумов лежит в нескольких километрах к юго-западу от Хорезмского оазиса. На научном языке это называется проблемой Узбоя. Цепь впадин, состоящая из высохшего русла Кунядарьи, высохшего озера Сарыкамыш, высохшего русла Узбоя,— сложный и романтический узел, волновавший многие головы в течение многих веков.

Большая среднеазиатская река Амударья бежит от границ Индии к Чарджую, мимо земель бывшего Бухарского ханства, через азиатские пески, к Хорезмскому оазису. До этого места все обстоит сравнительно нормально, но здесь начинается проблема, которой посвящены научные исследования, легенды, рассказы и стихи. Река здесь, в древнем оазисе, поворачивала в сторону от Аральского моря, уходила в пустыню и втекала в Каспий.

Но несколько столетий назад река снова вернулась в Арал, а ее западное русло высохло, точно рука, пораженная проказой.

...Колонна каракумского автопробега приближалась к границе двух пустынь и системе высохших впадин, пересекая Хорезмский округ и каракалпакский город Ходжейли, чтобы в туркменском городе Куня-Ургенч оторваться от культурной полосы оазиса и уйти в пески Туркменской республики.

Ночевка в Ходжейли происходила в саду, в высокой траве на берегу пруда, среди тополей и оросительных канавок. Толстыми восточными одеялами участники пробега отгораживались от неба, наполненного звездами, от журчания воды, от высоких деревьев, стерегущих пруд. То ли комары слишком звенели над ухом или ночь была очень душна, но из сна как-то ничего не получалось. Он летел прочь, а на его место приходили разговоры о бывшем хозяине этого сада — одном из богачей Хивинского ханства, о каких-то гаремах и слишком восточных вещах. Кто-то заметил, что это одна из последних ночевок в оазисе. Тогда все вспомнили, что лежат почти рядом с пустыней. Им пока-

залось, что она находится за деревьями, и сон окончательно убежал.

— Через два дня мы увидим Кунядарью. Я возьму в гербарий ветку саксаула, растущего на дне русла,— сказал научный работник, сбрасывая одеяло.

— Сто лет назад об этом можно было мечтать,— ответил ему товарищ.

И они заговорили о флоре сарыкамышских солончаков.

Они были талантливыми учеными, руководителями видных научных учреждений, но все же они были молоды, и романтика так чувствовалась в их словах, что казалось, будто они собираются срывать для своих гербариев неприступные альпийские розы.

— Бекович-Черкасский погиб в оазисе, может быть, в этом же саду,— сказал молодой писатель.— Предок хозяина сада был феодалом, беком и воином, породившим нынешних басмачей.

Писатель не раз бывал в пустыне и три года работал над книжкой, в которой добросовестно рассказывал о проблемах Каракумов. Он знал все скучные и веселые тропинки каракумской истории, читал отчеты многочисленных экспедиций и ясно представлял себе людей, мелькавших в академических сборниках: Карелин, Коншин, Молчанов, Дубянский. Это все ученые-исследователи, приходившие и приезжавшие на верблюдах к высохшим впадинам и одиноким колодцам, чтобы сделать сухие и точные отметки о найденных ракушках, составе почвы, растений. Многие из этих людей давно ушли, оставив лишь краткие и микроскопические заметки, другие дали огромные труды по таким практическим и специальным вопросам, что на их изучение потребовалось полжизни. Такова, например, книжка профессора Н. об ирригационной сети Амударьи, о характере и всех хороших и дурных привычках этой замечательной реки.

Когда молодой писатель собирался уже под утро заснуть, он увидел небольшого человека с маленькими усиками, идущего по траве к баку с кипятком. Человек был в серой

мосторговской рубашке и держал в руках какой-то мешок и жестяную кружку. Это и был профессор Н.

— Вставайте, вставайте, друзья! — сказал он научным работникам.— Я уже приготовил себе закопченное стеклышко. Ведь на сегодня назначено затмение солнца. Оно в оазисе должно быть прекрасно видно! Впрочем, ваши синие автомобильные очки еще лучше...

Он выпросил у кого-то очки и, протерев их платком, побежал смотреть на солнышко.

Целый день он делал какие-то записи, потом ходил вокруг машин и осматривал их, как привык осматривать караван, везущий его в пустыню. Он видел в своей жизни разные караваны: мексиканских лошадей и туркменских верблюдов, калифорнийских ослов и африканских слонов. Караван машин ему понравился. Он, довольный, уселся на машине и начал раскладывать вокруг себя пожитки. Так он приехал в Куня-Ургенч.

Человек стоит на крыше и смотрит на развалины города Куня-Ургенч, на песчаный туман, в который уйдет через три часа экспедиция.

Человек этот разглядывает пустыню, как собственную комнату. Сколько видано солнц в пустыне, сколько троп, сколько переходов!

Двадцать пять лет назад он бродил в песках Калифорнии и Мексики. Он знает все пустыни мира. С 1913 года он путешествует в Каракумах и Кызылкумах. Шесть лет он прожил в дореволюционной Хиве, в оазисе, руководя ирригационными работами на Амударье. Колорадо и Аму, саксаул, ковбойские седла...

И вот еще раз солнце встает над пустынями мира. Ветер и песок бьются о брезентовые сапоги со шнурочками. Москиты оазисов, полевая сумка, туркменские верблюды, калифорнийские кактусы, полынь белой земли, анобазис, трава солончаков... Куда сегодня поедет ученый, чтобы открыть тайну, которую он пытался разгадать в течение десятилетий?

Двадцать лет иазад он заиялся капризиой рекой Аму. Ои изучал ее привычкн, ее ирригациоииую сеть, ее высохшие русла, уходящие в пустыию. Профессор Н.— автор проекта орошения Каракумов. Этот проект граиднозен до головокружеиия. Система высохших русел Куиядарьи, Узбой, Сарыкамышская впаднна иаполияются водой. Сдержнваемая геиеральной плотниой у Тахиа-Таша, часть Амударьн поворачивает в Каракумы. Открывается судоходство по Узбою и Кунядарье.

В иизовьях Узбоя протяиется озеро длиной в 150 кнлометров. Сарыкамыш стаиет гнгантом-озером в 7000 квадратных километров. Это геиеральиый плаи. А плаи завтрашиего дня — обводиеине Узбоя и Западной Туркмеиии плотииа у Тахиа-Таша. В декабре 1932 года Госплаи СССР одобрнл проект, но предложил обследовать и другне проекты.

Профессор присоедиинлся к автоколонне, которая поедет к сухим руслам Кунядарьи н Сарыкамышской впадние.

Вечером мы пнехали к Кунядарье. Крутые песчаные

обрывы преградили автомобилям дорогу. Весь вечер и всю ночь мы поднимали машины на крутой берег древнего русла. Профессор бегал в толпе и тянул за канаты. Ведь здесь еще не ходили морские суда; вода, запроектированная профессором, еще не билась о песчаные берега. Профессор вместе с другими бегал по дну бывшей реки, проваливался в песок, ломал сучья саксаула и бросал под колеса автомобилей. Корабли еще не пришли. Профессор вынимал из кузова свою бутылочку с пайком воды и выливал несколько капель на пересохший язык.

— Я лично знаю семь случаев гибели людей от жажды,— говорил он.— Четыре в Калифорнии, три в степях Казахстана... Запомните: гибель наступает в результате двух дней и двух ночей ходьбы без воды...

Остаток ночи проходил в тупом, бредовом сне. Машины уже у колодца Декча, но я не могу вытолкнуть из себя ночь, пытаюсь прекратить нелепые сны с автомобилями...

Я открываю глаза. Человек идет по гребню холма в брезентовых сапогах и серенькой кепочке. Он давно уже кипятит чай на треножнике и хлопочет вокруг костра, как хозяйка. Все окружающие завидуют его аккуратности. У нас сахар валяется в шапках, галеты пропитаны бензином, сгущенное молоко едим с песком и пылью. Профессор же окружил себя целой системой баночек и коробочек. Он быстро приспособился к автомобилю, достал множество консервных банок, пробил в них дырочки, привязал веревочки и подвесил банки к крышке кузова. Чай, соль, сахар, конфеты висят в воздухе, не бьются, не попадают под тяжелые бочки и ящики.

Журналисты лежат у его костра и мучат профессора вопросами. Профессор разгребает рукой песчаную площадку и строит рельефную карту. Я помогаю производить земляные работы и по его указанию воздвигаю рукой огромные дамбы и возвышенности.

— ...Вот здесь будет плотина. Здесь Кунядарья выходит к Сарыкамышской впадине.

Я послушно делаю Сарыкамышскую впадину. Песок уже накален и обжигает руки. Мы вспоминаем семь случаев профессора Н.

— Два дня в пустыне можно жить без воды? — спрашиваем мы профессора.

— Да, но почему вас интересуют эти трагические предметы? — говорит профессор.— Вы молоды и романтичны. В действительности жажда — паршивое, совершенно неинтересное чувство. Лучше бы ее не испытывать. Так как она — профессиональный спутник пустынника, то приходится побеждать ее опытом, тренировкой, режимом. Что тут особенного? Нужно всячески поддерживать работу слюнных желез. Можно сосать ремешок, камешек. Стараться делать меньше движений. Это так же скучно, как тренировка боксера, как массаж. Это так же, как северный человек спит на морозе. Но ведь бывают случаи отмораживания ног. Я не вижу ничего страшного и особенно в пустыне. Мне приходилось жить месяцами в обществе пары индейцев или мексиканского проводника. Скалы. Песок. Кактусы. Это обычно и привычно, как трава в степи. Пустыня — ужас? Ерунда! Кто провел жизнь здесь, знает, что пустыня — это очень просто. Киргиз — пошлите его в леса — погибнет. Требуется режим, спокойное отношение к вещам. Вы пьете целый день, как лошади. Я же выпиваю несколько глотков лишь до восхода и после заката солнца. Однажды мне пришлось в пустыне Кызылкум пройти в двадцать дней расстояние от одного колодца до другого...

Этот человек как бы вышел из книжки Фенимора Купера. Не бродил ли профессор Н. в Махавской пустыне или где-нибудь в долине Колорадо? Он был в брезентовых сапогах, с лопаткой и дорожным мешком. Тогда еще не было перед ним хорезмских проблем, не было каракумского пробега — было утро в Калифорнии, молодой Н. был техником-топографом. Вот маленькая история на тему о природе и людях.

Ему было поручено произвести съемку береговой линии

залива Бахия-де-Тавари. Он отправился туда с парнишкой-мексиканцем — проводником...

Человек уходит в пустыню. Он молод и поет песни. За плечами у него лопатка, теодолит, веревка. Он шагает к заливу с проводником. Сзади идут две лошади с грузом воды и пищи.

...Они не рассчитали, что береговая линия изрезана заливчиками, глубоко уходящими в материк, и путь по берегу получается гораздо длиннее, чем они думали. Они считали — 60 километров и взяли запасы на четыре дня. За шесть дней они сняли 20 километров, но не дошли еще и до середины пути. Дело происходило перед рождеством. Утром два градуса холода, днем — жара, как сейчас... Все походило на рождественский рассказ, какие печатались в американских газетах. Два человека погибали в пустыне, так как у них не хватало запасов, чтобы вернуться назад, и еще меньше было надежды дойти до конца. Они выпили последние пол-литра воды и отправились вперед. На седьмой день одна лошадь пала, а другая, понурив голову, едва плелась сзади. Мексиканец хныкал, пел рождественские псалмы, падал и хныкал. На восьмой день приближалось окончание двухдневного срока пребывания без воды, когда вдруг они увидели благополучную концовку рождественского рассказа. На горизонте показалась палатка кентуккийца-фермера. Спотыкаясь, они бросились к палатке. Мексиканец запел псалмы, которые перестали быть похожими на проклятия, а напоминали уже благодарственную песнь...

Здесь молодой Н., впервые узнав горечь пустыни, во втором акте должен был отведать доброту человеческих отношений: подойдя к палатке, он откидывает полог и вместе с лошадью входит внутрь. Ангел-избавитель появляется посреди палатки в виде огромного детины с свирепой рожей. С сигарой в зубах он сидит и читает газету. Рядом с ним стоит ведро с такой изумительной водой, что лошадь ржет от восторга. Кентуккиец не подымает глаз.

— Что вам угодно? — спрашивает он, продолжая читать газету.

Н. приподымает шляпу:

— Добрый день! Мы восемь дней скитались по пустыне и умираем от голода и жажды. Не будете ли вы добры указать, где мы сможем достать воды и немного пищи.

— Пожалуйста,— отвечает фермер, толстый собственник, владелец воды, сердито сдвигая губами сигару,— в шести километрах к востоку отсюда находится лавочка, где вы найдете все, что вам требуется.

Путники благодарят. Они — джентльмены. Н. берет лошадь под уздцы и ведет ее так, что она задевает ведро, оно падает, и вода льется по палатке.

— Извините,— говорит Н., еще раз приподымает шляпу и уходит с лошадью на воздух, прочь из палатки.

Проклятый кентуккнец!..

В это время костер профессора догорел, угли зашипели под убегающим из кастрюли кипятком, и профессор пошел готовить бульон, покинув рельефную карту. Мы увидели брошенные каналы и неосуществленные плотины, по которым бегали ящерицы. У наших ног сейчас лежала миниатюрная копия системы Узбоя, в то время как в ста саженях перед нами возвышались и уходили за горизонты настоящие обрывы сухих русел, террасы и ямы, поросшие редкими кустами саксаула. Нам показались они сейчас такими же одинокими в пустыне, как их маленькая копия. На далеком обрыве чернела древняя сторожевая башня, покинутая столетия назад. Только стоя посредине пустыни, у бесконечных высохших рек, можно понять все огромное упорство людей, пытавшихся в дореволюционное время добиться оживления умершей страны. Нужно было переделать весь мир и вызвать сначала к жизни какие-то иные силы, которые могли бы переделать этот желтый неподвижный океан. Эта работа была не по плечу ни армиям поручика Бековича, ни тщедушному российско-хивинскому ханству оазиса.

И поэтому вся дореволюционная работа профессора над Амударьей походила на само течение этой упрямой, но бессильной перед песками реки. Умиравшее, чахнувшее хозяйство оазиса требовало генеральной реконструкции реки. Река давала жизнь целому созвездию городов и районов. Но бедневшая страна, из которой высасывались последние соки, не только не могла мечтать об оживлении пустынь, но и сама являлась анахронизмом. В стране ездили на ослах и верблюдах. До средневекового ханства русские чиновники добирались по Амударье на туземных лодках в течение месяца. В тугаях свирепствовали тигры, а в городах и аулах — хивинские нукеры, уводившие девушек для ханского гарема. Венцом транспортной техники здесь была конная колесница, подаренная хану еще послами императрицы Елизаветы.

В это время в оазисе появился неугомонный человек с серыми глазами, на совсем необыкновенной колеснице. Первый автомобиль в Хорезмский оазис был привезен в 1914 году Владимиром Владимировичем Н. Это была машина старинной системы «комник». Ученый решил заменить традиционного верблюда бензиновым мотором. Он сел в огромный громыхающий кузов и поехал в пустыню. Первый рейс был совершен из Туркуля в Шейх-Абаз-Вали. Когда рычащая колесница прибыла в глиняный восточный городишко, людские толпы облепили крыши и балконы домов, весь базар сорвался с места и побежал как сумасшедший. Две женщины были раздавлены в толкотне. У профессора хранится сейчас пожелтевший снимок, на котором машина системы «комник» в Шейх-Абаз-Вали окружена беснующейся толпой, готовой раздавить машину вместе с ученым и его проводником.

В песках автомобиль буксовал. Тогда ученый придумал смелые рационализаторские мероприятия. Он взял пилу и отпилил заднюю половину кузова для облегчения веса. Ездил он всюду со своим старым проводником, туркменом Баба. Когда автомобиль начинал буксовать, Баба вытаски-

вал тридцать метров плотной материи и расстилал ее перед автомобилем, а ученый давал газ и взлетал на бархан под неистовый гром, окруженный облаками дыма.

Это был автопионер в пустыне. Одинокая машина металась по пустыням Хорезма в тщетной суете. Пустыни молчали. И совершенно так же, как на берегу Калифорнийского залива никто не дал усталым путешественникам глотка воды, так теперь, на берегах Каспия и Арала, никто не мог дать воды великим умершим рекам.

Со времени фотографического снимка в Шейх-Абаз-Вали прошли десятки лет.

Командор дал сигнал и велел колонне автомобилей возвращаться назад. Перед нами стояла неприступная стена обрыва, уходящая к горизонтам.

— Повторяется история у Бахия-де-Тавари,— засмеялся профессор.— Там мы бродили вдоль залива, не зная его очертаний. Здесь мы должны также обогнуть берега северо-западного залива высохшего озера Сарыкамыш, очертания которого никому не известны. Но нам нечего бояться. Мы великолепно технически вооружены, а сверхбаллоны легковых машин могут проходить везде, как по воздуху.

Командорская машина загудела, за ней последовали другие. Вой хриплых гудков поднялся над долиной, ударяясь в уступы каменной стены, стоящей перед колонной. Колонна спустилась обратно в Кунядарью и поднялась на противоположный берег.

Перед закатом солнца автомобили подошли вплотную к огромной отвесной стене Устюрта. Она поднималась на пятьдесят метров к небу и уходила вправо и влево к горизонтам. Ничто не нарушало тишины скал. Только внизу два десятка крошечных машин ползали блестящими точками, обходя ямы и провалы. Проклятые высохшие каменистые русла преграждали дорогу. Сотнями черных змей они расходились со стены, встречаясь все чаще и чаще. Машины перешагивали через ямы, скрипя и охая, подпрыгивая и подбрасывая седоков к крышам тентов. Стена

вдруг резко завериула направо, и за поворотом иа земле открылось множество трещин, извилин и провалов. Колонна смешалась, разбилась и рассыпалась по долиие. Люди бежали у машии, перетаскивая автомобили через ямы. Они бежали весь вечер и часть ночи, уходя толпой огней во мглу каменистой долины.

Ночью мы увидели Сарыкамышскую впадину — высохшее озеро. Внизу, в ночи, за ямами и оврагами, белело что-то огромное, как туман. Это были солоичаки — дио залива, где не ступала еще нога человека. Обессилевшая колонна притаилась у стены. С солончаков бежал ветер, раздувая пламя костров, осыпая людей искрами. За кострами белела иеизвестность. Ночью профессор Н. взял лопатку, веревку и ушел к Сарыкамышской впадине.

Человек опять шел в пустыию. В брезеитовых сапогах со шнурочками прошел мимо костра терпеливый профессор, нагруженный веревкой и лопатой, пожелал нам спокойиой ночи и, тихо ступая, чтобы не разбудить спящих иа земле людей, скрылся в темноте. Ветер доиес его шаги из оврага и стук осыпающейся гальки. Мы усиули.

Профессор всю ночь проходил у озера и сделал большое открытие. Он нашел подземные русла высохших рек. Он подошел к высохшему дну озера; падая в ямы и карабкаясь, спустился в огромиый овраг. Здесь лучше идти, потому что на дне оврагов не бывает ям. И вдруг перед иим в стене огромная дыра. Он попал в пещеру. Шел десять метров, двадцать, пятьдесят. Холодио. Пещера все у́же. Очевидно, это ие главиое русло. Нужио найти его... Нашел. Выход завален куском мергеля величиной с автомобиль. Профессор полез в щель. За спиной — лопата, тужурка. Лопата и вьюк зацепились, профессор повис в воздухе. Так можно остаться здесь иавсегда! Колонна автомобилей уйдет, а профессор остаиется висеть под землей, у своего открытия. Он изо всех сил уперся иогами в стеиу, освободил вьюк и упал в пещеру. Прошел по подземному руслу иесколько километров. Мергель, камии, почва из глииы и

соли, под солью — чериая грязь. Утром он вериулся к лагерю нсцарапанный н вымазанный глнной.

Мы проснулнсь — профессор суетился у костра. Он сосредоточенно зашнвал рубашку, варил суп, пел тихнй романс, вежлнвую старннную песенку, может быть вывезенную им из Калнфорннн.

Я взглянул на Сарыкамышскую впаднну. Это было велнколепное зрелнще. Ночь ушла. Огромная белая солончаковая земля, нскрясь н блистая под солнцем, бежала к горизонту, точно снежная равнина была перенесена с Мурмана и положена в пылающие Каракумы. Толпа автомобилей, ослепнтельных от солнца, стояла у бесконечиой каменной стены, сверкала, фыркала, совершала утреннй туалет. Начнналась заправка автомобнлей. Профессор стоял у машнны, засучнв рукава.

— Будьте любезны подать мне ведро,— говорнл он водителю.— Я хочу долнть воды в раднатор.

...Когда-то профессор на старнниом «комннке» со спнленным кузовом езднл по пескам со свонм спутнином — проводником Баба. Давно иет старого туркмена Баба, давио заброшен где-то кузов «комника», и вот десяткн новых автомобнлей пришлн к берегам мечты профессора. А профессор суетится, как двадцать лет назад. И я не верю ему, когда он говорнт о молодости, как о прошлом. Он сам всегда будет молод неугомонностью нскателя. Железные чудовища прншли к водопою, но в озере нет воды. Сухое ослепительиое дно трескается от жажды. Все же вода придет! Я верю в это вместе с профессором. Вот уже иет тоскливой пустыни. Я вглядываюсь в даль солончаков, где-то в синей дымке на секунду поднимаются столбикн пыли — и опять все мертво. Но вода придет! Как прнходят такие замечательные людн, как приходят железные караваны машин к неведомым берегам... Вот по Аму до Каспня в Балханский залив ндут пресные воды. Волны бьются о берега Сарыкамышской впаднны. У меия уже не сохнет язык. Вновь зеленеют травы по Узбою, воскресают оазнсы н го-

рода. «Идут, идут корабли!» — хочу я кричать профессору. Необыкновенные чувства приходят ко мне. Я хочу схватить лопату профессора, его теодолит, веревку и идти с ним в пустыню, радоваться и прыгать, весело шагать туда, где ходили Бекович, Карелин, Молчанов...

Пришло время оживить пустыню. Не знаю, будет ли пущена вода сегодня или завтра, но мне известно, что в этой стране проводятся необычайные каналы, а пустыни в этой стране умирают.

ПСИХРОМЕТР АСМАНА

Старый немец Асман — ученый, сконструировавший метеорологический прибор, похожий на двойное дуло охотничьей двустволки. Он не знал, сколько конфликтов и душевных волнений будет стоить его детище нам, пересекавшим на автомобиле горячие земли Средней Азии. Нежный предмет, измеряющий влажность воздуха, слишком хрупкий, чтобы ехать в грузовике стандартного типа, слишком тонкий и задумчивый, чтобы поспевать за пробеговой скоростью, он стал мерой бушевания страстей на машине № 20 — ЗИС-3, грузовик-двухсполовинотонка.

Началось это в Ташкенте. Четыре человека, четыре новых спутника — три научных работника и один корреспондент,— присоединились к экспедиции на площади у Узбекского Совнаркома. Четыре новых соседа принесли к артельному котлу свой багаж и свои дары: ботаник Градов декорировал все двадцать четыре радиатора живыми цветами, лучшими цветами ботанического сада Средней Азии; почвовед Богданов пел басовые арии и стал ценным грузом для любой машины; корреспондент Зверев был корреспондентом, он блестел очками — он может быть украшением машины. Пусть едет в кузове, и блестит очками, и говорит о своих делах, пусть прохожие его видят и дают ему материал. Это необходимо.

Хуже всего было с четвертым пассажиром. К нашей ма-

шние подошел тихий, сосредоточенный мужчина в кожанке и протянул нам в кузов чемодан.

— Поставьте, пожалуйста,— сказал он,— меня назначили в вашу машину. Я маленький человек и занимаю немного места. Вот возьмите еще.

Никто ему не ответил. Мы думали о несчастной звезде нашего грузовика, всю жизнь получающего дополнительных пассажиров.

За чемоданом он подал черную коробку, за коробкой портфель, за портфелем желтый футляр. Я понял: добром это не могло кончиться. Водители смотрели на эту процедуру, как звери, которых дразнят. Когда дело дошло до футляра, Григорий Шебалов распахнул дверь кабины:

— А вы, наверно, хотите, гражданин, рессоры сломать, да?

Но ничего этого не понял человек в кожанке.

— Нет,— сказал он,— почему рессоры?

— А для чего же это? — указал водитель на вещи.

Тогда человек разложил коробку и футляр на земле и начал вынимать из них блестящие предметы.

— Это — для измерения температуры. Это — для определения скорости ветра, анемометр Фуса. Вот психрометр Асмана,— начал он объяснять, обрадовавшись любознательности человека.

Водитель взял в руки футляр; он весил полкило без малого. Но водитель поднял его, как знамя старой ненависти к пробеговой комиссии, ведавшей нагрузкой; он шагал уже по площади, и за ним шел его помощник, оба они кричали.

— Я же говорю: они нас специально хотят угробить психрометрами Асмана! — говорил водитель.

— Да, да! Вчера навалили бочку горючего. Потом запасные баллоны. А теперь психрометр. Это лошадь не выдержит,— рассказывал собравшимся водителям помощник шофера татарин Ибрагим Башеев.— Огромный ящик, тяжелый — два человека не смогут поднять его.

Но добиться им ничего не удалось. Михаил Степанович Ковалев, молчаливый, сосредоточенный метеоролог, сел в кузов и разложил свои ящики.

Так на машине стало шесть человек. Товарищ Ковалев не пел песен и не блестел очками. Он существовал лишь в пределах метеорологии. Мне никогда не приходилось видеть научного сотрудника, который был бы так сосредоточен на своем предмете. Он видел мир, окружающий его, только он весь преломлялся у него в свете его науки.

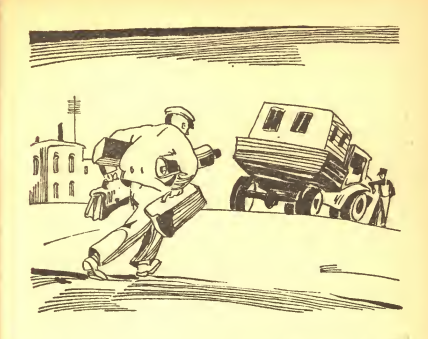
— Хороший город,— говорил он.— Смотрите: крыши все восточного типа, плоские. Они меньше накаляются от солнца. Поэтому температура в таких городах гораздо ниже, чем среди европейских крыш...

За Ура-Тюбе мы проезжали мимо гор. Кто-то назвал их подножием Памира. Порогами поднимались они к юго-востоку, где толпа гигантов сторожила горные тропинки в Индию.

— Индия и Афганистан...— мечтательно вздохнул Михаил Степанович.— Персия, Китай. Страны великих возможностей... Если бы нам удалось получать оттуда регулярные сводки! Я занимаюсь в Метбюро прогнозом погоды. Это я даю погоду на завтра. Но часто я иду, как слепой. Нужна полная метеокарта центральноазиатского района; вы представляете — телеграммы из Пенджаба, телеграммы из Гарма, из Мешеда, из Мазар-и-Шерифа: тридцать и три, двадцать и пять, давление, средняя влажность, облачность!

Но говорить с Михаилом Степановичем мы могли очень мало. Когда машины останавливались, он соскакивал на землю, открывал ящик с приборами и бежал к радиатору, в поле, к постройкам. Он спешил измерить все: скорость ветра, давление, температуру, среднюю влажность воздуха.

Мне запомнился Ковалев в двух видах: первый, стоящий под солнцем и наблюдающий за прибором, прикрыв от солнца глаза ладонью, и второй Ковалев, бегущий за



уходящей машиной и на ходу неумело прыгающий на подножку, держа в дрожащих руках футляры с приборами.

— Твое счастье! — кричал голос из кабины.— Когда-нибудь останешься в поле из-за своих коробок. Я машину задерживать не буду.

Но в кабине проходило новое испытание.

— Уберите чемодан! — говорил Ибрагим.— Вот опять кругом в кабине метеорология. Во что приличную машину превратили — ведро некуда поставить!

Метеоролог лез в кабину и убирал приборы. Их было много. Наша машина действительно стала метеорологической станцией. Ежеминутно Ковалев доставал то термометр, то анемометр. Одному с ними на ходу справиться трудно. Я держал футляры и записывал показания в книжечку. Ибрагим, любитель баловства и мистификаций, смотрел на меня с презрением.

— Тебе очень нужно давление воздуха? — говорил

он.— Ты спать без него не можешь? Запиши двадцать, ну запиши двадцать, ну какая тебе разница?! — толкал он меня под локоть.

За Ура-Тюбе была у нас неважная дорога. Ямки и мосты, арыки, бугры — желтый лессовый путь, как штопор, вился по глинистой земле. Здесь началась великая трагедия психрометра. Желтый футляр с прибором бился в судорожной истерике у наших ног между ведром и домкратом. Нам некогда было поправлять багаж. Он ходил по машине с грохотом и стоном. Метеоролог положил прибор за сиденье. Там он дрожал, как больной, подпрыгивая на мостах и ямках. Метеоролог обернул его запасными штанами и ватником. Но он еще бился о ящик, из-под ватника доносилось его лязганье. Я видел, как лицо Михаила Степановича краснело и бледнело от волнения, когда он разворачивал и открывал прибор и смотрел на него; прибор был еще цел: два ствола, две стеклянные трубки, колпачок. Ковалев заводил пружину — она жужжала, нормально раскручиваясь. На одной остановке Ковалев слез и подошел к кабине, волнуясь.

— Товарищ водитель! У меня к вам большая просьба,— сказал он.— Перед большими буграми уменьшайте, пожалуйста, немного ход. Это психрометр Асмана. Таких точных и дорогих приборов, как этот, в Средней Азии больше нет. Вы понимаете, какая ценность! Я не знаю, что буду делать, если он разобьется.

— Мы не будем место терять в колонне из-за него,— говорит шофер.

— Если она дорогая — нужно было оставить ее. Для чего она вам? — добавил Ибрагим.

— Для определения средней влажности воздуха. Как же оставить? — испугался метеоролог.— Вы смотрите — два термометра, две трубки. Этот колпачок смачивается водою...

— Наверняка разобьется,— сказал Ибрагим.

И вот прибор стал средоточием странной борьбы. Сперва водители сдерживали машины, тормозя перед буграми.

Потом они возненавидели психрометр. Им казалось, что он тянет машину, он тащится, как огромная обуза, никому не нужная металлическая штука, это из-за нее машина теряет место, отстает, из-за нее кипит радиатор.

— Опять с карбюратором что-то. Мотор в грязи. Всё психрометры у нас, а пыль некому стереть! — злобно кричали водители.

Они больше не придерживали тормоза. Метеоролог просил хотя бы предупреждать его; чтобы не утруждать водителей, он установил сигнализацию: один гудок — неровность почвы, два гудка — большой бугор, яма — в такие моменты он будет на время брать прибор в руки.

Но машина пролетала молча на всех скоростях через бугры и кочки...

Ветер северо-восточного направления напряжением в шесть с половиной баллов гнал на автомобили непроницаемые тучи пыли. Они били в хвост колонны. Радиаторы кипели, и машины останавливались, повернувшись к ветру радиаторами, чтобы охладить их; мимо пролетали остальные автомобили, гремя в тумане. Мы запаздывали в город. Наступал вечер. Из-за пыли не было видно дороги. Одна машина перевернулась. Мы шли дальше.

Вдруг передние машины остановились. Поперек пути была протянута веревка. Полтораста всадников окружали колонну. Они были в халатах и тюбетейках, они кричали по-узбекски, требуя остановить машины. Из тумана выплыли глиняные дома селения. Мы сошли с машины, и всадники повели нас к домам. Здесь, на улице, на коврах, у чайханы лежали груды винограда, дынь, плова, лепешек. Нам несли самовары с чаем. Это было то, что больше всего сейчас требовалось. Смеясь и благодаря колхозников, мы глотали горячий чай, слушая, как оживает в нас притихшая было циркуляция крови. Потом пришел аппетит. Мы набросились на пищу. Через пятнадцать минут мы пошли по тропинке обратно, и здесь у покинутых машин увидели метеоролога. Он стоял посреди дороги, и в его руках крути-

лись шарики прибора. Он зажигал спички, поспешно, одну за другой, пытаясь записать что-то в книжке. На земле лежал футляр.

— Почему же вы не идете есть? — крикнул ему Ибрагим.

— Это замечательно, это замечательно! — сказал ему метеоролог.— Сейчас любопытный ветер.

Колонна выстроилась, и наконец мы поехали в темноте, расталкивая туман и пыль. Мы все поехали дальше тихо, во избежание аварий. Бугры и ямы ходили под колесами. Ибрагим включил свет в кузове — метеоролог отсутствовал. Мы выглянули из кузова и увидели: рядом с машиной мерным шагом бежал метеоролог, прижимая к себе футляр с психрометром Асмана.

— Ничего! — крикнул он нам.— Это я на время бугров. Сейчас они кончатся, и я опять вспрыгну.

— Гришка! Ты с ума сошел, Гришка! — закричал тогда Ибрагим, нагнувшись к машине.— Сбавь скорость на буграх. Разве можно — такая тряска!

Михаил Степанович вскочил, и мы все прилегли за сиденьем.

Стало холодно. Мы закрылись от ветра одеялами, ватниками, брезентовыми ведрами. Город провалился. Мы ехали к нему без конца в холодную тьму. Под нами скрипели рессоры. Холод проникал сквозь щели тента. Холод проходил в сон и преследовал нас кошмаром. На рассвете нас разбудил Гриша. Он остановил машину и заглянул в кузов.

— Вы с ума сошли! — закричал он.— Какой народ!

Мы увидели метеоролога. Он сидел в летней рубашке, засунув руки в рукава. Он стучал зубами. Перед ним, в ногах, лежал футляр, завернутый в его кожаную тужурку и кусок брезента — все, что оставалось свободным на машине. Он сохранял свои приборы, свои научные драгоценности.

Водитель стащил с себя ватные штаны и кинул Ковалеву. Потом он заставил его надеть тужурку. Мы встали

Ибрагим скинул с себя ватник и, отняв у метеоролога футляр, стал пристраивать его на ложе из одеяла и ватников, в бочке из-под бензина.

— Профессор,— сказал утром Ибрагим,— профессор, расскажите мне о погоде. Очень меня давно интересует метеорология.

— Я не профессор,— сказал тогда метеоролог.— Вы ошибаетесь. Я сотрудник Метбюро. Кроме того, я создал одну бригаду. Это, видите ли, любопытная проблема — человек и гидрометеорологический режим. Что это значит? Это значит — человек и машина. Человек и пустыня. Человек и город. Посмотрите на город — какая трагедия метеорологических условий, какая архаика, какое великое будущее...

Он рассказал нам о проблеме изменения температуры и климата. Мы увидели города, где можно улучшить климат, если делать правильные крыши и окна. Мы увидели автомобиль, который может ходить в Средней Азии и не раскаляться, с радиатором, который не кипит, с водителем, который в кабине не изнывает от духоты и жажды. Мы увидели пустыню, которую человек может переделать и в которой можно легче дышать.

...Так у нас появилось на машине дитя. Это психрометр Асмана. Мы пеленаем его в ватники, и держим на руках, и кладем на лучшее место — в бензиновой бочке.

Когда машина подбегает к бугорку, водитель придерживает тормоз.

Утром Ибрагим строго напоминает метеорологу:

— Вы измерили влажность воздуха? Нате.

И подает ему футляр.

Когда Михаил Степанович раскручивает пружину прибора или смотрит на шкалу, мы стараемся говорить шепотом. Метеоролог достает прибор и, вставляя снизу в него кюветку с водой, обычно говорит нам весело:

— Это называется — поставить Асману клизмочку.

Машина ждет, пока он измеряет температуру в поле

и на дороге. Ибрагим рассказывает подъезжающим сзади водителям, делая страшные глаза:

— Давай, давай мимо! У нас научно-техническая машина. Вы думаете, мы можем идти так просто, как все? Нет! Там у нас товарищ Асман едет, ай человек! Что ж, такое у нас дело — научная работа...— вздыхает Ибрагим.

КАРТА

Небольшой кусочек Казахстана, выхваченный из атласа и положенный на стол, начинает жить, как старинный рассказ о пустыне. Мы видим ящериц, бегущих по пескам, убогие аулы и колодцы. Это кусок еще вчерашнего Казахстана, в нем больше курганов, чем аулов, и больше верблюжьих троп, чем дорог.

Это настоящее захолустье. Звон каравана тут еще привычней автомобильного гудка.

Передо мной находится карта. На ней обозначен путь трех студентов и одного казаха-переводчика в прииргизских песках, известных под общим названием «Малые Каракумы». Это самый простой и потрясающий из всех известных мне документов о пустыне.

Документ этот — карта, составленная следственной комиссией по делу так называемой «Тургайской экспедиции 1926 года». Здесь нет ни картин, ни описаний. Их заменяют простые графические линии и знаки. Вот маленький кружок, лежащий внизу, за пределами карты. Это Иргиз. Отсюда в июле 1926 года по направлению на запад вышла одна из групп экспедиции по изучению казахского аула. Отряд составляли четыре человека: два ленинградских студента, только окончивших вуз,— Чанов и Тихомиров, один узбек — студент из Ташкента Султангулов, и казах-проводник и переводчик — Байтаков.

В Иргизе была луна. Душная ночь входила в чайхану. На широких лавках сидели люди и пили чай. Студенты

рассматривали карту предстоящей экспедиции и писали письма в Ленинград.

«Они не хотели спать, и выпили по десять пиал чаю, и ходили купаться в реку Иргиз, будили чайханщика и пели песни»,— вспоминал впоследствии Султангулов. Они говорили, какой Ленинград большой и какой Иргиз маленький. Тогда чайханщик говорил.

— Вы завтра будете в Тургае, так скажите, какой Иргиз большой.

А Тихомиров непрерывно спрашивал Байтакова.

— Это что — пиала? Это что — дерево, карагач? Ага. Это что?

— Это ковер, это узор, по-казахски карга-тырмак — вороний коготь.

Тогда Тихомиров не верил и опять будил чайханщика и спрашивал: правда ли — вороний коготь? Тогда толстый и сонный чайханщик сердился, но Тихомиров рассказывал ему анекдот, и тот тащил опять чай, смеялся и хлопал себя по бокам:

— Ай, молодежь, хороший молодежь!

К полночи они легли спать. Тихомиров взглянул на карту и сказал, что завтра они не будут ночевать в степи, завтра к вечеру они будут в Тургае — смешной путь, чтобы его растягивать на два дня. Пойдемте купаться!

— Не смотри на карту — смотри под ноги,— сказал казах-переводчик.— Ходи не языком, а ногами. Днем ходить, вечером пить чай, а ночью спать. Таков закон от века и до века, аминь.

Он потушил свечку и лег спать. За стеной, во дворе, сопели и ворочались верховые лошади. Город был молчалив, и река вздувалась белой пеной. Это последнее, что запомнил Султангулов в Иргизе. На рассвете они оседлали коней и выехали в Тургай.

Они ехали степью, очень жидкими кустами, верблюжьей тропой. Тихомиров непрерывно размахивал длинными руками:

— Это что — саксаул? Это что? Ты ведь переводчик. Это что — дерево или так себе, глупость? Это что? Это пустыня?

Если посмотреть на карту, можно сразу заметить, что караванный путь на Тургай имеет одну особенность. Немного дальше Бокдыма он доходит до большой Тургайской степи, он видит молчаливую пустыню перед собой, голые барханы, начинающиеся пески и, как испуганный конь, под острым углом бросается в сторону и мчится вправо так решительно, что его никакими силами уже не повернуть обратно. Трудно объяснить исторически возникновение этого угла. Возможно, что некогда первые караванщики, нащупывая путь, наткнувшись на непроходимые места, свернули здесь в сторону. Может быть, когда-то здесь лежало разветвление путей, но дорога на север затерялась в кустах и засыпалась песками.

Вечером 24 июля экспедиция проехала бывшую почтовую станцию Бокдым, и, так как становилось темнее, всадники пришпорили коней и вскоре достигли поворота дороги. Но что такое черная линия караванного пути, обозначенная здесь на карте? Это слабые отпечатки копыт, ложбины в песке, верблюжий помет, тонкая нить признаков, невидимых в темноте. В тысячный раз здесь дорога, испугавшись пустыни, шарахнулась в сторону и незаметно убежала из-под копыт. Всадники еще раз дали шпоры и, сойдя с дороги, умчались вперед.

С этого момента экспедиция исчезла. Она не вернулась в Иргиз и не пришла в Тургай.

Через несколько дней значительно севернее, близ линии аулов, караванщиками был найден труп казаха. Это был переводчик товарищ Байтаков. Потом из степи в аул пришел студент Султангулов. Он не пил, не ел два дня, был истощен и взволнован. Он ничего не мог рассказать о своих товарищах. Так как они не были разысканы, то появились подозрения: что произошло в степи? Следственная комиссия, составленная местными властями, отправилась с

Султангуловым по следам экспедиции. Она приехала опять в Иргиз и повторила путь студентов.

Комиссия составила точную карту этого путешествия, лежащую передо мной. В ней зафиксирован весь путь экспедиции. Вот опять маленький кружок на нижнем углу карты. Султангулов опять видел луну в Иргизе. Она была теперь на ущербе, но стояла еще на своем месте, как будто ничего не случилось.

В чайхане сидели те же люди, что и несколько дней назад. Чайханщик удивился, что Султангулов опять здесь; он спросил, где его товарищи, но Султангулов ничего не мог ответить. Утром комиссия отправилась в путь.

На другой день они, приблизившись к пункту А, увидели, что экспедиция сбилась с дороги. На пункте А валялись консервные коробки и уголья, песок был истоптан.

— Здесь мы ночевали последний раз все вместе,— сказал Султангулов.— Товарищ Тихомиров здесь сидел и спрашивал Байтака казахские слова и учил их. Он говорил, что он будет караван-баши и отпустит бороду. Это было вот здесь. А меня он звал учиться в Тимирязевскую академию. Потом мы пили чай. Утром мы увидели, что дороги нет.

Дальнейшие события похожи на внезапный ветер. Так стремительно разыгрываются только пустынные трагедии.

Здесь стоит смотреть на карту, чтобы понять характер пунктов, рисующих поведение людей. Сперва следы всех четырех расходятся в стороны. Участники экспедиции здесь разделились и подвигаются вперед так, чтобы видеть друг друга на горизонте. Так в одном французском рассказе люди из погибающего отряда в Африке идут также поодиночке, держа карабины наперевес. Они обезумели от голода, они там не доверяют друг другу и боятся подпустить друг друга к себе. Потом один становится на колено, прицеливается из карабина в товарища, вся цепь останавливается и смотрит. Солдат убивает другого, подходит к нему и разрезает его на куски.

Студенты договорились идти поодиночке, искать дорогу и на стоянке сходиться вместе. Но вдруг увидели, что крайний справа — это был переводчик Байтаков — остановился и, круто повернув налево, пошел наперерез остальным. Он прошел мимо и ушел на север. За ним почему-то никто не последовал. Путь его на карте поразительно прям — это характерная черта казаха-кочевника. Пройдя вправо, он убедился, что дорогу не найти. В таком случае только какой-либо прямой путь в конце концов выведет к жилью. Это — умение поколений, почти геометрия инстинкта.

Остальные трое побрели дальше и около полудня сошлись у пункта Б. Пески окружали бивак. Во флягах не было воды. Студенты взглянули на часы, проходил день, солнце поднималось к зениту, студенты поняли, что нужно куда-то спешить. Султангулов пошел прямо, он оглянулся, издалека увидел — двое товарищей пошли вправо. Еще правее, в стороне, показался кустарник...

— Стойте, куда вы дели лошадей? — спросил здесь Султангулова один из членов следственной комиссии.

— Мы их бросили еще раньше. У нас не было воды. Непоенные лошади днем должны были пасть. Мы бросили лошадей. Я увидел кустарник. Я побежал к нему — думал, есть вода. Ее не было. Тогда я повернул назад и шел прямо. Вечером упал у кустов, пролежал ночь. Днем я вышел к аулу.

Тогда комиссия отправилась по следам Чанова и Тихомирова. Эти следы обозначены здесь пунктиром. Шли два человека. Оставляли след на песке они совсем так, как перо сейсмографа делает кривую на белом листе бумаги. И вот перед нами эта единственная сейсмограмма: сначала студенты шли ровно, потом след начинает бросаться из стороны в сторону, иногда он прерывается, студенты падают, потом снова идут вперед. У пункта В происходит их последняя ночевка; очевидно, они в полубессознательном состоянии, потому что на следующее утро их след де-

лает петли, уходит в стороны и в конце концов описывает круг. И вот здесь, наткнувшись на собственные следы, они не узнают их и принимают за чью-то тропу. Это заключает комиссия из характера следа; открытие студентов придало им бодрость, они здесь очень решительно и быстро шагают вдоль тропы. Они рады и спешат, их следы здесь совсем не похожи на прежние, словно путники сразу переменились. И вот у пункта Г комиссия находит носовой платок. Это платок одного из студентов, оброненный еще раньше. Этот платок одним ударом разоблачает ошибку. Студенты узнают платок и понимают, что шли по своим собственным следам. Здесь мнения членов следственной комиссии разделились. Некоторые считают, что здесь студенты лишились рассудка. Во всяком случае, отсюда они бегом бросаются в сторону...

Сперва нашли мертвого Чанова. Еще через несколько шагов комиссия нашла второго человека. Султангулов последний раз увидел здесь студента Тихомирова. Студент лежал лицом к песку, протянув руки, как бы продолжая двигаться вперед и размахивать руками. «Что это такое? Карагач? Это что такое? Пустыня?» — хотелось услышать Султангулову, и он нагнулся. Но когда Тихомирова перевернули, стало ясно, что это иллюзия движения и Тихомиров мертв. Тихомирова и Чанова похоронили там же, где их нашли, в притургайских песках. Можно заметить на карте, что это место находится в нескольких десятках шагов от караванного пути в Тургай, той самой дороги, с которой они сбились.

Между прочим, места эти отмечены на карте: полумесяцем там, где найден переводчик, и крестами, где похоронены ленинградские студенты; очевидно, это по традиции, как многие условные знаки. Это карта еще старого Казахстана. В новом, сегодняшнем Казахстане на месте караванной тропы из Иргиза в Тургай будет проведена автомобильная дорога. Тогда, может быть, там поставят камни со звездами, и тогда с дороги будут видны могилы двух молодых исследователей, изучавших казахский аул.

ЖАЖДА

Бывают рассказы, похожие на длинные реки: не видно, где они начинаются,— они одним концом упираются в землю, в долины, пустыни, а вытекают с гор, под небесами, там грохочут обвалы, идут облака, хаос, вообще несведущий человек не разберет, что к чему.

Вопрос о воде в Средней Азии. Стар и сложен этот вопрос. И начало нашей истории было задолго до того, как пятнадцать человек вышли на верблюдах из города Керки в пустыню, и даже до того, как они выехали на поезде из Ташкента, и до того, как они сидели над калькой чертежей и проектов.

История транскаракумского канала в среднеазиатских научных учреждениях — старая мечта энтузиастов, груды исписанной бумаги, протоколы заседаний и докладные записки и еще какие-то похождения какой-то изыскательской партии. В коридорах учреждений говорят, указывая на широкоплечего мужчину: «Это человек, который был на транскаракумском канале. Знаете — Келифский Узбой, в юго-восточных Каракумах. Проникали туда отдельные исследователи, всякое говорят. Знаете, вопрос об Узбое — туман...»

В XV веке туркмены Мургабского оазиса пели песни о том, что в пустыне лежит река, которая скрылась от людей. Города Мерв, Колотань, Байрам-Али мучатся из-за недостатка воды. Река Мургаб, которая течет здесь, «никуда не впадает»: она распадается на тысячи оросительных каналов и канавок, уходит в пески. Карта оросительной системы оазиса похожа на паутину или на артериальную систему из учебника анатомии. Человек, живущий среди этой водной сети, в оазисах Мерва, Байрам-Али, Иолотани, не чувствует окружающей пустыни. Лишь работники водного хозяйства постоянно, как врачи, видят перед собой сетку артерий, от которых зависит жизнь страны. Потому что за оазисом притаилась пустыня — юго-восточные Каракумы.

Здесь, на пространстве юго-восточных Каракумов, н разворачивались похождеиня экспедиции транскаракумского каиала.

Что такое этот каиал? В юго-восточных Каракумах лежнт высохшее русло Узбоя, в отличне от первого, западного Узбоя, иазываемого Келифским. Узбой номер два также имеет свою историю н свои споры в иаучной литературе. Однн учеиые называют его бывшим руслом Амударьн. Другие говорят, что это русло иных рек. В 1907 и 1921 годах в русле вндели даже воду. Эта вода пришла, очевидно, нз афгаиских рек. В 1925 году однн ученый писал, что ннкакого Узбоя, то есть старого русла, вообще иет, а «каждому исследователю предоставляется возможность восстаиавливать русло, как ему покажется удобиым».

Почему же так миого разговоров о русле, да к тому же еще высохшем? Это древиие вопросы туркестаискнх пустыиь н оазисов — вопросы воды.

Это — жажда. Оиа мучает огромную страну, лежащую под солнцем, среди песков.

В 1925 году было предложено иесколько проектов оживлеиия Келифского Узбоя. Идея орошения Закаспийской иизмеииости прн помощн огромиого каиала, для которого были бы использованы естественные впадины н русла, возникла уже давио. От экспедиции, исследовавшей Келифский Узбой в иачале столетня, до последних работ можио иазвать десяткн фамнлий различиых исследователей.

В 1926 году нррнгацноииые учреждення сталн перед двумя течениями в исследовательской лнтературе. Оба онн предполагалн разиымн путямн создаиие траискаракумского канала.

Экспедиция первого варнаита в 1925 году отправилась в юго-восточиые Каракумы для поисков Узбоя. Экспеднция вышла двумя отрядами, но ни одни нз инх инчего не нашел, кроме остатков вод Балха, лежащих в небольшнх разрозненных выемках...

Экспедиция по одному из проектов отправилась в апреле 1926 года, выйдя в пески от Амударьи, выше города Керки. Состояла экспедиция из пятнадцати человек, и ехала она на четырех верблюдах и нескольких ишаках. В экспедицию входили профессор, гидрогеолог, кормовед-ботаник, энтомолог, два инженера, два туркмена-проводника и несколько рабочих.

Гидрогеолога назовем Александровым, ботаника Боевым. Они просили не указывать их фамилий. Боев — коммунист, поляк, светловолосый, широкоплечий мужчина выше среднего роста. Энтомолог Жезлов был в 1926 году полным молодым человеком лет двадцати пяти. Вот все известные мне биографические детали относительно участников экспедиции.

Багаж подобной экспедиции представляет собой сборище чемоданов, ящиков, брезента, лопат. В багаже преобладают предметы почвоведов: «монолитные ящики» — 1 метр 20 сантиметров, «тещн» — лопатки особой кривизны, связки пергамента для стерильных проб почвы, мешочки. Толпой мелочей следуют суконки, карты, компасы, клубки шпагата. Все это висит на верблюдах и ишаках; стоит пыль, верблюды топают копытами, ишаки трубят свои ослиные песни, путешественники тыкают в ишаков палочками-погонялочками, это напоминает детскую игру и смешно.

Старики шутят по адресу молодого Жезлова: всем известно, что он везет с собой в ящике кусочек цианистого калия, он прячет его на всякий случай, а «всякие случаи» вычитаны им в юношеских книжках. Это какие-то там невероятные самумы, не бывающие в жизни, песчаные заносы и страдания путешественников.

Перед самым выходом экспедиции инженер сказал Жезлову:

— Скоро будем попивать чаек на берегу Узбоя. Тогда пожалеете, что берете с собой всякую ерунду. Лучше возьмите лишний кусок сахару, молодой человек. Люблю в пустыне распивать кок-чай...

В задачи экспедиции входило изучить трассу будущего канала. Она ставила теодолит, делала почвенные разрезы, брала пробы почв и грунтовых вод, встречавшихся в колодцах.

Воду закупоривали в бутылки, к ним привязывали номерки и прятали.

Первые затруднения пришли со стороны проводников. Старые туркмены никак не могли понять цель путешествия: «Канал? Какой канал? Река? Вы хотите реку? Вы плохо говорите по-туркменски, и получается очень смешно; будто вы хотите устроить здесь реку. Какая же здесь река, когда аллах устроил здесь пустыню, вечные пески». Благодаря этому экспедиция делала лишние крюки по пустыне, и путь ее, нарисованный в моем блокноте, похож на кривой знак «М».

Покинув один колодец, экспедиция шла уже пятые сутки до того места, где на карте был обозначен следующий колодец. К этому времени у каждого участника экспедиции осталось только по четверти фляжки воды, и люди выбивались из сил. Но самое худшее, что отказывались идти верблюды. Их стегали веревкой, били ногами, но обессилевшие животные лежали без движения. А нужно было спешить к колодцу.

Наконец придумано было средство для того, чтобы поднять верблюдов с земли,— под ними разводили костер. Верблюды с ревом поднимались на ноги.

На следующие сутки экспедиция вышла к тому месту, где должен был быть колодец. Но колодца не было. Он оказался засыпанным песком. В этих местах колодцы отличаются большой глубиной; откапывать колодец на глубину 120—130 метров у людей уже не было сил. Случай с колодцем произвел на экспедицию гнетущее впечатление. Нужно учитывать, какое действие оказывает на психику и силы человека жажда в пустыне. С этого дня похождения экспедиции сразу вступают в такую полосу, что мне приходится сокращать ряд деталей, совершенно досто-

верных, но которые могут показаться наиболее неправдоподобными...

Моча содержит в себе отработанные части воды и очень низкий процент веществ, годных для питания организма. В исключительных случаях жажды она может давать лишь краткий психологический эффект, при котором организм работает, как сердце, пульсирующее под воздействием электрических токов. Ее пили. Но в ящиках, закупоренные в бутылки, еще хранились пробы грунтовых вод. Это была научная ценность, это была просто нужная вещь, за которой пришлось бы опять снаряжать экспедицию в пустыню.

На следующие сутки пал первый верблюд. Организм верблюда отличается способностью запасать воду впрок. У него особый желудок. И даже когда верблюд гибнет, в нем может оставаться какое-то количество воды. Один из почвоведов взял нож и с уверенностью, с какой он делал почвенные разрезы, вскрыл верблюда, в нужном месте разыскал воду и поделил ее между всеми. Но ее оказалось слишком мало, чтобы утолить жажду.

На следующий день все материалы, приборы и дневники экспедиции решено было оставить. Их засыпали песком и над холмом поставили флаг. В таких случаях обычно говорят без особого пафоса. Инженер просто сказал:

— Люди погибнут, материалы останутся. Наш транскаракумский канал...

Он посмотрел на товарищей. Люди лежали у песчаного холма неподвижно, разбросав руки. Они были полуголыми. Вся одежда и брезенты были изорваны на узкие полоски и разбросаны по дороге для отметки пути. Лежали верблюды. Ишаки высунули языки и закрыли глаза.

По карте до Иолотани оставалось 70 километров совершенно голых, сыпучих песков. Но здесь между туркменами и русскими произошел раскол по вопросу о дороге. Проводники не верили в кратчайшее направление по карте, а предлагали идти по прямой, в несколько ином направле-

нии. Тогда инженер, рассматривая карту, предложил иной проект. В нескольких километрах в сторону должны быть каки́ — стоки талых вод. Сейчас еще начало лета, в кака́х можно добыть воду.

Экспедиция разбилась на три отряда. Инженер и два проводника с верблюдами отправились искать воду. Боев, Александров, Жезлов и еще четыре человека пошли дальше, в сторону Иолотани. Остальные же остались на месте.

Отряд Боева, медленно передвигая ноги, проваливаясь в песке, пошел на запад, время от времени оглядываясь с надеждой назад. Если к флагу вернется инженер с водой, там, как было установлено, должны раздаться выстрелы.

Люди, оставшиеся лежать у флага, скрылись за холмами. Вскоре исчез и флаг. И ровно через час оттуда донесся выстрел. Александров прибежал назад, к флагу. Когда ему сказали, что инженера нет и воды нет, а выстрел вышел случайно, Александров упал без сознания.

Остальные шесть человек иолотанской группы ушли вновь, но Александров остался лежать на песке. Когда он пришел в себя, то увидел лежащих людей и флаг на палке, торчащей из пригорка, и вспомнил, что под флагом, в ящике, лежат пробы грунтовых вод. Люди подползли к холму, разрыли песок и открыли ящик. Каждому досталось по полбутылки воды,— вода была горьковатая, но прохладная. К горлышкам бутылок были привязаны таблички с номерами. Воды хватило людям на сутки, и следующие двое суток они опять не пили. На третьи сутки они коллективно отгребли верхние слои песка, докопались до нижних, более прохладных, и легли в яму. Они лежали в ней, никто не говорил, но все видели, что яма очень похожа на братскую могилу.

Шесть человек во главе с коммунистом-ботаником, широкоплечим человеком Иваном Ивановичем Боевым, шли к Иолотани. Иван Иванович шутил и говорил об иолотанских кабанах, которые скоро им встретятся. В первый день

эта группа прошла пятнадцать километров, на второй день десять километров. Шли главным образом ночью, а днем лежали, прикрываясь тряпками.

На третью ночь они ползли. Тряпки казались тяжестью. Люди оставили при себе наганы, трусики, один клубок шпагата и пустые фляжки. Утром они перестали ползти. Начиналось солнце. Оно вставало сзади, со стороны Келифского Узбоя, красное и большое. Один рабочий сказал:

— Я покупаю канал. Десять каналов. Вы хотите воды, но я не могу разбрасываться водой...

Иван Иванович посмотрел ему в глаза. Они были пустые, холодные, ничего не видели. Рабочий бредил.

Так они пролежали день. Второй инженер, тот самый, что любил пить кок-чай в пустыне, лежал на пригорке в странном состоянии.

Миражи объясняются различными причинами. Слово «мираж» существует на многих языках; есть слова, соответствующие этому, и в туркменском и узбекском языках, но в среднеазиатских условиях они не всегда обозначают одно и то же явление. Солончаки — шоры и такыры в Каракумах и Кызылкумах часто кажутся вполне нормальному человеку озерами; солнечные лучи отсвечивают голубоватым блеском, колеблются. В степях Казахстана иногда накаленный воздух преломляется возле предметов — деревьев или аулов: кажется, будто озеро, деревья растут из воды.

Но бывает иной мираж — психологического порядка, мираж жажды. Человеку с ним почти невозможно бороться. Он видит реку на горизонте. По реке плывут баркасы. Река холодна и спокойна. Это Амударья. Это транскаракумский канал. Это пришла последняя степень жажды. Язык распух, превратился в корку, мешающую говорить, пить воду. Кружка же с холодной водой стоит у самого рта.

Инженер открыл глаза и увидел товарищей. Никакой

кружки не было. Два человека, лежа, приподнимали третьего, и он пытался водрузить на кустик какую-то тряпку, чтобы устроить тень, но падал, и все трое минуту отдыхали и опять начинали подниматься. А что же это за ними? За песчаными холмами течет голубая река и плывут опять баркасы. Они похожи на желтые пятна в глазах, когда зрение устало и, куда ни кинешь взгляд, везде пятна, везде баркасы.

Много видов имеет вода.

Росли иолотанские камыши. Вода среди камышей тихая, и по ней скользят паучки, как на коньках. Как близко и как далеко лежит отряд от Иолотани? Очевидно, он ее больше не увидит... Кто-то поставил ведра с водой на пол. Звук ведер с водой, поставленных на пол: звякнули железные ручки, вода равномерно заколыхалась.

Из графина докладчик наливает воду в стакан, и вода булькает в горлышке. Бутылки с лимонадом; лимонад сладкокислый, но холодный, со льда. Нарзан отличается своими пузырьками, целым роем поднимающимися со дна бутылки.

В лодку набирается вода; ее сгребают черпаком, это темная, грязная, прекрасная вода. И вдруг пошел дождь, везде дождь, капли стучат в окна, вода стекает по черному зонтику, косой дождь, все люди мокрые, у них смешные капельки висят на носу. Вода течет по желобам, по тротуарам, вместе с красной краской, босые ребятишки, засучив штаны, шлепают по воде...

Инженер повернулся и увидел перед собой на песке лицо энтомолога Жезлова, которому он советовал вместо цианистого калия взять кусок сахару, и заплакал. Инженер снял с голых плеч ремень с наганом. Он еще раз посмотрел на бледное лицо энтомолога и его синие губы, чтобы проверить, действительно ли все это может быть. Оказалось, что все было на самом деле. Он удивился — как быстро: каких-нибудь несколько дней назад он бежал по улице Ташкента и прыгал на ходу в трамвай, чтобы успеть в управление Водхоза, на заседание, а Боев выступал на засе-

дании с язвительными замечаниями. Сейчас же они оба лежат на песке в таком безобразном и ненужном положении, как какие-то вещи. Докладчик Боев! Кстати инженер вспомнил, что нужно еще подработать докладную записку. Но появилась жена, она шла по барханам, держа в руке кружку с водой, и опять показался энтомолог Жезлов.

Инженер отстегнул наган от ремня. Когда он пытался застрелиться, неожиданно к нему подскочил Боев. Он отнял наган и швырнул в сторону. Инженер вспомнил опять, что он инженер и член исследовательской комиссии, которого стали считать почти вещью, и обиделся.

— Это хамство,— сказал он.— Это вас не касается, товарищ...

Но губы так шевелились, что слова были едва слышны.

— Подождите, батенька, я вас еще вот поколочу, если будете делать глупости,— ответил Боев.

Инженер взглянул на Боева. Тот сидел на песке, с бледным и смертельно похудевшим лицом, поминутно протирая глаза. К нему также пришли реки, лодки, шел дождь.

Потом опять началось заседание, и все участники пили остывший чай, стуча ложками о стаканы и бросая окурки в блюдца.

Потом энтомолог Жезлов вынул из сумки кусочек цианистого калия. Для того чтобы отравиться, он до последнего дня сохранял во фляжке две капли воды. Но фляжки около него не оказалось. Он оглянулся на рабочего. Тот лежал с его фляжкой в руках и говорил:

— Товарищ Боев, я покупаю канал.

В фляжке не было воды: рабочий в бреду ее выпил.

Тогда энтомолог попытался проглотить яд без воды, но распухшие губы и чудовищный высохший язык никак не могли справиться с колючим кристаллом — они ворочали его, пока опять не подскочил Боев и не отнял яд.

К вечеру, когда остыли пески, шесть человек поползли дальше и неожиданно невдалеке увидели... колодец!

Колодец был очень неглубоким, но в нем валялись трупы животных. Это не смутило людей. Они привязали фляжку к шпагату и опустили в колодец.

Шпагат был короток. Его не хватило до воды. Тогда были разорваны остатки рубашек и трусики и из лоскутов сделана лента, которую надвязали к шпагату.

Фляжка опустилась к воде. Но поверхность ее была покрыта густой коркой, и фляжка не могла ее пробить. Шесть человек, лежа у края колодца, опускали веревку и били фляжкой о корку, кусая руки от досады. Корка не поддавалась.

Один из них кинул вниз какой-то предмет, и в дыре заблестела вода. Через минуту была выпита первая фляжка воды. Эта была густая и вонючая жижа, которую случается пить разве только один раз в жизни.

— Ничего, ребята, смотри веселее! — сказал Иван Иванович.— Сейчас мы дадим знать о себе. Наши, конечно, нашли воду и скоро придут к нам. То-то будет пир горой!

Он еще держался на ногах. Он взобрался на пригорок и стал стрелять из нагана в воздух. Но никто не откликался в барханах. Выстрелы в пустыне сухи, как треск ломаемых веток...

Первый же инженер с проводниками через два дня после того, как экспедиция разделилась у флага, нашел воду. Он послал проводников с водой и верблюдами обратно к экспедиции, но те отказались идти обратно.

Тогда инженер вынул револьвер и пригрозил расстрелять каждого, кто останется у колодца. Когда проводники ушли, он отправился напрямик через барханы к городу, но заблудился и на пятый день вернулся к флагу. Здесь уже была вода и сидели веселые люди, распевая песни.

Одного рабочего с ишаком, груженным водой, отправили вдогонку группе Боева. Но в песках прошел за эти дни большой ветер, он замел следы шести человек. Долго бился человек с ишаком и хотел уже возвращаться назад, когда

услышал частые револьверные выстрелы за барханами. Это были выстрелы Боева.

Нет нужды описывать, как радовались люди, увидев ишака с водой, и как они ругались с человеком и лезли на него с кулаками, а тот неумолимо отцеживал им по маленькой порции воды.

Когда же они напились, а рабочий ушел собирать саксаул для костра, то люди, не евшие несколько суток, почувствовали, как они голодны. Поведение человека в таких случаях — очень темная кривая, которая годна разве только для исследователя. Несколько человек, приподымаясь на слабых ногах, окружили ишака: они подымались по очереди, кололи ишака ножами, но ничего не могли сделать и падали; удивленный ишак кричал и отскакивал, люди опять подымались и кололи его, ишак опять кричал. Рабочий услышал это, пришел и отогнал их прочь. Ишак был благодарен, и все вообще успокоились.

Стоит ли рассказывать, как странный караван — экспедиция людей в трусах и кальсонах, верхом на верблюдах въехала в город?

Иван Иванович, если ему случится прочитать эти строки, будет, наверно, недоволен. Я изменил его фамилию: он не любит, когда ему напоминают его роль в этой истории. Он пожмет плечами и скажет: «Что ж тут? Нужно всегда, в любых условиях, сохранять присутствие духа. Это ясно каждому ученому и коммунисту».

ОСТРОВОК НАУКИ

Утром мы выходим умываться на бархан. Толстый и высокий мой спутник вертит в воздухе полотенцем. Он поет песню, поправляет пенсне, хлопает себя по волосатой груди.

Мимо нас проходит ящерица геккон, задрав крючком хвост. По каким-то своим делам идут священный жук

скарабей и коричневый жук, похожий на черепаху. Это египетский таракан, он отправляется на прогулку.

Здравствуйте, египетский таракан! Здравствуйте, ящерица! Вот утро, солнце, вот куст акации, вот мыло и полотенце — чудесный час стоит на гребне бархана.

Пышные сады пустыни окружают нас. Они переживают сейчас месяц цветения: благоухают кандым, селин, цветет сезен, пахнет джидой, между барханов торчат пышные свечки цистанхи. Дальше идет черт знает что — мы не знаем и не принимаем больше официальной ботаники. Она не влезает в нас. Мы называем растения собственными названиями.

— Вот трокадеро-эльдорадо,— серьезно говорит мой приятель.— Этот цветок мы назовем цветком имени Жан-Жака Руссо.

Я согласен и на трокадеро и на Руссо. Второй день мы живем в этом уединенном углу мира, и наука уже окончательно перепуталась с фантазией. Глазами я ищу точку, по которой можно ориентироваться в этом цветущем хаосе, и вижу метеорологическую будку. Все в порядке, есть еще дела людские на земле.

Здесь мы замечаем среди кустов человека. Он внизу, под барханом, в лиловых трусах, копается в песке. Мой спутник прикладывает руки ко рту, как трубу.

— Добрый день! — орет он и машет полотенцем.— Как поживают ваши арбузы? Их еще не съели суслики? Не забудьте подбросить навозцу, это хорошо для арбузов!

Молодой человек щурится от солнца. Он вытаскивает из песчаной грядки свои руки с засученными рукавами. Мы здороваемся с ним за локоть.

— Я прошу: покажите-ка нам свои грядки. Всю ночь волновались, не спали, целы ли арбузы. Нет, их не слопали? Ну, не беспокойтесь, еще съедят...

Так начинается смотр чудесам. Мы шествуем между песчаными грядками. Это кусок пустыни, взрыхленной мотыгами и утыканной палочками с надписями по-латыни.

— Хорошие растения! — толкает меня в бок приятель, показывая на палочки.— Вот уж они не требуют полива.

Молодой ученый открывает нам будущие богатства, он идет впереди, как кладовщик, и нам слышится звон связки ключей в руках. Мы наблюдаем опытный помидор; его пока еще нет, но мы ощущаем его будущее рождение в тощем зеленом стебелечке, выглядывающем из песка.

— Он обязан победить пустыню, на то он помидор. Как видите, здесь мы делаем опыт без единого полива.

— Помидор хорош с луком и перцем,— строго говорит мой приятель, подмигивая.— Помидор — царь закуски. По крайней мере — генерал-губернатор.— Он неисправим. Он хлопает ученого по плечу и машет перед ним пальцем: — Ну хорошо, профессор, сознайтесь: тайком одну-другую леечку воды подлили ночью для поощрения? Нет? Ну, то-то. А я бы обязательно полил. Вот когда ученый мир удивился бы!

Гордо, как фельдмаршалы, мы обходим шеренги арбузов, тыкв, арбузов с поливкой, арбузов без поливки. Они рапортуют нам о своем здоровье и благополучии.

— Здесь доказано, что арбуз в песках требует не больше полива, чем обычно.

— Это факт или так, в научном смысле?

Мы минуем верную редиску, доказанную дыню, сомнительные кактусы.

— Ну их к свиньям! Пусть растут в Америке,— говорит приятель.— Социализм обойдется без кактусов.

И вот перед нами конец опытно-показательного мира. Нет грядок, нет редиски, домики станции скрылись за барханами. Мы погружаемся в песок, ветерок подхватывает его и несет по волнам, а волн много: они желтым сумасшедшим прибоем окружают крошечный островок науки. Их горбы идут толпами, друг за другом, стадом наступающих животных. Над затейливым рисунком песчаной ряби дрожит накаленный воздух. Три цвета царствуют вокруг: голубой — вверху, а внизу — желтый и зеленый, в вечной

и страшной схватке. Здесь происходит невидимая борьба на жизнь и на смерть.

Мы задумываемся: вот он, огромный шелест пересыпающегося песка, точно шепот, доносится со всех сторон. В конце концов, он нуден и постоянен, как шум моря; бесцельная, тупая работа природы. На верхушках барханов с выветренными, обнаженными корнями прицепились кусты селина, точно погибающие в волнах ловцы. Мы знаем, что все кусты и цветы, которые мы только что видели, не посажены человеком. Они растут по всей пустыне. Но эти растения — тореадоры, суровые и мужественные бойцы. Хилые и неповоротливые растения здесь погибают, оставляя место сильным, с железной хваткой и крепким желудком. Сосущая сила саксаула достигает восьмидесяти атмосфер — вот как добывается здесь влага! Почти всем растениям природой положен отдых от работы, но здешние бодрствуют круглые сутки.

— Они хитрят. Они приспособляются,— кричит нам молодой ученый с соседнего бархана,— они маневрируют, но живут!

Он приносит нам стебель песчаной осоки, но мы знаем уже ее штучки; сейчас она цветет, но скоро, с наступлением жары, она свернется и засохнет, тогда многие подумают, что она скончалась, и пожалеют осоку. Но это анабиоз, обманная смерть; с приходом влаги осока опять развернется, осока будет жить.

— В Казахстане есть растение «Атриплекс Спиноза». Мы его называем «философ пустыни». Он имеет склонность вырастать на сыпучих песках. Как только животные разгребут пески ногами, пожрут растения, глядь — оно тут как тут, выросло на сыпучем песке. Оно хочет сказать: смотрите, всюду жизнь есть жизнь, и ее не задушит никакая пустыня.

Всюду жизнь, и мы чувствуем приближающийся час завтрака. Мы знаем: в пустыне стоит длинный стол, который сейчас ждет нас. Из камышитовых домиков собираются

к иему ботаникн и агроиомы. Идут зоологи и физиологи. Анатом и художник уже сидят за кружками и обсуждают волиующую картину «калигоиум в цвету близ разбитого участка».

Ах, длииный стол! Хорошо — стоишь ты в страшиой глуши мира, далеко от городов и сел, ты свидетель стольких иечеловеческих разговоров!

— Я давио слежу за одиим эфемером иа поливе,— сообщает задумчнво ботаиик.— Подохиет ои или иет?

— Подохиет! — категорически рычит агроиом из-под своей войлочиой шляпы зоитиком.— Сейте ячмеиь, верное дело.

И это сигиал к сражеиию.

Длииной фалаигой выступают агроиомы. Короткими, разрозиениыми ударамн отвечают им аиатомы, физиологи.

Отсиживаются пока в тылу зоологи. Но у молодой соседкн в пенсие дрожнт в руках кружка — оиа готова вступнть в драку.

— Убейте их, убейте! — тихо молит ее мой пРнятель.— Ударьте их сфэксами!

Ои в восторге. У иего чешутся руки, и, полиый предвкушеиий, ои подмигнвает мие.

— Коиечио, можно только сеять. Сегодия сыпать ячмеиь, завтра картошку,— тоико иачинает она,— а там смотреть — взойдут или иет. Какие там изучеиия! Сыпь — и все!

И вот здесь возиикает долгая и страшиая борьба между зоологом и иашим учеиым в лиловых трусах.

— Что касается зоологов,— пожимает ои плечами,— то я вообще ие поиимаю. Их дело козявки там, букашки.

— Вы забыли, что козявки рода сфэксов,— торжествеиио багровеет девушка,— паразитируют иа других иасекомых, и их можио использовать в хозяйстве, поселяя личиики, иапример, в теле кара-курта.

— О светлое будущее биологической борьбы с вреди-

телями! Пока сфэксы паразитируют только в бюджете нашей станции.

Но здесь оказывается, что чай выпит. Агрономы и ботаники расходятся, они растворяются в пустыне, и их не видно за барханами.

Последними встают зоолог и ученый в лиловых трусиках. Оба они сверкают очами, готовые наброситься друг на друга. Тут мы хватаем ученого за руки и поспешно уводим к арбузам и калигонумам.

Мы обходим с ним участки в сотый раз, поражаясь живучести растений. Мы видим саксаулы и калигонумы — деревья пустынь, вообще лишенные листьев, имеющие вместо них свернутые зеленые чешуйки либо веточки, похожие на хвою. Мы осматриваем арбуз, у которого в здешних местах стал уменьшаться лист, видим кусты растений, которые сбрасывают лишние ветки, карагач, у которого отсыхает верхушка, чтобы требовалось меньше влаги.

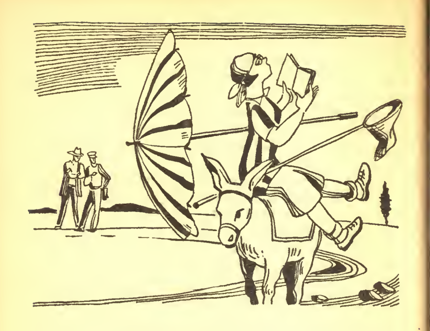
Возвращаясь по тропинке, мы встречаем девушку в пенсне. Она восседает на осле гордо, как царица Савская. Она читает книгу. Осел идет важно, размахивая ушами. Это заслуженный путешественник, по прозванию Федор Федорович Пыжиков, уважаемый осел, участвовавший в десяти далеких экспедициях. Девушка укрывается брезентовым экспедиционным зонтиком с огромной маркой «№ 205» и обмахивается сачком для ловли насекомых.

Мы подходим к Пыжикову, но ученый наш, демонстративно не желая разговаривать, остается в стороне: он рвет растения и нюхает их, нюхает до самозабвения.

— Богиня,— говорит мой приятель-толстяк, задыхаясь от зноя,— вы едете прорабатывать тему сфэксов? Проработайте, пожалуйста, насекомое, которое бы делало ветерок. Вы читаете вторую часть «Тарзана»?

Но ученый не выдерживает, бес ненависти тянет его за язык.

— Нет, нет! — ворчит он, обращаясь к кусту.— Мы читаем труд знаменитых мушистов Штакельберга и Ро-



дендорфа или Мейера — «Руководство по жукам-наездникам».

Разумеется, ослу здесь нужно было бы уйти вовремя и оставить вопрос открытым. Но он, как назло, уперся всеми ногами и не хочет сдвинуться с места. На этот раз он склонен изображать каменного льва у подъезда.

Тяжелая сцена объяснения неизбежна.

— А вы предпочитаете вообще ничего не читать,— сверкает глазами зоолог.— Разве что...

Но тут Федор Федорович Пыжиков вдруг возвращается к реальной жизни. Он срывается с места и мчится вперед так быстро, что гнев зоолога повисает в воздухе.

— Не забудьте — побольше жуков! — успевает крикнуть мой приятель.— И смотрите не простудитесь!

Мы приходим к своей палатке, заглядываем в камышитовые шалаши, ловим скорпиона, дергаем умывальник, нюхаем кактус, но он не пахнет, а нам больше нечего де-

лать. Тихо. В знойных домиках и шатрах молчаливо сидят сейчас ботаники, агрономы, физиологи растений. Они следят за великими процессами, тихими и незаметными, как жизнь в пустыне. Они будут сидеть там до ночи. Они прорабатывают темы содержания сахара в растениях, темы роста пшеницы в песках, темы паразитов на корнях калигонума.

— Давайте проработаем тему женской лаборатории,— говорит приятель.— Зоолог, наверно, уже вернулся.

Но девушка еще ловит жуков. Комната же ее открыта. На миг перед нами мелькает обстановка лаборатории — красноречивое сочетание святой науки с женским бытом: рядом с микроскопом, в хаосе склянок, корней и коробочек с жуками, стоит карманное зеркальце. На банке с заспиртованными скорпионами лежит коробка пудры и носовой платок. На окне висит вышитая занавеска — скромная печать заботливой руки. Тихо мы прикрываем дверь.

Поздно вечером мы сходимся опять за длинным столом. Мы едим и разговариваем. Но все разговоры здесь поворачиваются к знакомым предметам. Сначала они касаются мирных вопросов: химический метод яровизации, возраст саксаула, фашинизация дорог в песках. Вспышка начинается с использования насекомых. Торжествуя, девушка-зоолог вспоминает, что на саранче паразитируют наездники, нарывники и многие иные малые мира сего.

— В Италии едят один из видов глистообразных ремнецов,— напоминает мой приятель с невинным видом, дуя на блюдечко с чаем.— Вы правы. Есть много полезного в вашем мире. Почему нам не развести съедобных глистов?

Но в следующую секунду он жалеет о сделанном. Ботаник хохочет. Девушка мечет на него яростный взгляд, исполненный презрения. Она уничтожает противника двумя фразами и вскакивает из-за стола. Обескураженным остается сидеть ботаник, наш молодой ученый в лиловых трусах, хотя он уже не в трусах, а в черном костюме, ибо над песками стоит вечер и над длинным столом зажи-

гаются звезды. Ученый лишен последней реплики, он взволнован и вскакивает из-за стола.

— Я боюсь, что он ее съест,— говорит мне приятель.— Вы не знаете этих энтузиастов; он может разорвать человека.

Мы встаем и шагаем в вечер. Из какого-то шатра доносится голос патефона. Молодые агрономы и агрономши кончают партию в волейбол. Мяч падает на песок с глухим шуршанием, как мешок. Шатры покинуты. В них скучают микроскопы. У домика станции в темноте мы натыкаемся на людей. Они нам предлагают спеть песню. Мы поем песню. Потом мы возвращаемся к длинному столу. На нем полыхает лампа-молния. Ученые шуршат газетами, отмахиваются от москитов и спорят о событиях в Европе. Черная до зверства ночь Каракумов окружает стол с газетами и разговорами о делах живого мира.

Она полна вздохов, эта ночь, и совершенно непонятных намеков, теснящихся в наших головах, и вот, не в силах сидеть, мы с приятелем, измученные хождением и мыслями, слоняемся по песчаным барханам. Во мраке месяц появляется у горизонта в виде красного диска, поблескивающего в пенсне спутника. Здесь мы замечаем на гребне бархана девушку-зоолога.

— Она мечтает о фауне беспозвоночных,— шепчет мой спутник, уводя меня к домику.

Тут мы наталкиваемся на нашего молодого ботаника. Как нарочно, он направляется туда же, откуда мы пришли.

Сейчас разыграется столкновение! Мы не можем не возвратиться в такую минуту. Но, вернувшись, мы не застаем там ни девушки, ни ученого.

Взойдя на бархан, спутник мой вдруг внезапно останавливается и отступает, пораженный. Он хватает меня за рукав и тянет обратно.

— Ого! Он прав,— говорит он тихо.

Я успеваю заметить девушку и ботаника. Ученые сидят,

крепко обнявшись, перед ними — месяц, и над ними висит развесистый куст. Это сезен, песчаная акация. Но приятель тянет меня за рукав вниз, обратно.

— Идем! Они прорабатывают тему любви. Всюду жизнь «Атриплекс Спиноза». Идем, идем, вы еще молоды смотреть такие вещи.

И вот мы опять шагаем по барханам, на огоньки, на лампу, где слышится песня, и над нами смыкается небо, замечательное наше общее небо со звездами.

ЧЕРКЕЗ

Вот история жизни молодого джигита Черкеза Такула из племени багаджа. Как и тысячи других кумли, родился он в кибитке, на кошме, и ему дали имя Черкез — так называется одно небольшое и красивое деревце пустыни. Другие маленькие туркмены, его сверстники, назывались Кандым — тоже деревце, Елбарс — тигр, Сюиджи — сладкий, и был даже один, которого звали Курра, что значит — осленок.

В полтора года Черкез уже самостоятельно выползал из кибитки и видел мир. Мир был прекрасен: перед кибиткой расстилался огромный глиняный такыр с колодцами. По такыру ходили верблюды, овцы, мужчины в папахах и женщины в ярко-красных платьях. Женщины перетирали на камнях зерна, варили мясо, таскали воду. Мужчины стригли овец, объезжали лошадей, мешали табачный порошок с маслом и солью, чтобы сделать из него хороший жевательный табак. Все это было хорошо. Главное, все это было залито солнцем. Дальше, за такыром, возвышались желтые сыпучие холмы, тогда пока еще неизвестные Черкезу.

В два года он уже играл со своими товарищами на такыре. Они бегали и кувыркались, их бодали козы, они попадали под ноги верблюдам, но это ничего; они становились от этого

только крепче. Ребята играли в войну, в лисицу и лошадь. Самый страшный зверь, которого увидел Черкез, была ящерица — ее принес отец из песков и назвал вараном.

У Черкеза была маленькая сестренка Амин. По вечерам, когда темнело и на такыре ходили дьяволы, они лежали в кибитке и слушали рассказы и песни отца. Отец рассказывал о воинах, о древних хорезмских ханах, о хитрой черепахе, о смешных русских генералах, о драке змей с джейраном и опять о туркменских воинах, которые носят шелковые халаты, железные шапки и большие мечи. На самом деле Черкез не видел воинов, и отец его не был воином. Он был пастухом, носил дырявый халат и елькен — кожаные подметки, привязанные к ногам веревочкой. Он пас стада Иман-Гулыя, который жил на этом же колодце.

Когда Черкез подрос, он стал выходить за такыр и начал узнавать песчаные холмы и множество новых предметов. Мир вырос, и Черкез был похож на мореплавателя, идущего в море. Перед ним лежали желтые пространства, сулящие неожиданности и тайные опасности. Он еще не стал подпаском, как его старший брат, уходивший с отцом, но его стали интересовать совсем другие вещи, нежели кибитки, кувыркание и игра в лисицу.

Он не проводил больше времени и с сестренкой. Говорят: «Дочь доит верблюдицу, а сын смотрит на дорогу». Черкез с Кандымом, Курра с Елбарсом день проводили в песках. Они отыскивали следы лисы, длинной рогатиной ловили варанов, собирали стволы дерева сезен, которое не гниет и из которого делают колодцы. К этому времени все они стали сильными и загорелыми юношами, и соревнование между ними касалось таких вещей, как поднимание одной рукой барана, езда на лошади, находка зверя турсак. Они умели уже различать следы и тропы. Они знали уже следы друг друга и всех живущих на колодце и почти всех верблюдов своего колодца.

«Ах, Сюнджи, Сюнджи! — часто смеялись они над

своим слабым н тихим товарищем.— Он принял это за следы лисы, эту простую иорку жука».

Сюиджи имел слабые глаза и плохие иоги, он улыбался и щурился, слушая своих товарищей.

Обыкиовеиио оии собирались на далеком холме, у заброшениого такыра, где выстроили себе настоящий чабанский шалаш из веток саксаула. Оии лежали здесь, жевали настоящий табак и рассказывали друг другу о том, кто кем будет. Один хотел стать сардаром-воином и искателем троп, другой — охотиником, третий хотел быть тоже Имаи-Гулыем и иметь, как и он, две тысячи овец, три жены и самую красивую кибитку. С их холма хорошо была видна пустыня, она блестела под солицем и холмами уходила к горизонту. Где-то там, как рассказывают, находились камеииые дома, колеса, реки и миого другого страииого. Их тоже, коиечио, интересио было бы увидеть, но, во-первых, еще иеизвестно, правда ли все это, а во-вторых, будучи взрослым, Черкез успеет их повидать, когда повезет шерсть в город.

Когда утром Черкез был занят водопоем и сразу не мог идти с друзьями, то, кончив дела, он отправлялся за такыр и смотрел иа следы трех своих товарищей. Он ощупывал их — иногда это были вчерашиие следы. Тогда Черкез искал среди миожества сегодняшних следов, куда пошли приятели. Вот здесь брат пошел к каху — дождевой яме, у которой пасутся овцы. Вот братья Крим отправились, наверно, за верблюдом. А вот и следы друзей. Черкез шел по следу и видел, что приятели делали. Он спешил вперед и смеялся. Вот здесь онн искалн лису — след ведет к иоре. Ах, чудаки, им ничего не удалось — это ведь брошенная иора! Здесь они сидели. Вот Сюиджи ломал ветку. Накоиец Черкез догонял товарищей.

Одиажды Черкез задержался один в песках, и опустилась иочь. Следы спутались. Черкез лазнл по песку и щупал руками, но дороги не было видно. Тогда ои сел и стал думать. Случайно взглянув иа небо, он увидел яркие-преяркие звезды. В стороне он отыскал звезду «Железный

кол» — как называл ее отец. К этому колу привязана на цепи медведица. Все звезды ходят кругом кола. Тогда Черкез разыскал звезду, ведущую к своему колодцу, и по ней вернулся домой. Дома уже спали. Только сестренка сидела испуганная и шила ему рубашку. Она тоже подросла. Она была худенькая, с тоненькими ручками, но носила уже красное платье и саммок — большой женский убор на голове.

— Ты где же был? — тихо спросила она, испугавшись и обрадовавшись.

Черкез любил свою сестру — это конечно, но он смотрел на нее немного свысока, потому что так было нужно: он — мужчина, а она всю жизнь должна быть у кибитки, она ничего не знает.

Отец был пастухом у бая и половину платы получал так: в стаде хозяина ему была подарена овца. Она должна была все время находиться с другими, потом родить ягнят, и эти ягнята тоже принадлежали отцу Черкеза. Они также паслись со всем стадом и, в свою очередь, должны были стать овцами и дать приплод. Так как в стаде были и свои овцы, то пастухи хорошо ухаживали за всем стадом. Во-вторых, они служили долго, им трудно было уйти, им все хотелось, чтобы собственные овцы выросли в большое стадо. Были пастухи, которые так и умирали, не дождавшись стада. Тогда овцы оставались хозяину.

Отец Черкеза решил, что он хитрее, и, дождавшись двадцати овец, захотел сам стать хозяином.

Здесь в жизни Черкеза произошло первое крупное событие. Хозяин оказался еще хитрее: он не отдал отцу ничего. Тогда все на колодце начали говорить об этом, кричать и порицать Иман-Гулыя. Отца Черкеза все любили: он был весельчак, добряк и рассказывал смешные истории. Теперь он плакал и разводил руками: вот и вся жизнь — двадцать лет он зарабатывал свое стадо. Он, и Черкез, и маленькая Амин мечтали о том времени, когда они получат свое хозяйство и будут счастливы.

Так в первый раз тяжело обманули Черкеза с его отцом.

Утром соседи пошли к колодцу, чтобы поить верблюдов. Но на нем сидел сам Иман-Гулый, толстый, и в ватном халате.

— Вам что, воды? — сказал он.— Нет, я не могу вам дать больше воды. Я хочу очень пить, боюсь, не хватит.

Колодец был его, и никто не мог ничего поделать. Но Иман хотел только попугать, чтобы никто больше никогда не кричал: он любил тишину и не терпел, когда кричат на колодце.

В конце концов он выдал отцу Черкеза семь овец, и тот стал хозяином.

С тех пор прошло несколько лет, и мир очень изменился за это время. Вот какие перемены произошли на колодце: Черкез, Сюнджи и Курра стали большими. Мать умерла. Отец стал старым, брат — взрослым. Разве только одна Амни осталась маленькой, но ей это полагалось — она была стройной семнадцатилетней девушкой. Колодец уже принадлежал не Иман-Гулыю, а аулсовету. Председателем аулсовета был низенький приезжий туркмен, в пиджаке, с бритой бородой. Он сидел в кибитке Совета и писал бумаги. Это была очень непонятная жизнь: на баранов была бумага, на верблюдов — бумага, на шерсть — бумага, даже ящерицы и джейраны записывались в бумагу. У бритого туркмена были помощники. Иман-Гулый остался таким же толстым, но стал гораздо добрее. Он был членом аулсовета. На этот колодец пришел аулсовет, но жизнь почему-то не изменилась.

Она становилась даже хуже. Где прекрасный мир, где тропа друзей, где шатер мечтаний? И Черкез — взрослый человек, у него серьезное лицо, и день перед ним стоит серьезный и холодный, как стол председателя аулсовета. Почему в жизни так много непонятных трудностей?

Однажды у отца Черкеза отобрали всех овец и верблюдов. Ему прочитали бумажку с печатью, где было сказано, что он бай, что он богатый скотовод и скот его подлежит

национализации. Черкез не знал, что такое национализация, но товарищ его, Сюиджи, сказал, что это ошибка, что это выдумали какие-то нехорошие люди, враги, и он должен поехать в аул и рассказать обо всем.

— Ты сын пастуха,— сказал он,— и тебя должны выслушать с почетом. Такой теперь закон. Езжай.

Черкез сел на осла и поехал в аул. В ауле люди показали ему глиняный дом, в доме за столом сидел человек в пиджаке, и перед ним толпились пастухи. Черкез снял шапку и вынул оттуда бумажку.

— Я бедняк,— сказал он и показал бумажку с печатью.

Человек прочел бумажку и внимательно посмотрел на Черкеза.

— Ты бедняк? — сказал он, сделав озабоченное лицо и качая головой.— Да ну? Что ты говоришь? Ай-ай-ай...

Он растрогался, опять качал головою и даже чмокал губами и еще два раза спросил Черкеза — кто он, и Черкез обрадовался и улыбнулся, и человек, глядя на него, тоже улыбнулся, и они смотрели так друг на друга и смеялись. Потом человек вдруг нахмурил брови и сказал:

— До свиданья,— и показал рукой на дверь.

— Я бедняк,— повторил Черкез, испугавшись.

— Чит! — закричал вдруг человек, вставая.— Долой! Долой отсюда, мне некогда!

— Мой отец был пастухом и заработал овец у бая в течение двадцати лет...

Но человек так кричал и топал ногами, что Черкез выскочил на двор и, забыв надеть шапку на голову, пошел, сам не зная куда. К вечеру он добрался до своего колодца и молча лег на кошме в кибитке. Он ничего не понимал. Он не знал, что он опять говорил с врагами. Его опять обманули. Отец и брат смотрели на него и ничего не спрашивали. Сестра Амин сидела в углу и плакала. Пришел Сюнджи, посидел и ушел, разводя руками. Потом пришел Иман-Гулый, который стал теперь добрее.

— Такое время,— сказал он,— ничего не поделаешь.

Я сам стал бедняком. Крепнтесь. Может быть, будет еще хуже. Вот, говорят, скоро н у нас объявят колхоз. Все мы под богом.

Но через несколько дней вдруг все пески заговорнлн о джигитах. Это было как пламя. Оно шло от Мерва н от Казанджика, с севера и с юга, от афганской граннцы.

И однажды утром к колодцу прискакал отряд. Это были иеобыкновениые туркмены — на взмылеииых коиях, на ковровых попонах, бряцая серебряной сбруей, в шелковых халатах, с черными бородами, обрнтыми по правилам племенн. Словно примчавшись нз туркменской сказки, спрыгиув на песок, придержнвая крнвые турецкие сабли, онн прошлн в кнбнтку Имаи-Гулыя. Там они пнли чай и молоко. Они смеялнсь, выходили к толпе н говорнлн:

— Конец, конец, дорогие туркмены, нашему аулсовету, и женотделу, и костезаготовкам, и кнбнтке-чнтальне. Вернулся бог, и все колодцы н все аулы н города уже с намн,— что вы скажете?

Что скажут худые песчаиые людн в дырявых халатах, слушая таких зиатиых н блестящих сороднчей, которых видят онн в первый раз в жнзин и которые пришли, может быть, из самого Хорасана?!

— Ты пойдешь? — спроснл Черкез Сюиджи.

Сюиджн покачал головой. Елбарс н Курра тоже остались.

Полтора года Черкез с отцом, братом н сестреикой мчались по пескам взад н вперед. Полтора года Черкез стоял иа постах, езднл иа верблюде, прнжнмая к себе виитовку, украшенную кнсточкамн, стрелял, убегал, варнл суп из кореиьев, спал под открытым небом навзннчь, как мертвая вещь, как сломанная ветка, как человек, у которого иет больше дорогн. Он открывал глаза и вндел небо, ио ему не хотелось смотреть на иего и ие хотелось просыпаться. Горькая правда струнлась, как едкий дым. Черкез медленно открывал глаза. Он боялся сказать себе, что его третий раз обманулн.

Отца его убило бомбой во время страшного боя у Бохкал-Кую, когда джигиты бежали, закрыв глаза и уши.

Его брат умер раненый, почериев от болезни, когда три дня они не пили воды: отступая, его сбросили с верблюда на песок.

Черкез, обериувшись, не успел рассмотреть, как он упал между иог бежавших верблюдов.

Только один человек остался у него, с которым он мог поговорить о своих мыслях,— малеиькая Амин. Он приходил к ней и садился возле шалаша, у которого она шила одежду и кипятила чай. Он садился и смотрел иа нее и ничего не говорил. Она стала худой, бледной, глаза ее провалились.

«Вот удивительио,— думал он,— она всю жизиь молчала, а никто не подумал бы, что она будет держаться крепче всех и что она все понимает».

— Ничего,— говорила она, смеясь,— я тихонько уйду, разыщу наш колодец и расскажу, что ты ошибся. Вот и все.

У костров тихо, как тени, скользили жеищины. Верблюды лежали, дожевывая траву. За верблюдами простирались шалаши, кумганы, ведра, бочки, халаты. За иими на холме стояли шатры атаманов. Иногда оттуда раздавались крики и ругань. Атаманы спорили, кому быть главным. Каждый из иих доказывал, что он родственник знаменитого Дурды-Мурда и Ахмед-Бека и всех славных погибших главарей.

Одиажды к Амии пришли джигиты и сказали, что оиа будет прислуживать начальнику.

— Нет,— сказала оиа.

— Нет, будешь! — сказали те, смеясь, скаля зубы и размахивая плетками.

Они взяли ее за руки и поиесли. Тогда Черкез побежал к атамаиу. Тот сидел иа ковре и, подвинчивая бинокль, смотрел в него сперва с одной стороны, потом с другой, потом — прикрыв один глаз рукой, потом — открыв его.

— Я заият,— сказал ои, увидев Черкеза.

— У меня убиты отец и брат! — закричал Черкез.— Я целый год сражаюсь в джигитах!

— Не кричи, — сказал тот,— здесь не пленум аулсовета.

— Твой отец и брат не прочь тебя увидеть,— сказал другой медленно и сквозь зубы, похлопывая рукой по револьверу.

Ночью Амин ушла из лагеря.

Черкез лежал у костра и смотрел на красные угли.

«Амин, Амин,— думал он, представляя ее бегущей в легком халате и в красных штанах по барханам, и вдруг он испугался.— Ведь она не знает ни одной тропы. Бедная сестра! Она не понимает даже следа навозного жука. Она погибнет одна, ничего не понимая и не умея».

Он тихо осмотрелся, взял винтовку и вышел из лагеря.

Он бросился бежать. Он бежал по песку всю ночь по следам Амин, освещаемый луной. Он обливался холодным потом.

На рассвете он увидел сестру. Она сидела под кустом,

сжавшись в комочек, и дрожала, смотря кругом широко открытыми глазами. Он накинул на нее свой халат, и они пошли.

Вот они остались одни, вдвоем. Куда они шли? Где для них осталось место? Вот идет сестра, вот рядом он.

— Холодно, сестра? Где твой дом, сестра?.. Ничего, есть еще в руках винтовка, и будет тепло.

— Ничего,— сказала Амин,— мы построим шалаш. Ты убьешь зайцев.

— Конечно, ничего! — сказал Черкез и заплакал в первый раз в жизни, но отвернулся.

Он посадил сестру, а сам свернул в сторону. Он велел сестре сесть под кустом и отдохнуть, пока сам не вернется.

Черкез поймал заячий след, потом начал искать колодец. К утру он вернулся назад. Подходя к замеченному бархану, он услышал крики. Он всполз наверх и выглянул из-за куста. Внизу стояли десять басмачей, спешившись. Они окружили Амин. Она была голая, со связанными назад руками. Они поставили ее на бархан. Амин была очень худая, и у нее дрожали и подгибались колени. Басмачи ругали ее. Потом Амин закричала, один басмач взял винтовку за дуло и, сильно размахнувшись, ударил Амин по голове.

Черкез побежал по барханам. Он больше ни о чем не думал. Два месяца он бегал по пескам, как загнанная лиса. Он огибал жилые колодцы и прятался от свежих следов.

Ночью он выходил на гребни барханов и искал одичавших верблюдов, брошенных басмачами. Чтобы не было выстрелов, он подходил к измученному, голодному животному и бил его прикладом. Он рвал верблюжье мясо и пек его в горячем песке. Он вырывал под кустами корни сладкого растения косюк, ел дикий чеснок, ел севдек, чырш и семена трав. Он собирал ветки растений чомыч и делал из них жвачку. Когда лето иссушило дождевые ямы, он отыскивал потаенные места, где басмачи прятали снег на лето. Он глубоко выкапывал песок, вынимал куски по-

лурастаявшего снега и ел их. Его рубашка изорвалась, и он связал ее куски стеблями селина.

По ночам, когда приходил холод, он укрывался ветками кустов... «Холодно, Черкез? Где твой дом, Черкез?» Он зарывал голову в песок и ни о чем не хотел думать.

Иногда он приползал к далекому колодцу. Он бродил вокруг него и подолгу останавливался над следами. Да, вот они. Это след Елбарса и Курра, старых друзей детства. Вот они сегодня прошли здесь с верблюдами. Вот их чабанский шалаш. Здесь они мечтали когда-то стать воинами и поехать в город и жевали табак. Черкез больше никогда не плакал. Он только ощупывал высохшие ветки руками и удивлялся, когда они оказывались в самом деле ветками. Разве это действительно было когда-то?..

Иногда он подползал совсем близко к такыру и, лежа в кустах, видел людей и два глиняных дома, выросших посредине. Это Совет и правление колхоза. Это совсем не такой Совет, как был раньше. Черкез слыхал, что бритого туркмена давно выгнали, а Иман-Гулый сидит в тюрьме. Как много перемен на такыре! Вырыто три новых колодца. Женщинам привезли швейные машины. Жизнь стала хорошей, а Черкеза здесь нет. Он прятался в кустах, как зверь. Мимо него проходили тучные стада колхоза. Кто там гонит их к водопою — может быть, Елбарс или Курра?

Однажды утром, придя на свое место, он нашел много следов, ушедших от колодца. Он знал, что это был отряд туркмен, поднявшихся бить басмачей. Черкез отправился сзади него, он видел знакомые следы. Отряд уходит вперед, а далеко, за несколько километров сзади, он пускает следопытов. Те смотрят — не идет ли кто за отрядом.

Теперь шли так: отряд, потом Елбарс и Курра и сзади всех Черкез. Он радовался, что следопытами идут его друзья и он видит все, что они делали. Иногда он даже смеялся: как будто он опять идет вместе с ними. Вот они останавливались, разводили костер, вот искали тропу. По обрывкам хлыста он видел: скоро Курра остановит верблю-

да, чтобы сломать новую ветку. Чудак, он по-прежнему выбирает длинные кривые палки, которые достают до хвоста верблюда. Иногда Черкезу очень хотелось догнать их и идти вместе. Но он очень боялся, что все хорошее опять куда-то исчезнет. Во всяком случае, он еще успеет это сделать.

И вдруг он увидел — еще кто-то появился между ним и разведкой. Это следы некованых басмаческих коней. Их двое. Они видят разведку, потому что по следу видно — они все время осаживают коней.

Тогда Черкез забыл обо всем и решил предупредить товарищей. Да, он скажет, что его обманули, пусть его тоже примут в хорошую жизнь. Но теперь получилось так: спереди отряд, потом разведка, потом басмачи, и сзади всех Черкез, и он один — пеший. Нет, ему никак не догнать разведки.

Черкез бросился бежать вперед. Только выбежав на бархан, он заметил двух людей, поджидавших его. Пуля пролетела над ним. Не успев остановиться, он поднял винтовку и выстрелил в высокого, дородного басмача. Тот упал. Другой выстрелил в Черкеза. Когда до Елбарса и Курры долетела перепалка и они примчались назад, они нашли своего бывшего товарища лежащим на их тропе лицом вниз с винтовкой в правой руке. Вот его могила под этим барханом. Снимите перед ней шапки! Здесь похоронен Черкез, трижды обманутый в жизни, в конце ее нашедший дорогу к правде, молодой джигит из племени багаджа.

СОДЕРЖАНИЕ

Для старшего возраста

Михаил Петрович Лоскутов

ТРИНАДЦАТЫЙ КАРАВАН

ИБ № 7210

Ответственный редактор *Е. К. Махлах*
Художественный редактор *Н. Э. Левинская*
Технический редактор *М. А. Кутузова*
Корректоры
Т. А. Нарышкина и *М. Ю. Сиротникова*

Сдано в набор 11.11.83. Подписано к печати 26.04.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд. л. 14,06. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4118. Цена 65 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Лоскутов М.

Л79 Тринадцатый караван: Научно-художественная литература/ Рис. Т. Лоскутовой.— М.: Дет. лит., 1984.— 286 с., ил.

В пер.: 65 к.

В книге рассказывается об одном из крупнейших мировых автопробегов — Каракумском автопробеге, о впервые проложенной трассе через аральские пески в пустыню Каракумы.

$Л\frac{4803000000—336}{М101(03)84}$ 325—84 Р2

65 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»